

ИСТОРИЯ HISTORY

Ахметова А. В.
A. V. Akhmetova

**КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
В ОТНОШЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЭТНОСОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1960 – 1970-е гг.**

**CULTURAL AND EDUCATIONAL POLICY OF THE SOVIET STATE IN RESPECT
OF INDIGENOUS POPULATIONS OF THE RUSSIAN FAR EAST BETWEEN 1960 – 1970-ES**

Ахметова Анна Валинуровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, Россия, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Октябрьский, 36 – 55; 89622960095. E-mail: vyrds@rambler.ru.

Ms. Anna V. Akhmetova – PhD in History, Associate Professor at the Department of History and Archival Sciences, Komsomolsk-on-Amur State Technical University; 681035, Russia, Khabarovsk Region, Komsomolsk-on-Amur, pr. Oktyabrskiy, 36 – 55; + 7(962) 2960095. E-mail: vyrds@rambler.ru.

Аннотация. В статье освещена политика государства в области культуры и просвещения коренных малочисленных народов Дальнего Востока в 1960 – 1970-е гг. Рассмотрены основные мероприятия в области создания кинопередвижной, библиотечной сетей, средств массовой информации.

Summary. The paper deals with governmental policies in the field of culture and education of indigenous minorities of the Russian Far East between 1960 – 1970-es. The paper describes the main measures undertaken at that time: e.g. development of a network of mobile cinemas and libraries, as well as mass media.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, Дальний Восток, традиционное общество, русификация, национальная политика.

Key words: indigenous minorities, the Far East, traditional society, russification, national policy.

УДК 397

В 1960 – 1970-е гг. продолжает расширяться сеть культурно-просветительских учреждений в национальных районах Дальнего Востока. Перед региональными органами власти была поставлена цель улучшения быта национального населения и повышения их культуры [16]. В связи с реализацией Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1957 г. были определены следующие направления деятельности: повышение уровня работы клубов и библиотек в национальных селах, контроль за состоянием сельских учреждений культуры [9].

Наиболее массовой формой культурно-просветительного обслуживания было кино. Развитие кинопередвижной сети и более широкое использование транспортных средств для доставки их на отдаленные участки позволили обеспечить кинообслуживанием оленеводческие, охотничьи и рыболовецкие бригады. К началу 1960-х гг. была произведена всеохватывающая кинофикация населенных пунктов. В одном только Комсомольском районе Хабаровского края было установлено в 1958 – 1962 гг. пять профсоюзных киноустановок [1]. В среднем в селах демонстрировалось по 18 – 20 фильмов в месяц [4]. В середине 1960-х гг. особое внимание уделялось развитию киносети в самых отдаленных, труднодоступных и малонаселенных пунктах национальных территорий.

Улучшение транспортной связи способствовало развитию сети кинопередвижек в тундре и тайге. Если в Чукотском национальном округе в 1965 г. было 145 киноустановок, то в 1975 г. их стало 215. За этот период в районах округа было построено пять широкоэкранных

Ахметова А. В.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

В ОТНОШЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЭТНОСОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1960 – 1970-е гг.

ных кинотеатров. При стационарных киноустановках в 1968 г. было 14238 мест, тогда как в 1960 г. – всего 5067. Ежедневно в округе кинофильмы смотрели более 13 тыс. зрителей, т.е. в 2,5 раза больше, чем в средней полосе России [14].

Киномеханиками в селах работали представители коренного населения. В постоянно действующей школе киномехаников в Магадане обучалась молодежь девяти народностей Севера. Во многих селах, где проживало национальное население, имелись сельские дома культуры, в которых регулярно велись показы фильмов с широким экраном, хорошей демонстрацией и тематикой [4]. Так, в Аяно-Майском районе было 3 дома культуры, 3 сельских клуба с количеством зрительных мест – 590 [8]. В то же время не все клубы соответствовали по своим данным учреждениям культуры, требовали капитального ремонта или не могли вмещать всех желающих посещать клубы и дома культуры в связи с приливом населения в отдельные села [3].

Не все селения национальных районов имели киноустановки, в Ульчском районе из 62 населенных пунктов в 1966 г. имели стационарные установки 43 пункта, совсем не были обслужены кинопоказом 19 населенных пунктов с численностью 932 чел. [8], т.е. это были мелкие населенные пункты до 100 человек жителей, крупные селения были относительно обеспечены киноаппаратурой.

Слабой стороной кинообслуживания явилось отсутствие хороших современных клубов в национальных селах, что не давало, в свою очередь, возможности установить более современную кинотехнику, что значительно улучшило бы качество кинопоказа.

Работники учреждений культуры вели культурно-просветительскую работу по обслуживанию населения. Достаточно регулярно в национальных районах проводились лекции, доклады, беседы, читательские конференции, диспуты и т.д. Так, в Охотском районе при всех клубах работали лекторские группы, членами которых за 1966 г. было прочитано 926 лекций и докладов на различные темы, из них общественно-политических – 117, естественнонаучных – 26, сельскохозяйственных – 56 [8] и т.д. В то же время мало читалось лекций по привитию культуры местному населению, на медицинские темы. Крайне редко в национальных селах выступали лекторы и докладчики райкомов партии и районных организаций общества «Знание» [7]. Также не проводились читки газет, беседы и лекции на полях [5].

Красные яранги вели работу среди пастухов-оленоводов, в них обучались малограмотные представители коренных народов, после чего они получали удостоверения об окончании курса начальной школы. Демонстрировались фильмы, снабжалось местное население книгами, новыми журналами, газетами, причем газеты выписывались на родных языках. Красные яранги обеспечены необходимым инвентарем, оборудованием, спецодеждой, фотоаппаратами, приемниками «Родина», кинопередвижками, настольными играми. В то же время во многих ярангах штат полностью не укомплектован [8].

С целью решения данной проблемы районные отделы культуры отправляли на учебу местные кадры в краевые и областные просветучилища. Так, в Приморском крае было возбуждено ходатайство перед Министерством культуры РСФСР о посылке 10 человек из удэгейцев в Каннский библиотечный техникум и Хабаровскую культпросветшколу, имеющие отделения для этой народности [6]. Местные власти направляли в национальные районы специалистов культпросветработы. Так, в Корякский национальный округ в 1969 – 1970 гг. было направлено 80 специалистов культпросветработы [13].

Используя авиатранспорт, работники красных яранг стали чаще бывать у оленоводов. В 1968 г. ими было сделано в бригады 656 выездов, было продемонстрировано более 2300 киносеансов. Работники регулярно проводили беседы среди пастухов на различные темы, доставляли в бригады музыкальные письма от родных и знакомых, организовывали фотогазеты [15].

Для организации культурно-просветительской работы в отдаленные районы отправлялись агиткультбригады, располагающие необходимой материальной базой: киноаппаратурой, магнитофонами, фотоаппаратами, радиоприемниками, кинокамерами. Они обслужива-

ли, в основном, оленеводов дальних совхозов. Так, в Корякском национальном округе просветительную работу проводили работники 14 агиткультбригад, они устраивали концерты, распространяли опыт ведущих оленеводов [12].

Культурно-просветительскую функцию в значительной мере реализовывали средства массовой информации. В Чукотском национальном округе в 1960-е гг. выпускалось шесть районных и две окружные газеты. Четыре раза в неделю выходила окружная газета «Совет-кэн Чукотка» на чукотском языке. В мае 1974 г. в Шмидтовском районе стала выходить еще одна газета «Огни Арктики». Наиболее популярными центральными газетами среди национального населения были «Правда», «Советская Россия», «Труд», «Сельская жизнь», «Красное знамя», «За коммунистический труд», «Комсомольская правда» [4].

В отдаленные районы корреспонденция доставлялась вертолетом 10 – 12 раз в месяц. Часто периодика доставлялась либо самолетом (летом), либо автомобилем (зимой), поэтому краевые и областные газеты приходили с опозданием [4]. В 1968 г. на 1 тыс. жителей Магаданской области приходилось более 1,5 тыс. газет и журналов, а в центре Чукотского национального округа – Анадыре, в Беринговском и Провиденском районах – более 2 тыс. экз. [13]

В то же время потребности населения в периодической печати не покрывались предложением, что говорило о культурном росте населения и одновременно о недостатках культурно-бытового обслуживания национальных районов. Так, в Приморском крае при потребности в «Роман-газете» – 20 экз. привозилось всего 9, в «Человек и закон» – 25 экз. привозилось 9 и т.д., в связи с этим с каждым годом увеличивалось необходимое количество привозимых изданий [4]. Большую отрицательную роль в данной проблеме сыграла здесь неудовлетворительная работа почты [3].

О росте культуры населения свидетельствовало увеличивавшееся из года в год количество библиотек. Если в начале 1960-х гг. во всех пунктах Чукотки их насчитывалось 67 с фондом книг 244,4 тыс. экз., то к 1969 г. их стало 78 с количеством книг 667 тыс. экз. [3]. Просветительская деятельность проводилась работниками библиотек по ознакомлению населения с новой литературой, событиями международной жизни. В Нанайском районе Хабаровского края имелось на 1967 г. 17 библиотек общеобразовательных школ с книжным фондом 47 тыс. экз., 21 массовых библиотек с книжным фондом 145,5 тыс. экз., из них две были профсоюзные с книжным фондом 10,5 тыс. экз., услугами которых пользовались около 3 тыс. жителей [7]. Книжный фонд районной библиотеки в п. Троицком вырос за 1966 – 1970-е гг. с 12974 тома в 1966 г. до 17350 тома в 1970 г., а число читателей возросло вдвое с 1184 чел. в 1966 г. до 2490 чел. в 1970 г. [10]. Библиотеки в селах, в основном, были расположены при клубах. Самостоятельных библиотек было немного.

Недостатком в библиотечном деле было то, что книжный фонд в библиотеках был ветхий, так как денег для пополнения книжного фонда ежегодно отпускалось мало. Также ветхий фонд списывался в недостаточном количестве. Зачастую отсутствовала зарубежная литература. Одновременно с этим имелось много книг не по назначению, например, по сельскому хозяйству, машинному делу. Профсоюзные библиотеки обеспечивались книжным фондом в достаточном количестве, и их книжный фонд выглядел лучше. Книжные издательства увеличивали выпуск литературы на родных языках коренных народов.

Большую роль в повышении культурного уровня коренного населения, в расширении их кругозора играло радио. Для национального населения из окружных, краевых и областных центров регулярно велись радиопередачи. В то же время зачастую радиоузлы были старого выпуска и нуждались в оснащении новым оборудованием. Так, в национальных колхозах Комсомольского района Хабаровского края аппаратура радиоузлов была устаревшая, некачественность кадров привела к тому, что население было лишено возможности регулярно слушать радиопередачи. Для улучшения данной ситуации радиоузлы колхозов были переданы на баланс и обслуживание районных контор связи, выделены необходимое количество штатных единиц, аппаратура для обслуживания радиоузлов [2].

Ахметова А. В.

**КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
В ОТНОШЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЭТНОСОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1960 – 1970-е гг.**

К выпускам радиопередач стали чаще и больше привлекаться специалисты, руководители хозяйств, бригадиры. В Корякском автономном округе наиболее популярны передачи местных радиовещаний, такие, как: «Районные новости», радиолекторий «Здоровье», «Оленевод тундры» и т.д. [11].

Из-за отдаленности и малочисленности населения многих национальных сел от центров не все населенные пункты были обеспечены проводным радиовещанием. Жители таких поселков пользовались радиоприемниками [4].

Таким образом, меры по организации просветительных учреждений и их развитию привели к улучшению культурной и бытовой сферы малых народов, но удаленность национальных районов от центров, отсутствие надежных транспортных средств и прочего технического оснащения, текучесть кадров тормозили осуществление конкретных мероприятий в данной области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архивный отдел администрации Комсомольского района, ф. 28, оп. 1, д. 196, л. 2.
2. Архивный отдел администрации Комсомольского района, ф. 28, оп. 1, д. 183, л. 79.
3. Архивный отдел администрации Комсомольского района, ф. 34, оп. 1, д. 97, л. 20, л. 367.
4. ГАПК, ф. 26, оп. 35, д. 809, л. 9, л. 30, л. 43, л. 55.
5. ГАПК, ф. Р-36, оп. 1, д. 433, л. 196.
6. ГАПК, ф. 510, оп. 3, д. 364, л. 32.
7. ГАХК, ф. 35, оп. 96, д. 284, л. 59, л. 63.
8. ГАХК, ф. 719, оп. 33, д. 97, л. 8, л. 9 – 23.
9. ГАХК, ф. П-1962, оп. 8, д. 35, л. 166.
10. Горохова, Е. А. Историко-экономический очерк Нанайского района (1934 – 1970 гг.) / Е. А. Горохова. – Хабаровск: ГАХК, 1974. – 90 с.
11. Из доклада секретаря Корякского окружкома КПСС В.Н.Арефьева на пленуме окружкома о культурно-просветительных учреждениях от 30 марта 1968 г. // Летопись жизни народов Северо-Востока РСФСР. – Петропавловск-Камчатский: Дальневосточное книжное издательство. Камчатское отделение, 1986. – С. 165.
12. Из отчета Быстринского райисполкома о деятельности агиткультбригад за 1977 – 1978 гг. // Летопись жизни народов Северо-Востока РСФСР. – Петропавловск-Камчатский: Дальневосточное книжное издательство. Камчатское отделение, 1986. – С. 182.
13. Из решения Камчатского облисполкома о выполнении советами Корякского национального округа постановления Совета Министров РСФСР «О состоянии и мерах улучшения культурного обслуживания населения Корякского национального округа от 6 декабря 1969 г.» от 25 декабря 1970 г. // Летопись жизни народов Северо-Востока РСФСР. – Петропавловск-Камчатский: Дальневосточное книжное издательство. Камчатское отделение, 1986. – С. 168.
14. Очерки истории Чукотки с древнейших времён до наших дней / под ред. Н. Н. Дикова. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1974. – 456 с.
15. Постановление Бюро Камчатского обкома КПСС, Облисполкома и Облсовпрофа об итогах соревнования красных яранг по культурному обслуживанию оленеводов от 26 марта 1969 г. // Летопись жизни народов Северо-Востока РСФСР. – Петропавловск-Камчатский: Дальневосточное книжное издательство. Камчатское отделение, 1986. – С. 167.
16. Постановление СМ СССР от 3 сентября 1960 г. № 947 «О дополнительных мерах по развитию хозяйства и культуры народностей Севера» // Собрание постановлений правительства СССР. – М.: Юридическая литература, 1960. – № 15. – Ст. 131.

Васильченко О. А.
O. A. Vasilchenko

**СОЦИАЛЬНО–КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX вв.):
АККУЛЬТУРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ**

**SOCIAL AND CULTURAL PROCESSES IN THE FAR EAST OF THE RUSSIAN EMPIRE
(LATE XIX c. – EARLY XX c.): ACCULTURATION OF LOCAL POPULATIONS**

Васильченко Олег Алексеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры «Социальная работа» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: SFknagtu@mail.ru.

Mr. Oleg A. Vasilchenko – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Social Work, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: SFknagtu@mail.ru

Аннотация. Проанализирована государственная политика, направленная на создание благоприятных условий для взаимовлияния культур жителей Дальнего Востока в экономической, духовной и политической сферах во второй половине XIX – начале XX вв. Рассмотрена деятельность РПЦ по распространению христианства как средства сближения пришлого и аборигенного населения. Охарактеризованы особенности протекания процессов аккультурации в области быта и хозяйственной деятельности жителей Дальневосточного региона Российской империи.

Summary. The paper deals with governmental policies directed towards the creation of favorable conditions for interaction of the cultures of the inhabitants of the Far East, in such areas as economy, religion and political activity, in the second half of XIX - beginning of XX cc. The role of the Russian Orthodox Church was studied in the process of evangelical preaching as a means of promoting closer contacts between the indigenous and alien populations. The process of acculturation as part of everyday life and economic activities of the different populations of the Far Eastern region of the Empire is described.

Ключевые слова: Дальний Восток, Российская империя, аккультурация, население, аборигены, культура, азиатские иммигранты.

Key words: the Far East, Russian Empire, acculturation, population, indigenous, culture, Asian immigrants.

УДК 316.35/356.2

Результатом переселений и иммиграции стало скопление на Дальнем Востоке Российской империи необыкновенно пестрого по этническому, религиозному и социальному составу населения. Здесь присутствовали представители разных рас (европеоидной и монголоидной), разных этносов (восточнославянских, азиатских, коренных народов), разной социальной принадлежности (крестьяне, казаки, купцы, духовенство, дворянство), разного вероисповедания (православные, буддисты, иудеи, католики и др.).

Преобладали приверженцы официального православия (русские, украинцы, белорусы).

Как социально-территориальная система Дальний Восток должен был представлять общность организации проживающего в его рамках населения. Другими словами, географическая и природно-климатическая однородности определяли общность условий хозяйст

Васильченко О. А.

**СОЦИАЛЬНО–КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.): АККУЛЬТУРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ**

ния, на основе которой формировалась социально-пространственная организация культурной жизни проживающих в этом регионе людей.

Созданию общности организации населения способствовали взаимовлияние и взаимообогащение культур народов, населявших регион, то есть аккультурация [9, 315].

Основой влияния русских была более высокая по уровню материальная и духовная культура. Преимуществом аборигенов стал веками приспособленный к местным условиям уклад жизни.

Во взаимоотношениях русских и выходцев из азиатских стран последние имели преимущество – высокую культуру земледелия, несмотря на примитивные орудия труда, причем земледельческая культура была адаптированной к условиям российского Дальнего Востока.

Процессу аккультурации способствовала государственная политика в отношении аборигенного населения и азиатских иммигрантов. Среди административных мер, создавших благоприятные условия для взаимовлияния культур, можно выделить действия властей в экономической, духовной и политической сферах.

Вовлекая аборигенное население в хозяйственную жизнь региона, российские власти в первую очередь стремились сделать его оседлым. Кочевой образ жизни позволял сохранять обособленность народа и снижал возможности местной администрации влиять на его жизнедеятельность.

Оседлый образ жизни способствовал увеличению контактов коренных жителей и пришлого населения, особенно если учесть, что оседали аборигены вблизи русских поселений.

Еще одним шагом на пути аккультурации в экономической сфере стало применение более совершенных орудий (сетей, ружей, капканов и др.), в традиционных видах промысла коренных народов – рыболовстве, охоте.

Кроме того, приобщение к огородничеству, скотоводству, птицеводству и другим нетрадиционным видам труда привело к тому, что хозяйственная деятельность аборигенов и переселенцев были очень похожими.

Культурное взаимодействие народов значительно укрепилось на основе развивающейся торговли.

В духовной сфере аккультурации способствовали христианизация населения и его обучение, введение русского языка как основного средства общения.

Заметную роль в сближении пришлого и местного населения сыграла православная церковь. В первых рядах переселенцев находились миссионеры, занимавшиеся распространением православия среди аборигенов, большинство из которых не противились христианизации. Это объяснялось тем, что крещение местное население воспринимало как акт принятия российского подданства. Например, гольды крестились массами и с большой охотой. Иногда для крещения детей совершали путь за 100 верст на собаках и лодках [4, 57].

При крещении аборигены получали русские имена, крестики и образа. При этом суть христианской религии местные народы почти не восприняли. Только в миссионерских школах они получали отрывочные знания в области христианского вероучения.

Миссионерство активно поддерживалось местной администрацией. Например, в 1916 г. только в районе Благовещенской миссии имелось 16 миссионерских приходов.

Царские власти понимали, что наиболее действенным способом русификации семей аборигенов являлось воспитание их детей в российских миссионерских или министерских школах.

На Камчатке первые три школы для аборигенного населения были открыты еще в 1742 г. По поводу этого исследователь С.П. Крашенинников писал: «Заведены там и школы,

в которые сами камчадалы охотно отдают детей своих. Таким образом, в короткое время много варварства без сомнения искоренится» [3, 373].

Аборигенное население, проживавшее вблизи русских поселений, испытывало потребность в изучении русского языка. Так, в 1876 году на Сахалине айньские старшины попросили открыть в их селении школу для изучения русского языка или разрешить им обучать своих детей в Корсаковской школе [7].

Согласно Уставу «О Сибирских инородцах» от 1822 года, действие которого было распространено на дальневосточных аборигенов, им предоставлялось право отдавать детей в правительственные учебные заведения и открывать собственные школы [8, 135].

Целью обучения детей являлось улучшение их быта и распространение среди них знания русского языка.

Результатом распространения русского языка стало его преобладание среди оседлого аборигенного населения. Подобный факт приводит географ К. Дитмар, описывая оседлое население Камчатки: «По-камчадалски теперь говорят еще разве одни старые бабы, между тем как мужчины не понимают камчадалской речи, и все уже говорят по-русски» [1, 169].

В политической сфере важным условием аккультурации являлось мирное сосуществование коренных жителей с русскими казаками и крестьянами.

Взаимоотношения восточнославянских переселенцев и аборигенного населения характеризовал исследователь Приамурского края А.А. Кауфман: «Русские переселенцы не могут относиться так, как испанцы относились к ацтекам или инкам и как англичане до сих пор относятся к чернокожим обитателям» [2, 9].

Миролюбивые отношения переселенцев и аборигенного населения послужили основой для развития их дальнейшего взаимодействия в хозяйственной, бытовой и семейно-брачной сферах.

Аккультурации между восточнославянским населением и выходцами из азиатских стран также способствовала государственная политика, обусловившая их взаимодействия.

Иммигранты, ставшие русскоподданными, фактически приравнивались к переселенцам-крестьянам. Они получили землю и продолжили заниматься своей основной хозяйственной деятельностью – земледелием. В общении с русскими иммигранты (в основном корейцы) совершенствовали орудия земледелия, расширили круг земледельческих культур.

Укреплялись связи на основе торговли.

В духовной сфере контактам культур восточнославянского и азиатского народов также способствовало принятие последним православия и развитие образования.

По мере укрепления христианства в среде корейцев они строили на свои средства храмы и церкви. Примером может служить постройка церкви во имя святого князя Александра Невского в 1872 г. в селе Благословенном или часовни в селе Тизинхэ в 1900 г.

Крестившись, корейцы брали русские имена. Например, староста села Тизинхэ Петр Семенов до крещения звался Цуи Ун Кыги [6, 121].

В политической сфере царские власти осуществляли меры, направленные на русификацию выходцев из азиатских стран.

Руководство Приамурского генерал-губернаторства было обеспокоено медленным протеканием процесса русификации корейских иммигрантов. В 1892 г. оно предложило привлечь к несению воинской повинности русскоподданных корейцев. Реализовано это предложение было только в 1909 г. По мнению властей, воинская служба являлась лучшим средством для сближения и ассимиляции корейцев с русским народом.

Васильченко О. А.

**СОЦИАЛЬНО–КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.): АККУЛЬТУРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ**

Аккультурация носила двусторонний характер, то есть осуществлялось взаимное влияние культур. Поскольку европейская культура по уровню была значительно выше других, то ее влияние во взаимодействии становилось более ощутимым.

Проявлялось взаимовлияние в первую очередь в быту.

В результате торговли между коренными народами и восточнославянскими переселенцами в домах аборигенов появились русские товары и предметы домашнего обихода, что послужило причиной преобразования их быта.

Постепенно претерпевали изменения обувь и одежда коренного населения. Так, В. Маргаритов, совершивший путешествие по северу Приамурского края, писал: «Относительно одежды и обуви можно сказать, впрочем, что все летнее ближе к покрою русскому, а все зимнее – к инородческому» [5, 124].

Среди оседлого коренного населения получили распространение жилища русского типа. В Приамурье, например, в стойбищах Туйди, Алаякса и Алян аборигены жили в избах русского типа, имели русскую обстановку и использовали в быту швейные машинки, самовары и европейскую мебель.

Примерно те же изменения в материальной культуре наблюдались во взаимодействии русских с корейцами. Молодые корейцы носили русскую одежду, стриглись по-русски и строили в качестве жилищ русские избы.

Как отмечалось, российские переселенцы переняли зимнюю одежду аборигенов из-за ее практичности. Так, ими использовались меховые «кухлянки» и «парки» (балахоны с капюшонами), изготовленные из оленьих шкур, а также «торбаза» (сапоги с мягкой подошвой, сделанные также из оленьей шкуры).

На Камчатке русские жили в избах, а летом перебирались в рыбные балаганы, конструкция которых была позаимствована у местных аборигенов.

Русские переняли у корейцев способ возделывания огородных культур на грядках.

Процесс взаимной аккультурации также наблюдался и в Забайкальской области. Примером этому является глубокое проникновение в быт русского населения элементов культуры коренных жителей. Пищевой рацион восточнославянских семей пополнили бурятские блюда: сваренная с жиром баранья кровь, мерзлая сырая рыба. В домашнем быту получили широкое распространение бурятские шубы, халаты и конская сбруя.

Среди русских семей стал распространенным бурятский язык, иногда он даже преобладал в повседневном общении части казачьего и крестьянского населения Забайкальской области.

Следует отметить, что на Дальнем Востоке в приграничных районах наблюдалось острое соперничество китайской и славянской культуры в борьбе за влияние на аборигенное население.

Влияние китайцев было направлено в первую очередь на закабаление аборигенных семей. Многочисленные факты обмана и грабежа местного населения со стороны китайцев заставляли их искать защиту у российских властей, которые по мере сил и возможностей старались навести порядок. Постепенно произвол китайских купцов был ограничен, вооруженные шайки китайских бандитов – хунхузов разгромлены.

К отрицательным последствиям воздействия китайцев и русских на аборигенное население следует отнести повсеместное спаивание коренного населения. Кроме того, китайцы научили аборигенов курению опиума, т.е. наркомании.

Таким образом, характеризуя процессы аккультурации населения российского Дальнего Востока в период его колонизации, необходимо отметить:

1) В регионе осуществлялось формирование культурного пространства, в котором складывалась общая система ценностей, и происходил отбор тех явлений культуры, которые сближали семьи разных этносов. Съехавшиеся на одну территорию (российский Дальний Восток) многочисленные этнические группы вначале консолидировали свои культуры. Затем на основе этой консолидации осуществлялся отбор явлений, носящих общий характер. Локальные этнические варианты традиций не исчезли совсем. Они могли повториться на новом месте. Однако отрыв от материнской родины препятствовал этому воспроизведению.

2) На дальневосточной территории процессы аккультурации осуществлялись ускоренными темпами. Дальний Восток был зоной первичного освоения, поэтому создаваемое единое хозяйственное пространство вовлекало все слои населения в свою сферу. Единение хозяйственной деятельности усиливало контакты и в семейно-брачных отношениях.

3) Государственная политика заселения и освоения региона, обусловленная не столько экономическими, но и политическими соображениями, способствовала укреплению межэтнических связей и превращению восточнославянских переселенцев, коренных народов и азиатских иммигрантов в дальневосточное население.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дитмар, К. Поездка и пребывание в Камчатке в 1851 – 1855 гг. Карла фон Дитмара. Исторический отчет по путевым дневникам / К. Дитмар. – СПб., 1901. – Ч. I. – 289 с.
2. Кауфман, А. А. Переселение и колонизация / А. А. Кауфман. – СПб., 1905. – 189 с.
3. Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки / С. П. Крашенинников. – М., 1949. – 673 с.
4. Лопатин, И. А. Гольды. Амурские, Уссурийские и Сунгарийские / И. А. Лопатин. – Владивосток, 1922. – 257 с.
5. Маргаритов, В. Камчатка и ее обитатели / В. Маргаритов. – Хабаровск, 1899. – Т. V. – Вып. I. – 224 с.
6. Пржевальский, Н. М. Путешествие в Уссурийском крае 1867–1869 гг. / Н. М. Пржевальский. – Владивосток, 1949. – 321 с.
7. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 500. – Л. 53.
8. Солярский, В. В. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края / В. В. Солярский. – Хабаровск, 1916. – 235 с.
9. Социологический энциклопедический словарь на русском, немецком, французском и чешском языках. – М., 1998. – 385 с.

Дворников И. Н.

ВОЕННАЯ РЕФОРМА 60-70 гг. XIX в. И ВВЕДЕНИЕ ВОЕННО-ОКРУЖНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ

Дворников И. Н.

I. N. Dvornikov

ВОЕННАЯ РЕФОРМА 60-70 гг. XIX в. И ВВЕДЕНИЕ ВОЕННО-ОКРУЖНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ

MILITARY REFORM OF 1860-1870`s AND ESTABLISHING OF THE MILITARY DISTRICT SYSTEM IN RUSSIA

Дворников Иван Николаевич – подполковник, доцент, заместитель начальника военной кафедры Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681026, г. Комсомольск-на-Амуре, микрорайон Таежный, дом 11, кв. 34; 89622872372. E-mail: dvornikov1958@mail.ru.

Mr. Ivan N. Dvornikov – Lieutenant Colonel, Associate Professor, Deputy Head of the Military Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: dvornikov1958@mail.ru

Аннотация. В данной статье предпринята попытка показать результаты проведения военной реформы и коренное преобразование всей военной системы России в XIX в.

Summary. In this paper an attempt is made to show the results of the military reform's implementation and of the radical transformation of the whole Russian military system in XIX century.

Ключевые слова: вооруженные силы, военная реформа, военный округ, вооружение, боевая подготовка, армия.

Key words: armed forces, military reform, military district, armament, combat training, army.

УДК 623.001

Крайне напряженная обстановка, сложившаяся в стране по окончании Крымской войны, вынуждала правительство искать средства, способные предотвратить социальные потрясения. Обычный административно-полицейский аппарат уже не справлялся с оппозиционным движением, направленным против крепостного права. Вот почему возникла идея создания сильных местных органов управления, способных быстро и энергично локализовать возможные выступления оппозиции. Эта идея возникла во время подготовки крестьянской реформы. Инициатором ее явился сам император Александр II.

К существенным преобразованиям в вооруженных силах вплотную приступили лишь в 1861 г., когда во главе Военного министерства встал высокообразованный генерал, активный сторонник проведения реформ в армии, внесший неоценимый вклад в укрепление вооруженных сил и боевой мощи Российского государства – Д.А. Милютин. Несмотря на скромное военное образование, его служебная карьера состоялась и была успешнее, чем у подавляющего большинства подготовленных по полной программе гвардейских офицеров: служба в Генеральном штабе (1837 г.); участие в боях на Кавказе с горскими племенами имама Шамиля, ранение, первые боевые ордена Св. Станислава III степени и Св. Владимира IV степени, досрочно чин капитана и возврат в Петербург на должность квартирмейстера 3-й гвардейской пехотной дивизии (1839 г.); вскоре вновь Кавказ и должность оберквартирмейстера войск Кавказской линии и Черноморья (1843 г.); очередной возврат в Петербург, избрание профессором кафедры военной географии, а затем военной статистики

Императорской Военной академии (1845 г.), чтение лекций слушателям академии, подготовка и издание трудов по военной статистике, описанию военных операций в Северном Дагестане и главного 5-томного труда «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году», заслуженные Демидовская премия Российской Академии наук и ученое звание доктора русской истории. В академии профессор Д.А. Милютин создал школу молодых ученых, из которых впоследствии выделились генерал-адъютанты Н.Н. Обручев, М.И. Драгомиров и Г.А. Леер [3, 49].

В 1856 г. по личному ходатайству нового главнокомандующего русскими войсками на Кавказе генерал-адъютанта князя А.И. Барятинского генерал-майор Д.А. Милютин был назначен начальником штаба Кавказской армии, где совместно с главнокомандующим разработал план действий по покорению Восточного Кавказа, и за боевые заслуги, организацию пленения Шамиля награжден орденами, удостоен чина генерал-лейтенанта и звания генерал-адъютанта. Таким образом, после окончания академии служба Д.А. Милютина прошла, в основном, на штабных и профессорской должностях, командовать даже батальоном ему не привелось. В 1860 г. императором Александром II было «высочайше пожаловано» новое и с перспективой роста назначение: товарищ (заместитель) 65-летнего военного министра генерал-адъютанта Н.О. Сухозанета (Сухозанета 2-го), а с ноября 1861 г. в 45 лет от роду – пост военного министра [5, 236-237].

Через два месяца после вступления на пост главы Военного ведомства – 15 января 1862 г. – Д.А. Милютин представил императору свой знаменитый доклад с программой военных реформ русской армии, имевший последствием коренное преобразование всей военной системы России. Надо сказать, что необходимость этих реформ назрела давно – неудачный для России исход Крымской войны 1853-1856 гг. был последним тревожным сигналом.

Реформы затронули организацию, комплектование, вооружение, боевую подготовку и управление русской армии. Главными ее результатами были: сокращение срока действительной военной службы с 25 до 6 лет в сухопутных войсках и до 7 лет на флоте; замена рекрутских наборов всеобщей воинской повинностью; создание 15 военных округов и новой системы управления войсками в военное время; перевооружение армии нарезным стрелковым и артиллерийским оружием; разработка и введение новых воинских уставов и наставлений; реформа военного образования.

«Положительные результаты милютинских реформ были видны немедленно и создали ему ореол "благодетельного гения" русской армии, – замечает по этому поводу историк А.А. Керсновский, один из первых наших соотечественников, поставивший под сомнение итоги проведенных преобразований. – Отрицательные же результаты выявились лишь постепенно, десятилетия спустя, и с полной отчетливостью сказались уже по уходу Милютина...» [3, 49].

Решением отдельных вопросов занимались особые комиссии, в состав которых входили специалисты по всем отраслям военного дела, члены Военно-кодификационной комиссии. В центре внимания находились вопросы, относившиеся к строевой службе войск, обмундированию, снаряжению, пересмотру рекрутской повинности, организации армии. По каждому вопросу освещалось существовавшее положение дел, указывались слабые стороны в состоянии вооруженных сил и намечались пути их устранения.

Как отмечалось во Всеподданнейшем докладе Военного министерства за 1869 г., преобразования 60-х гг. «никак нельзя считать последствием каких-либо предвзятых идей, насильственно привитых к нашему военному быту, все они выработаны на основании большинства мнений наиболее опытных и сведущих лиц целой армии» [1, 8]. Тем не менее нель-

зя не признать, что первую скрипку в этом нелегком и ответственном деле играл Милютин. Являясь непосредственным создателем и руководителем обширной программы реформ, он мужественно боролся с рутинной и косностью той части командного состава, которая не понимала и не принимала сути происходивших преобразований.

В результате большой напряженной работы программа преобразований армии, подготовленная менее чем за два месяца, 15 января 1862 г. была представлена Александру II в виде Всеподданнейшего доклада.

Основная цель намеченных преобразований, как писал военный министр, состояла в том, «чтобы привести все здание в стройный вид и упростить весь сложный механизм его, а для этого признано было полезным слить вместе части, однородные по кругу действий, и уничтожить лишние наросты, которые в течение времени образовывались более или менее случайно, без всякого плана» [7, 13].

В сопроводительной записке к докладу указывалось, что работа рассчитана на длительное время и потребует постепенности и осторожности, что необходимо в деле административных преобразований. Доклад от 15 января 1862 г. был положен в основу военных реформ 60-70-х гг. XIX в. Суть их – создание современной массовой армии, обеспечивавшей необходимую для обороны страны численность войск. Переход к такой организации позволял содержать в мирное время возможно меньшую армию, но вместе с тем иметь наготове подготовленный к применению в военное время резерв.

Реформы затронули все области военного дела – центральное и местное управление, организацию и комплектование армии, вооружение, подготовку офицерского состава, обучение и воспитание войск, судебное делопроизводство и др.

Александр II одобрил обширную программу преобразований, которая составила основу всей деятельности Милютина на посту военного министра вплоть до отставки в 1881 г. Центральное место в преобразованиях занимало совершенствование военного управления, важнейшим звеном которого явилась территориальная военно-окружная система. Впервые идею создания военных округов Милютин высказал в 1856 г. Это было сделано в записке «Мысли о невыгодах существующей в России военной системы и средствах к устранению оных». В документе ставился вопрос о коренной перестройке армии и децентрализации системы ее управления. Милютин не встретил поддержки, однако не оставил своей идеи и попытался реализовать ее, находясь с 1856 по 1860 гг. на посту начальника штаба Кавказской армии. Он способствовал упорядочению всех звеньев управления этой армией. По мнению Милютина, чрезмерная централизация управления в Военном министерстве являлась одним из значительных пороков прежней военной организации.

Обширность территории империи, разнообразие географических условий, многочисленность войск, военных учреждений и заведений при концентрации управления в министерстве неизбежно вели к образованию огромной переписки и замедлению в решении дел. Фактически исключалась возможность надзора со стороны Военного министерства за сложным механизмом управления. Как отмечал во Всеподданнейшем докладе военный министр, вся администрация эпохи Николая I была проникнута духом недоверия: «Каждая высшая инстанция, принимая на себя неограниченное опекунство, имела притязание регламентировать малейшие детали при всяком исполнении, поручаемом низшей инстанции; такое направление побуждало высшую инстанцию пытаться все предвидеть, чего, однако, она не в силах была совершить. В бессилии своем высшая власть терялась в мелочах, упуская из вида высшие соображения» [2, 522].

В Военном министерстве излишняя централизация управления привела к тому, что дела, восходившие на разрешение военного министра и высших управлений через большое число промежуточных инстанций, часто незнакомых с местными условиями, оставались продолжительное время без необходимого решения или получали решения неосновательные.

Децентрализация военного управления предусматривала создание таких местных органов, которые бы полностью обеспечивали руководство войсками в мирное время на местах в части их материального обеспечения и боевой подготовки.

В дореформенный период местных органов управления в войсках, по существу, не было. Если на окраинах империи еще существовали таковые (Действующая армия на западной границе, Кавказская армия, Отдельный Оренбургский корпус), то в центре они практически отсутствовали. Только некоторые департаменты, как например, комиссариатский, провиантский, артиллерийский и инженерный, имели свои «представительства» на местах (они назывались комиссиями или округами). Районы их действий не совпадали. Одна и та же часть, расположенная в определенном пункте, вынуждена была обращаться по вопросам продовольствия, снабжения, вооружения в ближайшие Комиссариатскую, Провиантскую и другие комиссии, находившиеся часто в разных концах государства. Решение по каждому вопросу приходилось согласовывать с центром, кроме того, значительно было перегружено делопроизводство.

Отметив весь вред, принесенный войскам централизацией управления, Милютин предложил упразднить все высшие строевые инстанции – штаб 1-й армии и корпуса. Мотивировал он это тем, что корпуса в силу своей громоздкости, как свидетельствовал опыт, не всегда применялись в полном составе. «На практике весьма редко, – писал Милютин, – случалось, чтобы не только армии, но даже и корпуса действовали на театре войны совокупно в нормальном своем составе мирного времени. Гораздо чаще, по разным стратегическим соображениям, на самом театре войны формировались отряды из войск разных корпусов, для которых учреждались отрядные штабы. Так, в войну 1853-1855 гг. ни один корпус действовавшей армии не остался в полном своем составе. Вообще же опыт нескольких последних войн указал, что наши корпуса представляют слишком громоздкие тактические единицы для постоянного употребления на театре войны в целом их сосредоточении». Высшим тактическим соединением мирного времени, по мнению Милютина, должна была стать дивизия. Штаб армии выполнял как командные, так и административно-снабженческие функции в отношении подчиненных ему частей; аналогичные функции возлагались и на корпусные штабы. На практике штабы не могли эффективно исполнять ни те, ни другие функции, особенно, если подчиненные им части были рассредоточены по разным губерниям. Милютин предложил создать территориальную, окружную систему, при которой командование отделялось бы от снабжения. Снабжение и материально-технические функции предполагалось возложить на штаб округа, а оперативное командование сосредоточить в руках дивизионных командиров. По образному определению Ф. Миллера, округа становились пуповиной, к которой всегда могли подключиться дивизии, где бы ни случилось им остановиться.

Основные направления предполагаемой военной реформы было решено всесторонне обсудить. В мае 1862 г. составленная в 211 экземплярах записка, содержащая главные направления военно-окружной реформы, была разослана высокопоставленным военным, а также лицам из других ведомств, от которых министерство могло ожидать полезных указаний и советов. Полученные ответы были обработаны, и в результате этого появился «Свод замечаний на проект устройства военного управления по округам».

Обсудив серьезные недостатки существовавшего механизма военного управления, авторы программы преобразований предложили: «Разделить все государство на несколько «военных округов» и, поставив во главе каждого из них особого главного начальника, поручить ему тот высший надзор за строевым образованием, службою, благоустройством и хозяйством войск, в округе расположенных, который лежит теперь на корпусных командирах и главнокомандующих» [8, 2]. Таким образом, предполагалось разрешить наболевшую проблему управления. Разработчикам проекта отчетливо виделись как имевшие место недостатки, так и возможные выгоды: «Важнейшая же выгода предполагаемого устройства будет заключаться в том, что при нем только представится возможность устранить существенный недостаток нашего военного управления – крайнюю централизацию онаго в министерстве. С учреждением главных окружных управлений между ними можно будет распределить большую часть обязанностей министерства с тем, чтобы в последнем сосредоточилось только общее направление и общий контроль действий всех административных органов» [8, 3].

По мнению реформаторов, ожидалось, что политика децентрализации управления будет иметь существенные преимущества: во-первых, должен сократиться состав военного министерства, а образовавшаяся экономия средств направится на увеличение жалования чинам министерства; во-вторых, высшие должностные лица министерства будут иметь возможность все время заниматься существенными вопросами; в-третьих, имевший место малоэффективный контроль министерства, ограничивавшийся большей частью канцелярской проверкой, заменится действенным ближайшим местным надзором главных окружных начальников за функционированием различных военных учреждений. «Цель введения территориальной системы и должна заключаться именно в том, чтобы равномерно, систематически распределить надзор местных властей по всей империи и во всех отраслях администрации, установив, в то же время, такие отношения между ними и министерством, чтобы последнее, не входя в подробности, могло давать только общее направление действию первых и следить за общим ходом их распоряжений» [8, 4]. Считалось, что для достижения этой цели необходимо, чтобы каждое из главных окружных управлений воспроизводило для своего округа такой же всесторонний орган по заведыванию военной частью, каким служит военное министерство для всей армии. Только тогда должна последовать равномерная децентрализация во всех отраслях военного устройства, когда военное министерство найдет свое полное и всестороннее отражение в предполагаемых округах.

Одним из принципиальных вопросов военно-окружной реформы был вопрос о характере взаимоотношений между командующим войсками округа и местным генерал-губернатором. Среди участников обсуждения проекта существовало несколько точек зрения по этой проблеме.

Одни считали невозможным слияние в одном лице должностей главного окружного начальника и генерал-губернатора в связи со сложностью обязанностей как одного, так и другого. Заседающий в генерал-аудиторе военного министерства с правом голоса генерал-лейтенант Рейтерн указывал: «Должность военного генерал-губернатора при нынешнем, или даже с уменьшенным кругом действий, и должность военно-окружного начальника, в упоминаемом объеме, в одном лице не могут быть соединены. При фактической невозможности исполнять обе эти должности добросовестно непременно преобладало бы одно какое-либо направление во вред другому, а еще вероятнее, ни которая из сих должностей не исполнялась бы как следует» [8, 70-71].

Другие полагали полезным соединением в одном лице главного окружного начальника и генерал-губернатора, причем это слияние должно было произойти во всех без исключения

местностях, где уже существовала должность генерал-губернатора. Один из сторонников этой точки зрения член Государственного Совета генерал-адъютант Остен-Сакен утверждал: «Если в территориях, где находятся генерал-губернаторы, не соединить в одно лицо главного окружного начальника с званием военного генерал-губернатора, то не будет ли между ними неприятного щекотливого столкновения, чему были уже неоднократные примеры между главнокомандующим и корпусными командирами. В таком случае военные окружные начальники должны строго ответствовать за спокойствие края» [8, 85].

Существовала и третья точка зрения. Ее сторонники допускали мысль об объединении в одном лице должностей главного окружного начальника и генерал-губернатора в отношении царства Польского, Финляндии, Кавказа, Оренбургского края и Сибири. Однако они находили необходимым совсем упразднить должность генерал-губернатора в Санкт-Петербурге, Москве, Вильно, Киеве, Риге и Одессе. Наиболее определенно в этой связи высказался бывший генерал-губернатор Восточной Сибири генерал-адъютант Н.Н. Муравьев-Амурский: «В Сибири, Оренбурге и на Кавказе звания эти необходимы по смыслу самих учреждений для тех стран существующих и по географическому положению этих стран, там генерал-губернаторы наместники и не нося этого звания, поэтому в них там и соединяется власть военная с гражданской, и в этом только смысле звание генерал-губернатора может быть понятно и полезно; внутри же империи звания и права генерал-губернаторские в гражданском отношении только стеснительны и нарушают законность, если же правительство признавало еще нужным оставить генерал-губернаторов в некоторых местах для целей политических, то с удержанием главных окружных начальников и эта причина устраняется, ибо не только нет никакого затруднения, но даже прилично возложить эти политические обязанности на главных военно-окружных начальников» [8, 71].

Исследовав проблемы истории деятельности Приамурских генерал-губернаторов, Н.И. Дубинина обращает внимание на то, что «Либеральная часть российского общества расценивала генерал-губернаторскую власть, а тем более образование нового генерал-губернаторства как атрибут старой крепостнической системы, проявление личного начала в управлении. Им противопоставлялись законная власть и правильная система ее организации. Однако в рамках существования самодержавной власти в России оформление генерал-губернаторства на новых отдаленных землях являлось вполне логичным» [4, 51].

Практическое решение вопроса о характере взаимоотношений генерал-губернатора и командующего войсками определялось многими обстоятельствами – в одних случаях эти должности были объединены, в других – нет. В Восточно-Сибирском военном округе, а затем и в Приамурском эти посты долгое время были объединены в лице одного человека.

Упразднив в ходе реформы якобы весьма громоздкие корпуса (3 дивизии по 16 батальонов), поскольку они «все равно никогда не применялись в полном составе на театре войны и из войск всегда приходилось составлять отряды, сила которых соответствовала поставленной цели, язву нашей военной системы – "отрядоманию" Милютин делал нормальным порядком вещей» [3, 110]. Тогда же было положено начало учреждения военных округов.

С самого начала идея создания военных округов не встретила особых возражений, поскольку прежняя система управления полностью дискредитировала себя, а новая заметно его упрощала. В полемику с Д.А. Милютиним по поводу проводимых реформ вступил находящийся в отставке по болезни его некогда непосредственный начальник генерал-фельдмаршал князь А.И. Барятинский. «Суровый воин, солдат Божьей милостью, он своим "внутренним оком"... угадывал беды, которые несет родной армии новый, нестроевой уклад жизни, чувствовал всю опасность угашения духа, осуществляемого его бывшим начальником штаба... К

несчастью, вера в научный авторитет Милютина взяла верх у государя... медаль Академии наук превысила Георгиевскую звезду» [6, 328-329].

В августе 1862 г. в целях более гибкого реагирования на ухудшавшуюся обстановку в Польше вместо 1-й армии были образованы Виленский, Варшавский, Киевский военные округа, а в декабре – Одесский округ. Во время восстания в Польше в 1863 г. военно-административная реформа была приостановлена, но в то же время уже имевшаяся система территориального управления сыграла важную роль в координации действий против восставших. Милютин так и доложил Александру II, который вслед за тем с энтузиазмом одобрил окончательный переход к системе военных округов.

Таким образом, военные реформы 1860-1870-х гг. затронули все стороны военного управления и организации армии и имели прогрессивное значение. Они способствовали созданию массовой армии современного типа, повышению ее боеспособности. Осуществленные преобразования имели огромное значение для создания более гибкой и четкой системы управления войсками как в мирное, так и в военное время. Освобождение центральных органов от решения повседневных проблем местного значения повысило оперативность руководства, сократило служебную переписку, позволило сосредоточить основные усилия на решении первоочередных задач. В руках военного министерства были сконцентрированы военные, военно-административные и хозяйственные вопросы, имевшие принципиальное значение для всей армии. Военно-окружная система создавала большие преимущества в оперативном руководстве войсками. Система управления стала более гибкой, приблизилась к войскам, сократились сроки мобилизации. В случае войны военно-окружное управление легко превращалось в штаб действующей армии, что было важно для пограничных округов. Военно-окружная реформа обновила военный строй России, сделав его более гибким, более способным к целесообразному использованию в военных целях сильных сторон государства. Система военных округов оказалась наиболее действенной и оправдывающей себя системой, которая с некоторыми изменениями сохранилась и до настоящего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотарев, В. А. Военные реформы 60-70-х гг. XIX в. // Военная история Отечества: С древних времен до наших дней: в 3 т. Т. 2 / под ред. В. А. Золотарева. – М.: Мосгорархив, 1995. – 256 с.
2. Военно-окружное управление // Военная энциклопедия: в 18 т. Т. 6. – СПб., 1912. – 522 с.
3. Глушков, В. В. На карте Генерального штаба – Маньчжурия. Накануне русско-японской войны 1904-1905 гг. / В. В. Глушков, А. А. Шаравин. – М., 2000. – 400 с.
4. Дубинина, Н. И. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков: Историко-биографический очерк / Н. И. Дубинина. – Хабаровск: Издательский дом «Приамурские ведомости», 2001. – 352 с.
5. Ковалевский, Н. Ф. История государства Российского. Жизнеописания знаменитых военных деятелей XVIII – начало XX в. / Н. Ф. Ковалевский. – М.: Книжная палата, 1997. – 352 с.
6. Керсновский, А. А. История русской армии / А. А. Керсновский. – М.: Воениздат, 1999. – 420 с.
7. Милютин, Д. А. Военные реформы императора Александра II / Д. А. Милютин // Вестник Европы 1881. – № 1. – С. 13.
8. Свод замечаний на проект устройства военного управления по округам, составленный в Военном министерстве. – СПб., 1862. – 782 с.

Кибя Д. В.
D. V. Kiba

ФОРМИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1950 – 1960-е гг.

ORIGINATION AND DEVELOPMENT OF THE INTELLECTIAL MELEUI IN THE FAR-EASTERN RURAL AREAS IN 1950-1960'S

Кибя Дарья Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681021, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Комсомольская, 50 / 329; 8421759-16-40. E-mail: kibadv@komsomama.ru.

Ms. Darya V. Kiba – PhD in History, Associate Professor at the Department of History and Archival Science, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681021, Komsomolsk-on-Amur, st. Komsomolskay, 50/329; 8421759-16-40. E-mail kibadv@komsomama.ru.

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления и развития сельской художественной интеллигенции Дальнего Востока в 1950 – 1960-е гг. Прослеживается динамика уровня профессиональной подготовки сельских творческих работников. Характеризуются условия труда и быта интеллигенции сел и малых поселков. Раскрывается деятельность партийно-государственного руководства региона, направленная на формирование материальной базы учреждений культуры и повышение уровня квалификации сельских творческих работников.

Summary. The paper discusses the process of creation and development of rural artistic intelligentsia in the Soviet Far East in 1950 – 1960's. The dynamics of the professional level of the creative community in rural areas is traced. The working and living conditions of intellectuals residing in villages and small towns are described. The activities of the Communist Party and regional Soviet governments are described that were aimed at improving the facilities of cultural institutions and upgrading the skills of rural creative intelligentsia.

Ключевые слова: сельская интеллигенция, Дом культуры, клуб, музыкальный работник, художественный руководитель, самодеятельные коллективы, школа культурпросветработы Хабаровского края, Хабаровское хоровое общество, Приморское хоровое общество.

Key words: rural intellectuals, community centre, club, musician, artistic director, amateur groups, the School of Cultural and Educational Work of the Khabarovsk Region, Khabarovsk Choral Society, Primorsky Region Choral Society.

УДК 94(470) (571.6)

На Дальнем Востоке в 1950 – 1960-е гг. жители сёл и посёлков в условиях отсутствия развитой информационной сети (последняя в настоящее время включает телерадиовещание, интернет) имели скудную возможность приобщиться к произведениям искусства во время гастролей краевых театральных коллективов, организации передвижных выставок региональных художников. В данных условиях представляется, что роль сельской художественной интеллигенции в формировании художественных ценностей и вкуса дальневосточников была велика. В рассматриваемый период в регионе активно развивалось литературное и художественное творчество. Наблюдался приток в краевые творческие организации молодых писателей и художников, многие из которых приезжали из сёл и посёлков, присылали свои произведе-

Киба Д. В.

ФОРМИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1950 – 1960-е гг.

дения в Хабаровское, Приморское отделения Союза писателей. В становлении художественных ценностей творческой молодёжи немаловажную роль играли библиотеки, клубы, Дома культуры. Творческие работники данных учреждений – руководители коллективов художественной самодеятельности, музыкальные работники являлись представителями художественной интеллигенции сельской местности, если они имели соответствующее образование, способности и осуществляли профессиональную творческую деятельность, формируя художественную культуру населения. На основе критерия административно-территориальной локализации в структуре художественной интеллигенции Дальнего Востока можно выделить две группы: интеллигенция города и интеллигенция сельских районов.

В исторической науке ряд ученых рассматривают формы и способы реализации интеллигенцией своей миссии в координатах пространства культуры «Места». В работе В.Г. Рыженко структура изучаемого объекта имеет три ядра: «интеллигенция» – «культура» – «город». Исследователь исследует деятельность интеллигенции в культуре крупного города [1]. Проблема художественной интеллигенции Дальнего Востока в координатах пространства «город», «периферия» заслуживает отдельного исследования. В рамках данной статьи обратимся к отдельным аспектам данного вопроса – к процессу формирования сельской художественной интеллигенции – художественных руководителей и музыкальных работников сел и малых поселков Дальнего Востока и к особенностям творческой деятельности интеллигенции города.

Сферой деятельности художественной интеллигенции города были творческие организации и союзы, учреждения культуры и искусства – театры, филармонии. В селах и в малых поселках региона культурная жизнь сосредотачивалась в клубах и Домах культуры, библиотеках, избах-читальнях. В целом, сравнивая творческую деятельность городской и сельской интеллигенции, необходимо отметить, что в городе она осуществлялась как в самодеятельных, так и в профессиональных коллективах, тогда как художественные руководители, музыкальные работники сельских районов работали с самодеятельными коллективами. Творческая деятельность сельской интеллигенции была автономной от творческих союзов, тогда как деятельность художественной интеллигенции города была связана с ними.

А.А. Глушков, исследовавший сельскую интеллигенцию Поволжья в 1960-е гг., отмечал: «В целом профессиональная подготовка этой категории культпросветработников не отвечала предъявляемым к ним требованиям» [2, 101]. Подобным образом можно охарактеризовать профессиональную подготовку творческих работников сельской местности Дальнего Востока. В большинстве своем сельские творческие работники были практиками, не имевшими специального образования. Они не могли внести существенный вклад в процесс формирования художественных ценностей и вкуса населения.

Деятельность художественных руководителей и музыкальных работников осуществлялась в рамках клубов, Домов культуры. В 1953 г. в клубных учреждениях, избах-читальнях Хабаровского края работало 682 человека. Из них высшее образование имело – 5 человек, среднее специальное – 76, среднее – 81, семь классов – 361, начальное – 156 человек (см. прим. 1). Таким образом, большая часть клубных работников Хабаровского края имели семилетнее и начальное образование. На работу в клубы принимались случайные люди, не имевшие опыта организаторской работы. Их деятельность ограничивалась изготовлением наглядной агитации, боевых листков, чтением лекций и докладов по пропаганде партийных решений. Художественные руководители самодеятельных коллективов были единичным явлением. Известно, что в 1954 г. Хабаровскому краю требовалось 69 клубных работников со средним специальным образованием, 27 художественных руководителей, 25 баянистов. Заочно повышать свои знания творческие работники получили возможность только с 1955 г., когда в

Хабаровске было организовано заочное клубное отделение школы культпросветработы. Многие, желая повысить свой образовательный уровень, учились в вечерней школе. Такой возможности были лишены жители Нижне-Амурской области (включена в 1956 г. в состав Хабаровского края), Нанайского, Кур-Урмийского районов, Чукотского национального округа, в связи с тем, что сеть вечерних и семилетних школ в этих районах была недостаточна.

Материальная база для организации творческой работы в сельских и отдаленных районах Дальнего Востока была слабой. Многие клубы не имели своих типовых помещений, ютились в непригодных, аварийных зданиях. Творческих работников не обеспечивали квартирами, топливом, они имели низкую заработную плату. Так, выпускник ветеринарного техникума в 1955 г. получал 900 р. заработной платы, а выпускник школы культпросветработы – 300 р. (см. прим. 2). Клубы не были оснащены необходимым инвентарем. Так, в 1954 г. Управление культуры просило Министерство культуры РСФСР для улучшения работы клубных учреждений выделить Хабаровскому краю 200 баянов, 300 гармоний, 50 радиол. Привлечь творческих работников, выпускников учебных заведений в сельские районы было очень трудно. Они охотнее оставались в городе, уклоняясь от работы в сельских клубах. В 1955 г. вышел приказ Министерства культуры РСФСР, обязавший краевые, областные исполнительные комитеты направлять выпускников культурно-просветительных школ прежде всего в сельские районы (см. прим. 3).

Особенно остро стояла проблема комплектования необходимыми кадрами районов Крайнего Севера Хабаровского края. Каждый год в числе выпускников Хабаровской школы культпросветработы были представители коренных малочисленных народов. Однако, по утверждению краевого Управления культуры, это не могло удовлетворить растущую потребность районов Крайнего Севера в творческих работниках и культурно-просветительской интеллигенции. В 1955 г. Северные районы получили 200 молодых специалистов из школы культпросветработы Хабаровского края и по направлению Министерства культуры. Однако кадров все равно не хватало. Большинство специалистов, поработав год или два, уезжало, в связи с тем, что им не создавали нормальные условия труда и быта. Работники клубов должны были в своей работе учитывать особенности культуры, труда, быта населения, но зачастую в их работе не находили отражения особенности местной промышленной и сельскохозяйственной деятельности.

Проблема формирования художественной интеллигенции сельских районов решалась с помощью курсов, так как средние специальные учебные заведения Дальнего Востока могли ежегодно выпускать ограниченное количество специалистов. Для повышения квалификации Управление и отделы культуры организовывали семинары для творческих работников.

Районные и городские отделы культуры проводили работу по созданию работникам культуры сельских районов необходимых условий труда и быта. Так, к 1958 г. все специалисты в Аяно-Майском районе были обеспечены жилплощадью. В ряде районов наблюдалось улучшение материальной базы клубов и других учреждений культуры, что давало возможность привлечь выпускников учебных заведений к работе и разнообразить формы творческой деятельности интеллигенции. Шла работа по строительству клубов. В 1960 г. заведующий сектором литературы и искусства Хабаровского краевого комитета КПСС докладывал, что за последние 3-4 года построено 150 клубов, тогда как в 1950 г. в Хабаровском крае было всего 100 сельских клубов (см. прим. 4). В Приморском крае в 1953 г. было 308 клуба, в 1960 г. – 431 (см. прим. 5). Деятельность культурных учреждений оживилась после постановления ЦК КПСС 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях».

Большое значение для улучшения материальной базы учреждений культуры края имели трехлетние планы развития культуры, инициатива в разработке которых принадлежала

Киба Д. В.

ФОРМИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1950 – 1960-е гг.

Комсомольску-на-Амуре. В 1959 г. на заседании бюро городского комитета партии был утвержден первый трехлетний план развития культуры города на 1959 – 1961 гг.

К концу 1950-х гг. наметились положительные сдвиги в образовательном уровне творческих клубных работников. В 1958 г. в Хабаровском крае было 416 работников клубов, избчитален, красных юрт. Из них среднее образование имели 194 человека, в том числе 96 человек – среднее специальное (см. прим. 6). Передовые клубы и Дворцы Культуры появились в каждом районе Хабаровского края и других регионах Дальнего Востока. К 1961 г. в Приморском крае в сельских районах было создано четыре картинных галереи. Однако текучесть кадров в сельских районах была по-прежнему велика. В Приморском крае в 1958 г. было 1294 представителя художественной и культурно-просветительской интеллигенции. Из них только 59 человек со стажем свыше 5 лет, остальные – менее 5 лет. Каждый год сменялось от 30 до 50 % работников (см. прим. 7). В постановлении бюро краевого комитета КПСС Хабаровского края 1960 г. «О руководстве краевого управления культуры работой культурно-просветительных учреждений края» указывалось, что многие городские и районные комитеты не проявляют настойчивости в осуществлении трехлетних планов культурного строительства. В 1960 г. 46 % работников клубов края имели низшее образование. Таким образом, нельзя утверждать, что к началу 1960-х гг. процесс формирования художественной интеллигенции сельских районов региона завершился, и была сформирована материальная база для их работы. Данный процесс находился в своем развитии. Художественные руководители и музыкальные работники в сельских районах Дальнего Востока оставались ещё единичным явлением.

В 1960-е гг. открытие новых специальностей, создание высших учебных заведений создавало возможности повышения образовательного уровня творческих работников, в том числе сельской интеллигенции. Партийно-государственное руководство продолжало способствовать укреплению материальной базы сельских культурных учреждений, улучшению условий быта творческих работников. Благодаря этому удалось достигнуть положительных результатов. В 1951 г. в Хабаровском крае было 403 клубных учреждения, в 1968 г. – 574 (см. прим. 8).

В 1959 г. исполнительный комитет Хабаровского краевого Совета депутатов трудящихся издал постановление о создании Хабаровского отделения хорового общества и об утверждении организационного комитета. Оргкомитеты были созданы в Комсомольске-на-Амуре, Биробиджане, Богородске. Общество развернуло работу по подготовке творческих работников, преимущественно для сельских районов. С 1965 г. при хоровом обществе существовали 2-годичные очно-заочные курсы баянистов-хормейстеров для сел края, 3-месячные курсы подготовки баянистов исключительно для сельской местности, в 1968 г. преобразованные в 2-годичные. В 1965 – 1966 гг. было подготовлено 25 дирижеров-хормейстеров, 80 балетмейстеров. В 1967 г. на курсах и семинарах хорового общества обучалось более 450 хормейстеров-баянистов, руководителей духовых оркестров. В середине 1960-х гг. на Приморском совещании председателей колхозов было принято решение добиться того, чтобы в каждом клубе села был художественный руководитель или музыкальный работник. Подготовку баянистов для сельской местности взяло на себя Приморское хоровое общество. Так, хоровые общества региона способствовали решению проблемы нехватки творческих работников в сельских районах. Выпускники курсов успешно работали в клубах и Домах культуры Дальнего Востока и за его пределами.

Образовательный уровень творческих работников сельской местности рос. В первую очередь пополнялись творческими работниками, имевшими специальное образование, районные Дома культуры. В 1964 г. в районных Домах культуры Хабаровского края работали в основном творческие работники, имевшие среднее специальное образование. Благодаря деятельности художественных руководителей и музыкальных работников на Дальнем Востоке

искусство стало неотъемлемой частью жизни населения не только в крупных населенных пунктах, но и в сельских районах. Однако в ряде областей Дальнего Востока клубы и Дома культуры по-прежнему ощущали острую потребность в творческих работниках. Так, в 1964 г. в Нанайском районе был всего один баянист, подобная картина наблюдалась в Вяземском районе. В 1964 г. в распоряжение Управления культуры Амурской области было направлено 100 специалистов с высшим и средним специальным образованием, в том числе 59 выпускников Благовещенского музыкального училища и культпросветшколы. Однако выпускники музыкальных и культпросветучилищ в село ехали неохотно, часть из них не выходила на работу по месту назначения. По-прежнему массовый характер имела текучка кадров – каждый год сменялось 1/4 часть клубных работников. Так, в Хабаровском крае в 1963 – 1964 гг. в села было направлено 60 выпускников культпросветучилища, к 1964 г. осталось только 18 (см. прим. 9). В 1962 г. из 404 работников клубов Хабаровского края стаж до 5 лет имели 308 работников, свыше 5 лет – 73. В 1969 г. из 570 работников стаж до 1 года имели 196 творческих работников клубов, до 5 лет – 292 (см. прим. 10). Многие культпросветучереждения сельской местности находились в неудовлетворительном состоянии. Например, в 1966 г. из 50 клубов в районе им. Лазо Хабаровского края 23 находились в старых непригодных помещениях или требовали капитального ремонта.

К концу 1960-х гг. складывалась следующая ситуация. Средние специальные, высшие учебные заведения, хоровые общества осуществляли подготовку художественных руководителей, музыкальных работников. Их направляли в села для работы. В 1962 – 1969 гг. клубы и Дома культуры пополнились художественными руководителями и музыкальными работниками. Однако большинство из них надолго в селах не задерживалось, рассматривая свою работу в качестве временной. Была велика текучка кадров, работники уезжали, неудовлетворенные условиями труда, быта, отношением руководящих органов. Без решения материальных вопросов обеспечить сельские районы кадрами художественной интеллигенции было невозможно. К концу 1960-х гг. в сельской местности процесс формирования художественной интеллигенции ещё отставал от общественных потребностей. Художественная интеллигенция сельских районов оставалась самой малочисленной и малооплачиваемой группой интеллигенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глушков, А. А. Партийные организации и сельская интеллигенция в 1960-е гг. / А. А. Глушков. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. – С. 101.
2. Рыженко, В. Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования / В. Г. Рыженко. – Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та; Омск: Омский гос. ун-т, 2003. – 370 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАХК. Ф. Р-1690. Оп. 1. Д. 80. Л. 4.
2. ГАХК. Ф. Р-1690. Оп. 1. Д. 23. Л. 48.
3. ГАХК. Ф. Р-1690. Оп. 1. Д. 20. Л. 73-75.
4. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 79. Д. 167. Л. 23.
5. ГАПК. Ф. Р-1259. Оп. 1. Д. 47. Л. 5.
6. ГАХК. Ф. Р-1690. Оп. 1. Д. 49. Л. 1.
7. ГАПК. Ф. Р-1259. Оп. 1. Д. 2. Л. 88.
8. ГАХК. Ф. Р-719. Оп. 33. Д. 118. Л. 13, 72.
9. ГАХК. Ф. Р-1690. Оп. 3. Д. 71. Л. 45.
10. ГАХК. Ф. Р-1690. Оп. 3. Д. 62. Л. 149.

Гранина Н. М.
N. M. Granina

**ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ
ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА**

**SHAPING THE INFORMATION CULTURE OF A PERSON IN THE ERA
OF INFORMATIZATION OF SOCIETY**

Гранина Наталья Михайловна – главный библиотекарь Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; 89142193622. E-mail: missisdea@mail.ru.

Ms. Natalia M. Granina – Chief Librarian, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681000, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenina street; +7 (9142) 193622. E-mail: missisdea@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается актуальность формирования информационной культуры человека в эпоху информатизации общества. Приводятся современные определения понятия информационная культура, на основе которых выделяются компоненты в структуре понятия и соответствующие им критерии. Обосновывается необходимость создания педагогических условий для развития информационной культуры.

Summary. The article considers the importance of shaping information culture of a person at the times of informatization of the society. Modern definitions of the concept ‘information culture’ are discussed in order to single out individual elements in its structure. Proven is the necessity to create educational conditions for the development of information culture.

Ключевые слова: информационное общество, образование, информационная культура, информационная деятельность, компонент, критерий.

Key words: information society, education, information culture, information activity, component, criterion.

УДК 008:002

Начало XXI в. для России является переходным этапом к информационному обществу. Увеличиваются потоки циркулирующей в обществе информации, стремительными темпами совершенствуются информационные технологии и компьютерная техника, которая внедряется во все сферы социальной жизни, в том числе и в образование.

Человечество из индустриальной эпохи шагнуло в информационную, что привело к существенным изменениям во многих сферах человеческой деятельности, к формированию единого мирового информационного пространства. Информация является одним из основных производительных ресурсов, фундаментом развития общества в целом. Все большее число людей оказываются вовлеченными в информационное взаимодействие не только как пассивные потребители информации, но и как производители информационных ресурсов и услуг. В информационном обществе приоритетной становится высокая степень образованности его членов.

С конца XX в. новые компьютерные технологии информационного обмена создали техническую возможность еще большей массовости образования, разорвали информационные границы государств, позволили в тысячи раз ускорить процесс обмена информацией и увеличить ее объем. Внедрение информационных технологий в многообразную деятельность

человека создало потребность в качественно новом образовании [5, 73]. Если раньше требовалась профессиональная подготовка человека за счет накопления большого объема систематизированных знаний, то теперь необходимы развитие личности, овладение способами приобретать и генерировать новые знания. Если сущность старой парадигмы образования выражалась в лозунге «Образование – на всю жизнь», то новый лозунг декларирует: «Образование в течение всей жизни».

Именно поэтому в период перехода к информационному обществу перед системой образования встает задача подготовки студентов к быстрому восприятию и обработке больших объемов информации, овладению современными средствами, методами и технологией работы.

Современное общество ставит перед высшей школой задачу подготовки специалиста, умеющего самостоятельно добывать и применять знания на практике, владеть информационными компетенциями, которые позволят ему получить пользу от доступа к ресурсам знаний и включить опыт других в свое образование [8, 34].

Новую парадигму образования характеризуют следующие факторы [3, 58]:

- овладение способами непрерывного приобретения новых знаний и умения учиться самостоятельно;
- освоение навыков работы с любой информацией, с разнородными, противоречивыми данными, формирование навыков самостоятельного (критичного), а не репродуктивного мышления;
- дополнение традиционного принципа «формировать профессиональные знания, умения, навыки» принципом «формировать профессиональную компетентность».

Для отражения этого факта вводится понятие *информационная культура*, которое является составной частью более широкого понятия *культура личности*. Под культурой личности понимается система личностных качеств (ума, характера, воображения, памяти), осознаваемых самим индивидом как ценности и ценимых в обществе [8, 34]. Под информационной культурой понимается «способность и потребность специалиста использовать доступные информационные возможности для систематического и осознанного поиска нового знания, его интеграции распространения» [1, 82].

Информационная культура является частью общей культуры, одним из важнейших аспектов культурной деятельности в целом. Она имеет черты, общие для всей культуры: ее неразрывную связь с социальной природой человека, является продуктом человеческой деятельности, результатом активного отношения людей к природе, обществу и друг к другу. Вместе с этим, информационная культура выступает в качестве эффективного фактора освоения человеком культурной реальности, накопленного человечеством за все годы развития культурного потенциала общества. Поэтому область функционирования информационной культуры простирается за пределы сферы компьютеризации и информационной техники и по мере информатизации общества расширяется.

При исследовании информационной культуры на первый план выходят два основных аспекта: социологический и технологический. В первом случае информационная культура рассматривается как социокультурный феномен, во втором – как феномен технико-технологический (см. прим. 3).

В социокультурном смысле информационная культура представляет собой совокупность принципов и механизмов, обеспечивающих позитивное взаимодействие этических и национальных культур, их соединение в общий опыт человечества. В этом аспекте информационная культура является элементом общей культуры человечества, важнейшим средством создания мирового информационного пространства. Она определяет уровень информационного общения – общение без личного присутствия индивидов в режиме диалога. В качестве части общей культуры личности информационная культура должна усвоить этику и эстети-

ку, эргономику и вопросы информационной безопасности, как в смысле защиты информации, так и в смысле защиты человеческой психики (см. прим. 3).

В технико-технологическом смысле информационная культура – это оптимальные способы обращения со знаками, данными, информацией и представление их заинтересованному потребителю для решения теоретических и практических задач, механизмы совершенствования технических средств производства, хранения и передачи информации. В таком понимании она является показателем профессиональной культуры и вбирает в себя знание наук, использование достижений которых необходимо для успешной информационной деятельности. Основной частью информационной культуры в этом аспекте является знание новой информационной технологии и умение ее применять как для автоматизации рутинных операций, так и в неординарных ситуациях, требующих отступления от стандартов и нетрадиционного творческого мышления (см. прим. 3).

Признаком информационной культуры является не только получение разнообразной и разнокачественной информации, но и умение выбрать из огромного массива имеющейся информации наиболее важную и значимую.

Знание основ информационной культуры проявляется в следующих качествах [4, 63]:

- знании технических устройств и программных продуктов;
- умении извлекать информацию из различных источников, представлять информацию в понятном виде и эффективно ее использовать;
- владении основами аналитической переработки информации;
- умении работать с информацией различного рода;
- знании особенностей информационных потоков в своей области деятельности.

Перечисленные качества необходимы в процессе обучения и выполнения научных исследований.

Для свободной ориентации в информационном потоке человек должен обладать информационной культурой как одной из составляющих общей культуры. Следует отметить, что однозначного определения понятия информационная культура не существует.

Рассмотрим несколько современных определений термина «информационная культура»:

« – это информационная компонента человеческой культуры в целом, объективно характеризующая уровень всех осуществляемых в обществе информационных процессов и существующих информационных отношений» [6, 3];

« – качественная характеристика жизнедеятельности человека в области получения, передачи, хранения и использования информации, где приоритетными являются общечеловеческие духовные ценности» (см. прим. 2);

« – уровень информатизации, степень его освоения и качество использования человеком; владение средствами и методами информации; составной частью информационной культуры является компьютерная грамотность» [7, 87];

« – совокупность информационного мировоззрения и системы знаний и умений, обеспечивающих целенаправленную самостоятельную деятельность по оптимальному удовлетворению индивидуальных информационных потребностей с использованием как традиционных, так и новых информационных технологий. Является важнейшим фактором успешной профессиональной и непрофессиональной деятельности, а также социальной защищенности в информационном обществе» (см. прим. 1).

Таким образом, понятие информационная культура характеризует одну из граней культуры, связанную с информационным аспектом жизни человека в информационной среде. Роль этого аспекта постоянно возрастает. Сегодня совокупность информационных потоков вокруг каждого человека стремительно растет, что требует от него и знания законов информационной среды, и умения ориентироваться в информационных потоках.

Информационная культура, представляя собой систему, имеет системообразующее ядро, которым является информационная деятельность. Эта деятельность обеспечивает

функционирование и дальнейшее развитие информационного потенциала общества. Именно в процессе информационной деятельности люди совершенствуют культуру обращения с информацией, методы ее получения, обработки, хранения и своевременной выдачи, повышая тем самым ее актуальность и значимость.

В структуре понятия информационной культуры можно выделить следующие компоненты и соответствующие им критерии (см. рис.1):

1. Когнитивный уровень (знания и умения), включающий в себя интернет-грамотность и навыки общения с информацией: умение организовать поиск необходимой информации, умение работать с отобранной информацией, умение общаться с другими людьми с помощью современных средств информатики. Критериями данного компонента является информационное мировоззрение, информационный стиль мышления, информационная компетентность.

2. Мотивационно-ценностный уровень (установки, оценки, отношения): содержание информационных потребностей и интересов, мотивы обращения к различным источникам информации и связанные с этим ожидания, предпочтительность каналов получения информации, степень удовлетворения информационных потребностей, самооценка информационной компетентности, отношение к девиантному поведению в Интернет. Критериями этого компонента являются степень осознания собственных информационных потребностей, развитая информационная мотивация.

3. Поведенческий уровень (реальное и потенциальное поведение): способы поиска и каналы получения необходимой информации, интенсивность обращения к различным источникам информации и их характеристика, применение полученной информации в различных сферах своей деятельности, способы распространения новой информации, степень включенности в Интернет-сообщество. Критериями этого компонента являются информационное поведение, познавательная активность, информационная этика.

Рис. 1. Структура информационной культуры

Данные критерии выбраны с учетом того, что информационная культура личности (см. прим. 2):

- формируется и развивается в процессе обучения, а затем проявляется в профессиональной деятельности человека;
- позволяет выбирать и использовать различные источники информации для обеспечения учебной и будущей профессиональной деятельности;

Гранина Н. М.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

– характеризует особенности создания, поведения, мышления, информационного взаимодействия в процессе любого вида деятельности;

– стимулирует творческое и профессиональное развитие, обеспечивает устойчивую мотивацию к самообразованию.

Развитая информационная культура обеспечивает высокий уровень образованности человека, закладывает прочный фундамент его знаний в области информатики и в предметных областях. Это позволяет осваивать любую профессиональную область деятельности на высоком уровне и способствует саморазвитию человека.

Развитие информационной культуры обеспечивается созданием следующих педагогических условий:

1) наличие информационно-развивающей среды;

2) высокая информационная культура преподавателей;

3) введение в учебные планы специальных курсов, направленных на развитие информационной культуры личности.

Таким образом, понимая важность вхождения образования России в общемировое образовательное пространство, необходимо помнить, что этот процесс предполагает повышение общекультурного уровня участников системы, включающее в себя целенаправленное повышение уровня информационной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брановский, Ю. Работа в информационной среде / Ю. Брановский, А. Беляева // Высшее образование в России. – 2002. – № 1. – С. 81-87.
2. Воронина, Л. А. Информационная культура как фактор инновационного развития / Л.А. Воронина, Н.Е. Иванова, С.В. Ратнер // Качество. Инновации. Образование. – 2008. – № 3. – С. 8-11.
3. Гендина, Н. И. Информационная грамотность и информационная культура личности: международный и российский подход к решению проблемы / Н.И. Гендина // Открытое образование. – 2007. – № 5. – С. 58-69.
4. Казанцева, В. П. Информационная культура личности и образовательный процесс университета / В. П. Казанцева // Научные и технические библиотеки. – 2009. – № 5. – С. 61-65.
5. Санникова, И. Г. Формирование информационной культуры студента в условиях дистанционного обучения / И.Г. Санникова, М.В. Корнилова // Вестник ТГПУ, вып. 7, сер. «Педагогика». – 2007. – С. 73-76.
6. Семенюк, Э. Л. Информационная культура общества и прогресс информатики / Э.Л. Семенюк // НТИ. Сер. 1. – 1994. – № 1. – С. 1-8.
7. Терминологический словарь по библиотечному делу и смежным отраслям знания / сост. З.Г. Высоцкая [и др.]; РАН. Б-ка по естественным наукам. – М., 1995. – 268 с.
8. Юсупова, Г. Н. Приоритеты и социальная значимость формирования информационной культуры студентов различных специальностей / Г.Н. Юсупова // Научные и технические библиотеки. – 2010. – № 3. – С. 33-36.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гендина Н.И. Формирование информационной культуры личности: от теории – к модели информационного образования. Режим доступа: <http://www.nii.art.kemerovonet.ru>.
2. Лютикова Т.П. Развитие информационной культуры личности в образовательном процессе вуза: дис. ... к.п.н. – Ставрополь, 2006. Режим доступа: <http://www.diss.rsl.ru>.
3. Негодаев И.А. Информатизация культуры. Режим доступа: <http://www.domknig.net>.

Золотухина В. П.
V. P. Zolotukhina

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ УСТНОМУ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМУ ПЕРЕВОДУ

TEACHING TECHNICAL INTERPRETATION SKILLS TO NON-HUMANITIES STUDENTS

Золотухина Валентина Петровна – кандидат педагогических наук, зав. кафедрой общего и профессионального английского языка Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27.

E-mail: zval@kmscom.ru

Ms. Valentina P. Zolotukhina – PhD in Educational Studies, Associate Professor, Head of the Department of General & Professional English Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: zval@kmscom.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты содержания языковой подготовки студентов-нелингвистов в связи с переходом на новые образовательные стандарты.

Summary. The paper deals with some aspects of the linguistic education of non-humanities university students in connection with introduction of new educational standards.

Ключевые слова: последовательный перевод, техническая сфера, аспект, содержание, психологический, коммуникативный.

Key words: consecutive interpreting, technical subjects, aspect, content, psychological, communicative.

УДК 81

Актуальность вопроса, вынесенного в заголовок, столь же очевидна, как и его сложность, многоплановость и неоднозначность. В настоящий момент во всех высших учебных заведениях страны происходит переход образовательного процесса на двухуровневую систему обучения; осуществляется разработка учебных планов и требований к компетенциям.

Новые образовательные стандарты по различным техническим специальностям включают от восьми до двадцати четырех и более общекультурных компетенций (ОК), где, как правило, иностранный язык может участвовать в формировании двух, трех и более компетенций.

Такие общекультурные компетенции как «свободно пользоваться одним из иностранных языков на уровне, необходимом для выполнения профессиональных задач» (специальность 230.700.62 – Прикладная информатика) [1], «владеть одним из иностранных языков международного общения на уровне, обеспечивающем устные и письменные межличностные и профессиональные коммуникации» (специальность 270100.62 – Архитектура) [2] или «владеть одним из иностранных языков на уровне чтения и понимания научно-технической литературы, быть способным общаться в устной и письменной формах на иностранном языке» (специальность 151900.62 – Конструкторско-технологическое обеспечение машиностроительных производств) [3] и т.д. свидетельствуют о неизбежности контактов с представителями зарубежных стран и, как следствие, повышается спрос на специалистов с развитой компетенцией иноязычной межкультурной коммуникации в сфере профессиональной, в том числе и научно-технической коммуникации.

В связи с этим научно-технический перевод и все его виды должны стать объектом исследования и найти ведущее место в содержании обучения и в учебных планах подготовки бакалавров и магистров.

Специфические трудности, связанные с научно-техническим переводом как таковым, в первую очередь обусловлены предметным содержанием подлежащих переводу материалов, что, в частности, проявляется в использовании специальной терминологии.

Так, например, техническая экскурсия, переговоры о покупке оборудования, новых технологий или презентация компании или нового продукта – вот лишь немногие примеры ситуаций перевода, предполагающие, помимо прочего, и обсуждение сугубо технических научных и/или инженерных моментов.

На старших курсах студент обладает значительным объемом профессиональных знаний. Успешность перевода зависит от количества профессиональных знаний, имеющихся в памяти студента, от уровня сформированности его профессионального тезауруса, выступающего в качестве информационной основы этого вида речевой деятельности. Другим компонентом тезауруса являются языковые средства, прежде всего, лексические. Отсюда вытекает вывод, что чем богаче профессиональный тезаурус (оба его компонента – профессиональные знания и обслуживающая их терминологическая лексика), тем легче и быстрее протекает перевод.

Устный последовательный перевод, являясь разновидностью так называемого «перевода конференций» (conference interpreting), представляет собой сложный вид речевой деятельности, включающий мгновенное переключение, понимание, осмысление и озвучивание информации то на одном, то на другом языке.

За последние два десятка лет обучение переводу стало более структурированным, оно основывается на принципах и методах преимущественно европейской школы перевода, а также канадского переводческого научного сообщества. В отечественной дидактике перевода труды В.Н. Комисарова [5], Л.К. Латышева [6], А.Л. Семенова [7] стали классическими работами в этой области. Неизменный интерес представляют работы А.П. Чужакина [9], И.С. Алексеевой [4], Т.С. Серовой [8], опубликованные за последние несколько лет.

По нашему мнению, отечественный и зарубежный опыт теории и практики перевода позволяет говорить о необходимости и важности обучения по различным видам переводческой деятельности. В рамках магистратуры мы предлагаем студентам устный последовательный технический перевод, который включает ряд аспектов:

1. *Технический аспект*, в рамках которого студентам сообщаются знания о последовательности этапов и задач, стоящих перед устным переводчиком.

2. *Психологический аспект*, который направлен на раскрытие специфики перевода как сложного вида иноязычной речевой деятельности. На основе положения теории деятельности в общей психологии (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.В. Рубинштейн), теории речевой и иноязычной речевой деятельности (А.А. Леонтьев, И.А. Зимняя, Т.С. Серова) мы рассматриваем условия осуществления и функционирования основных психологических механизмов и, в первую очередь, памяти, внимания, восприятия и т.д. на каждой стадии устного последовательного перевода.

3. *Аналитический аспект*. Несмотря на то, что устный перевод выполняется в обстановке дефицита времени, студент руководствуется определенной стратегией, для чего анализирует степень сложности текста, тематику его терминов, приемы, которые придется применять. Это и есть анализ устного текста.

4. *Коррекционный аспект*. Данный аспект можно обозначить как «анализ ошибок», оценку качества перевода, типы ошибок, их основные причины.

В случае с обучающим переводом в роли реципиентов выступают преподаватели и студенты. Изначально оценка перевода осуществляется интуитивно. Исследования последних лет подтверждают, что оценка качества перевода зависит от многих факторов (например, от профессиональных, гендерных, национальных различий слушателей), но наиболее объективным методом является метод анализа ошибок.

Существуют различные классификации типов переводческих ошибок. Вслед за многими авторами (Н.К. Гарбовский, Л.К. Латышев, Е.В. Аликина) разделим переводческие ошибки на ошибки понимания и ошибки выражения. К ошибкам понимания можно отнести следующие нарушения: искажения фактов (неверная передача прецизионной информации); искажения логики (изменение характера связи между элементами); опущения (пропуски элементов содержания исходного сообщения); добавления (добавление элементов, которых не было в исходном сообщении).

Еще одна, не менее важная задача – порождение вторичного текста с соблюдением языковых и речевых норм языка перевода. К ним относятся следующие ошибки: лексико-грамматические, стилистические, сорные слова и фонологические отклонения.

5. *Технический аспект* включает знакомство студентов с основными техниками устного последовательного перевода. Помимо речевых приемов техники перевода (компрессия текста, генерализация, конкретизация и т.д.), это могут быть сведения о технике подготовки к переводу, технике публичного выступления, технике переводческой записи. Приемы переводческой техники индивидуальны для каждого студента, но в совокупности они отражают и коллективный опыт, а поэтому подлежат повторению.

6. *Коммуникативный аспект*. Как отмечает Т.С. Серова [8], в условиях проведения различных форм межъязыковой коммуникации переводческое посредничество становится разнообразным по своей сути и включает:

- *информационно-аналитическую деятельность* (поиск и сбор информации, регистрирование информационного потока и т.д.);
- *информационно-коммуникативную деятельность* (подготовка демонстрационных материалов, проведение текущих рабочих контактов и др.);
- *организационно-управленческую деятельность* (создание и поддержание благоприятной социально-психологической обстановки и т.д.);
- *научно-исследовательскую деятельность* (участие в научных конференциях, семинарах, изучение специальной литературы, написание научных статей и т.д.).

На наш взгляд, наличие в образовательной программе устного технического перевода является совершенно необходимым условием повышения конкурентоспособности выпускника вуза.

Исходя из вышеизложенного, кафедра общего и профессионального английского языка видит свою задачу в создании обучающего модуля в сфере технического общения, который должен включать набор ситуаций, типов текстов, релевантных данному виду коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 230.700.62 – Прикладная информатика.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 270.100.62 – Архитектура.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 151.900.62 – Конструкторско-технологическое обеспечение машиностроительных производств.
4. Алексеева, И. С. Профессиональный тренинг переводчика / И.С. Алексеева. – СПб.: Изд-во «Союз», 2001.
5. Комиссаров, В. Н. Теоретические основы методики обучения переводу / В.Н. Комиссаров. – М.: Рема, 1997.
6. Латышев, Л. К. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе / Л.К. Латышев, В.И. Провоторов. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001.
7. Семенов, А. Л. Основные положения общей теории перевода / А.Л. Семенов. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2005.
8. Серова, Т. С. Психология перевода как сложного вида иноязычной речевой деятельности / Т.С. Серова. – Пермь: Изд-во Пермского гос. техн. ун-та, 2001.
9. Чужакин, А. П. Устный перевод XXI: теория+практика, переводческая скоропись: учеб. для студентов курса переводческих факультетов / А.П. Чужакин. – М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2001.

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.

МОНИТОРИНГ КАЧЕСТВА ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ:
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И КРИТЕРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.

T. E. Nalivayko, M. V. Shynkoruk

**МОНИТОРИНГ КАЧЕСТВА ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И КРИТЕРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ**

**MONITORING THE QUALITY OF THE SYSTEM OF UPBRINGING/EDUCATIONAL
MEASURES AND TOOLS AT AN EDUCATIONAL INSTITUTION: BASIC AREAS
AND CRITERIA OF CONTROL**

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; 8-4217-53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru

Ms. Tatiana E. Nalivayko – Doctor of Educational Studies, Professor, Head of the Department of Educational Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27 Lenin Avenue, Komsomolsk-on-Amur, zip code 681013; +7 (4217) 53-98-25.

E-mail: tenal@knastu.ru

Шинкорук Марина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Вокзальная, д. 48/1, кв. 21; 8-421-27-28-05. E-mail: mari-shynkoruk@yandex.ru

Ms. Marina V. Shynkoruk – PhD in Education, Associate Professor at the Department of Educational Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 48/1 Vokzalnaya Street, flat 21, Komsomolsk-on-Amur, zip code 681013; +7 (421) 27-28-05.

E-mail: mari-shynkoruk@yandex.ru

Аннотация. В статье представлена попытка решения проблемы оценки качества воспитательной системы образовательного учреждения через определение универсальных составляющих процесса воспитания, выступающих ориентирами при определении целевых установок, содержательном наполнении и оценке эффективности воспитательной деятельности. Выделение таких универсальных составляющих воспитательного процесса позволило разработать единую систему критериев и показателей, позволяющую не только осуществлять мониторинг образовательной деятельности различных образовательных учреждений на целостной основе, но и осуществлять сравнительный анализ и определять точки преемственности в реализации воспитательных функций различных учреждений системы образования.

Summary. The paper attempts to solve the problem of quality estimation of the educational/upbringing system at an educational institution, by defining universal components of the educational process that may be used as guidelines for definition of aims and content and for estimation of the efficiency of educational. Emphasis on such universal components of educational process has allowed to develop a uniform system of criteria/indicators, allowing not only to carry out integral monitoring of educational activity at various educational institutions but also to carry out a comparative analysis and to specify continuity points in the implementation of educational/upbringing functions at various types of educational institutions.

Ключевые слова: образование, воспитание, воспитательная система, качество, эффективность, результат, цель, мониторинг, критерии, показатели.

Key words: education, upbringing, educational system, quality, efficiency, result, aim, monitoring, criteria, indicators.

УДК 159.5 (07)

Современные условия становления российского общества определяют в качестве приоритетного направления развития образования усиление его воспитательных функций. В Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 1760-р, сформулированы приоритетные направления, ориентированные на молодежь, включающие задачи, связанные с формированием у молодых людей гражданской ответственности и правового самосознания, духовности и культуры, инициативности, самостоятельности, толерантности, способности к успешной социализации в обществе и активной адаптации на рынке труда.

Задача построения адекватной запросам общества и государства воспитательной системы не ограничивается рамками школы, а предполагает целенаправленную работу на уровне всех субъектов образовательной системы, представленных различными образовательными учреждениями: общеобразовательными, профессиональными, учреждениями дополнительного образования.

При явно выраженной специфике решения задач обучения, воспитательные возможности различных образовательных учреждений не обнаруживают глубоких различий: идеологические основы построения воспитательного процесса, основные направления воспитания, общие способы воспитательной работы остаются одинаковыми для всех; разница лишь в том, какие конкретные технологии, формы и приемы воспитательной деятельности наиболее эффективно будут сочетаться со спецификой того или иного образовательного учреждения.

Это положение определяет необходимость выделения при конструировании воспитательной системы различных образовательных учреждений общего инвариантного ядра, с последующим наслоением на него вариативных элементов, отражающих специфику того или иного субъекта образовательной системы.

Такой подход предполагает определение универсальных составляющих процесса воспитания, выступающих ориентирами при определении целевых установок, содержательном наполнении и оценке эффективности воспитательной деятельности.

Последнее обуславливает необходимость разработки единой системы критериев и показателей, позволяющей не только осуществлять мониторинг образовательной деятельности различных образовательных учреждений на целостной основе, характеризующей воспитательную систему Хабаровского края, но и осуществлять сравнительный анализ и определять точки преемственности в реализации воспитательных функций различных учреждений системы образования.

Для построения такой системы необходимо обратиться к анализу сущности процесса воспитания. Для этого воспользуемся определением таких ученых, как Х.Й. Лийметс, Л.И. Новикова, В.А. Караковский, Н.Л. Селиванова [1], в представлении которых воспитание – это управление процессом формирования и развития личности ребенка через создание для этого благоприятных условий. Соответственно и мониторинг процесса воспитания должен быть направлен на изучение личности ребенка и создаваемые в образовательном учреждении условия ее развития. Кроме этого, необходимо учитывать и качество самого воспитательного процесса: адекватность его содержания современным тенденциям в области образования, учет в его построении индивидуальных и возрастных особенностей воспитанников, эффективность форм, средств и методов его реализации.

Исходя из приведенных выше положений и методических рекомендаций по оценке качества воспитательной деятельности [2; 3; 4], были выделены три основных направления мониторинга, группирующих вокруг себя показатели, представленные, в свою очередь, критериями эффективности и результативности воспитательной деятельности в образовательном учреждении.

Первое направление мониторинга было обозначено как оценка ресурсов осуществления воспитательной деятельности образовательного учреждения.

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.

МОНИТОРИНГ КАЧЕСТВА ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ:

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И КРИТЕРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ

К ресурсам осуществления воспитательной деятельности относятся:

- кадровое обеспечение воспитательного процесса (уровень квалификации педагогов, повышение квалификации кадров);
- информационно-техническое обеспечение воспитательного процесса (методическое обеспечение, информационное обеспечение, материально-техническое обеспечение);
- медико-социальные условия пребывания воспитанников (соответствие социально-гигиенических, социально-психологических условий проведения воспитательной деятельности требованиям нормативов);
- предметно-эстетическая среда, в которой организуется процесс воспитания;
- деятельность детских объединений и органов ученического (студенческого) самоуправления, необходимых для самореализации школьников (учащихся, воспитанников, студентов);
- программное обеспечение процесса воспитания.

В соответствии с названными условиями воспитательная деятельность образовательного учреждения оценивается по критериям:

- 1) характеристика системы управления воспитательной деятельностью;
- 2) наличие и эффективность работы ученических (студенческих) общественных организаций;
- 3) эффективность использования материально-технической базы для внеучебной работы с обучающимися;
- 4) финансовая обеспеченность воспитательной деятельности;
- 5) характеристика системы поощрения учащихся.

Названные критерии характеризуются группами показателей, раскрывающих тот или иной критерий и предоставляющих возможность оценивания воспитательной деятельности образовательного учреждения.

Так, первый критерий – характеристика системы управления воспитательной деятельностью – раскрывается показателями:

- наличие в образовательном учреждении должности заместителя директора по воспитательной работе (организатора воспитательной работы);
- наличие структурного подразделения (общественного органа) ответственного за воспитательную работу (отдел, совет и т.п.);
- наличие внутренних локальных актов, регламентирующих воспитательную деятельность;
- наличие инструкций, методических рекомендаций по организации и проведению воспитательной деятельности;
- наличие классных руководителей / кураторов в учебных группах;
- наличие положения (должностной инструкции): о заместителе директора (организатора по воспитательной работе); о структурном подразделении (общественном органе), курирующем воспитательную работу; о классном руководстве; о кураторе учебной группы;
- наличие Попечительного совета;
- наличие клуба выпускников

Показателями для второго критерия – наличие и эффективность работы ученических общественных организаций – выступают:

- наличие в образовательном учреждении профсоюзной организации (для учащихся системы СПО);
- количество студентов, состоящих в профсоюзе на данный момент (для учащихся системы СПО);
- наличие в образовательном учреждении ученического совета;
- наличие в образовательном учреждении ученических клубов, союзов, ассоциаций, творческих коллективов;

- количество мероприятий, проведенных общественными организациями в предыдущем учебном году;

- наличие ученических добровольческих отрядов, агитбригад;
- наличие совета общежития.

Третий критерий – эффективность использования материально-технической базы для внеучебной работы с обучающимися – оценивается с помощью показателей:

- наличие в образовательном учреждении актов зала;
- наличие спортивных залов;
- наличие тренажерных залов;
- наличие стадиона (спортплощадки);
- наличие оборудования, обеспечивающего культурно-массовые мероприятия;
- наличие оборудования и инвентаря для спортивных мероприятий.

Эффективность воспитательной деятельности по четвертому критерию – финансовая обеспеченность воспитательной деятельности – осуществляется по показателям:

- выделение средств на культурно-массовую работу;
- выделение средств на спортивные мероприятия;
- выделение средств на поощрение учащихся за активное участие в воспитательной деятельности.

Пятый критерий – характеристика системы поощрения учащихся – предполагает показатели:

- наличие утвержденного положения о поощрении учащихся за достижения в учебе и воспитательной деятельности;
- количество учащихся, поощренных в предыдущем учебном году.

Второе направление мониторинга воспитательной деятельности образовательного учреждения – оценка процесса воспитания в образовательном учреждении – реализуется посредством следующих критериев:

- 1) характеристика целевых установок в воспитательной деятельности;
- 2) информационное обеспечение организации воспитательной работы и формирование традиций в образовательном учреждении;
- 3) организация, методическое обеспечение и проведение культурно-массовой и творческой работы;
- 4) эффективность психолого-консультационной работы;
- 5) организация специальной профилактической работы;
- 6) характеристика внутренней системы оценки состояния воспитательной работы;
- 7) использование в целях воспитания возможностей учебно-воспитательного процесса;
- 8) эффективность научно-исследовательской и профориентационной работы в образовательном учреждении.

Названные критерии оцениваются с помощью показателей, сгруппированных в соответствии с содержанием критерия.

Для первого критерия – характеристика целевых установок в воспитательной деятельности – показателями выступают:

- наличие утвержденной на педагогическом Совете образовательного учреждения Концепции воспитательной деятельности;
- наличие утвержденной директором (зам. директора) программы воспитательной деятельности на цикл обучения;
- наличие утвержденной директором, (зам. директора) календарного плана воспитательной деятельности на год.

Второй критерий – информационное обеспечение организации воспитательной работы и формирование традиций образовательного учреждения – предполагает использование показателей:

- наличие доступных для учащихся источников информации, содержащих план воспитательных мероприятий, расписание работы клубов, кружков, секций, творческих коллективов и т.д.;

- наличие малотиражной газеты;
- тираж газеты / периодичность издания;
- наличие сайта образовательного учреждения в сети Интернет;
- наличие музея истории образовательного учреждения.

Третий критерий – организация, методическое обеспечение и проведение культурно-массовой и творческой работы – содержит показатели:

- проведение фестивалей, смотров, конкурсов и пр. в образовательном учреждении;
- количество фестивалей, смотров, конкурсов и пр., проведенных в предыдущем учебном году;
- участие учащихся в фестивалях, конкурсах, смотрах различного уровня в предыдущем учебном году;
- достижения учащихся, участвовавших в фестивалях, конкурсах, смотрах различного уровня в предыдущем учебном году (количество призовых мест, дипломов, грамот);
- количество учащихся, участвующих в работе клубов, творческих коллективов, кружков и пр. на данный момент;
- количество спортивных секций, клубов;
- количество учащихся, занимающихся в спортивных секциях, клубах на данный момент (в учебном заведении/вне учебного заведения);
- количество спортивных мероприятий, проведенных в предыдущем учебном году в образовательном учреждении;
- участие школьников (воспитанников, студентов) в спортивных соревнованиях различного уровня;
- достижения учащихся, участвовавших в спортивных соревнованиях различного уровня в предыдущем учебном году (количество призовых мест, дипломов, грамот).

Показателями по четвертому критерию – эффективность психолого-консультационной работы – выступают:

- наличие в образовательном учреждении службы психологической поддержки;
- наличие положения о службе психологической поддержки;
- наличие утвержденной программы психологической помощи;
- количество обращений в службу психологической поддержки в предыдущем учебном году;
- количество мероприятий, проведенных службой психологической поддержки в предыдущем учебном году.

Показатели пятого критерия – организация специальной профилактической работы:

- наличие утвержденной программы по профилактике наркологической, алкогольной, табакокурения и иных видов зависимости;
- количество мероприятий, проведенных в рамках данной программы в предыдущем учебном году;
- осуществление учета учащихся, страдающих наркотической, алкогольной и иными видами зависимости;
- количество учащихся, состоящих на учете в наркологическом диспансере;
- наличие утвержденной программы по профилактике ВИЧ-инфекций;
- количество мероприятий, проведенных в рамках данной программы в предыдущем учебном году;
- наличие утвержденной программы по профилактике правонарушений;
- количество мероприятий, проведенных в рамках данной программы в предыдущем учебном году;

- количество правонарушений, совершенных учащимися образовательного учреждения в предыдущем учебном году (по данным территориальных органов МВД).

Показатели шестого критерия – характеристика внутренней системы оценки состояния воспитательной работы:

- проведение опросов учащихся с целью выявления и учета их мнения об организации воспитательной деятельности;
- наличие архива данных опросов об оценке учащимися воспитательной работы (об отдельных мероприятиях);
- проведение совещаний, семинаров, конференции и пр., с целью осуществления анализа состояния воспитательной работы в образовательном учреждении;
- наличие отчетов, протоколов, тезисов выступлений с сообщениями на совещаниях, семинарах, конференциях лиц, ответственных за воспитательную работу;
- разработанность критериев внутренней оценки воспитательной работы образовательного учреждения.

Показателями седьмого критерия – использование в целях воспитания возможностей учебно-воспитательного процесса – являются:

- наличие в рабочих учебных программах нравственных, психолого-педагогических аспектов профессиональной деятельности будущих специалистов;
- разработанность специализированных курсов, содержащих различные аспекты воспитательной работы (патриотический, духовно-нравственный, гражданский и т.д.);
- разработанность культурологического и регионального компонентов в учебных планах образовательных учреждений.

Восьмой критерий – эффективность научно-исследовательской и профориентационной работы в образовательном учреждении – раскрывается с помощью показателей:

- наличие студенческого научного сообщества;
- участие обучающихся в олимпиадах, конкурсах;
- достижения обучающихся, принявших участие в олимпиадах, смотрах, конкурсах;
- организация вторичной занятости, содействие в трудоустройстве учащихся.

Третье направление мониторинга воспитательной деятельности образовательного учреждения – оценка результата воспитательной деятельности образовательного учреждения.

На данном направлении есть необходимость остановиться более подробно. Исследователи П.В. Степанов, Д.В. Григорьев, И.В. Кулешова [6] отмечают, что главным критерием эффективности воспитательного процесса образовательного учреждения выступает личность самого воспитанника. При этом основные аспекты развития личности, а именно: направление развития личности ребенка, его ценностные ориентации, отношения к окружающему миру, к другим людям, к самому, позитивные изменения, происходящие в личности воспитанника, можно, по мнению авторов, охарактеризовать таким интегральным понятием как личностный рост. Личностный рост выражается в развитии гуманистических ценностных отношений человека к миру, к людям и к самому себе.

При определении критериев эффективности воспитательной деятельности образовательного учреждения необходимо также учитывать, что отечественная система воспитания традиционно складывалась как система воспитания в коллективе: классе, кружке, спортивной секции, детском объединении, отряде детского оздоровительного лагеря и т.д. Современный ребенок развивается как личность в нескольких разных коллективах – разных по характеру деятельности, по способу вхождения в них детей, по характеру реализуемых ими в этих коллективах ролей, по длительности пребывания в них ребят. Влияние коллектива на ребенка многоаспектно: за счет одних своих свойств он может порождать процессы нивелировки личности, ее усреднения; за счет других – развивать индивидуальность человека, его творческий потенциал. Все это определяет необходимость учета уровня развития детского

коллектива при осуществлении мониторинга воспитательной деятельности в образовательных учреждениях.

Значимой составляющей организации воспитательного процесса, от которой во многом зависит его эффективность, является профессиональная позиция педагога, осуществляющего воспитательную работу. Позиция – это единство сознания и деятельности человека, где деятельность выступает одним из способов реализации его базовых ценностей (Н.Г. Алексеев, В.И. Слободчиков). В этой связи важно выяснить: является ли воспитание сознательно выбранной деятельностью педагога (или педагог всего лишь выполняет возложенную на него кем-то обязанность, то есть попросту отбывает повинность); какие профессиональные ценности сформированы у педагогов (или такие ценности вообще отсутствуют и педагог осуществляет свою работу формально, равнодушно)? Ответы на эти вопросы позволят пролить свет на те условия развития личности ребенка, которые существуют в школе.

Не менее важное значение имеет и характер педагогической позиции. Сформирована ли у педагога гуманистическая педагогическая позиция? Гуманистическое воспитание – это не только гуманистически ориентирующее воспитание (ориентирующее ребенка на гуманистические ценности), но и гуманистически ориентированное воспитание (ориентированное на ребенка как базовую для воспитателя ценность). Это означает, что именно данной ценностью определяется вся иерархия профессиональных ценностей педагога-воспитателя, что именно данная ценность определяет выбор средств и методов воспитания. Таким образом, вся воспитательная деятельность как бы пронизана ценностным отношением педагога к ребенку: к его телесной (физическому здоровью), душевной (психическому равновесию) и духовной (свободе) ипостасям.

Развитие у педагога такого ценностного отношения к ребенку и оформление этого отношения в гуманистическую педагогическую позицию имеет важное значение для практики воспитания, поскольку позиция выступает здесь своеобразным регулятором воспитательной деятельности. Она не позволяет процессу воспитания как события взрослого и ребенка трансформироваться в воспитание как «инженерию человеческих душ», где активностью субъекта обладает только педагог, а ребенок выступает лишь в качестве потенции, возможности, реализация которой полностью зависит от внешнего влияния.

Все это определяет характер профессиональной позиции педагога в качестве критерия оценки воспитательной деятельности образовательного учреждения.

Таким образом, оценивание результата воспитательной деятельности образовательного учреждения осуществляется с использованием следующих критериев:

- 1) личностный рост воспитанников образовательного учреждения;
- 2) характеристика микроклимата в детских коллективах;
- 3) характеристика профессиональной позиции педагога.

Первый критерий – личностный рост воспитанника образовательного учреждения – представлен показателями:

- ценностное отношение воспитанника к себе, проявляющееся в заботе о своем здоровье, стремлении вести здоровый образ жизни, самопринятии, душевном здоровье, самостоятельности, самоопределении;

- ценностное отношение воспитанника к другим людям, которое складывается из таких качеств, как гуманизм, толерантность, альтруизм;

- ценностное отношение воспитанника к окружающему миру, в котором отображаются такие характеристики, как: уважение семейных традиций, гордость за свой род, свою фамилию, гражданственность, патриотизм, любовь к природе, бережное отношение к ее богатствам, миротворчество и неприятие насилия, пацифизм, трудолюбие, стремление к творчеству, интеллигентность, любознательность.

Представление второго критерия оценивания результата воспитательной деятельности образовательного учреждения – характеристика микроклимата в детских коллективах – опирается на показатели:

- удовлетворенность воспитанников своим коллективом;
- единство воспитанников в достижении общественно-значимых целей.

Оценка воспитательной деятельности образовательного учреждения по третьему критерию – характеристика профессиональной позиции педагога – осуществляется по показателям:

- отношение педагога к профессиональной позиции воспитателя;
- реализация педагогом профессиональной позиции воспитателя.

Использование представленных критериев позволит осуществить оценку результата воспитательной деятельности, как одной из составляющих мониторинга качества воспитательной системы образовательного учреждения.

Изучение проблемы оценки состояния воспитательной работы в различных учреждениях образования показывает, что эффективная воспитательная работа в образовательном учреждении может быть обеспечена лишь при наличии мониторинга качества системы воспитания. При этом определение эффективности в образовательном учреждении по-прежнему относится к числу наиболее сложных педагогических проблем. Эффективность характеризует степень успешности функционирования воспитательной системы в достижении цели. Поскольку цели могут быть различными, можно выделить определенные составляющие педагогической эффективности, которые, в свою очередь, являются функциями трех переменных – затрат (трудовых, временных, материальных ресурсов) участников воспитательного процесса, осуществления воспитательного процесса и результатов воспитательной деятельности, отраженных в определенных показателях, которыми характеризуется состояние объекта воспитательной деятельности.

Правильный выбор критериев и показателей эффективности – важнейшее требование, так как неверно выбранные критерии не позволяют достичь результатов, которые определены целью.

Представленная в настоящей работе система критериев и показателей оценки состояния воспитательной работы образовательного учреждения предоставляет возможность осуществления мониторинга воспитательной деятельности в общеобразовательных, профессиональных учреждениях, а также в учреждениях дополнительного образования, поскольку построена на основе универсальных составляющих процесса воспитания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караковский, В. А. Воспитание? Воспитание... Воспитание! Теория и практика школьных воспитательных систем / В.А. Караковский, Л.И. Новикова, Н.Л. Селиванова. – М.: Педагогическое общество, 1996.
2. Методические рекомендации по анализу содержания и качества воспитания студентов в системе высшего профессионального образования. – М.: Национальный институт бизнеса, 2006. – 26 с.
3. Методические рекомендации по аттестационной и аккредитационной оценке воспитательной деятельности образовательных учреждений, реализующих общеобразовательные программы различного уровня и направленности: Метод. письмо Минобрнауки РФ от 15.10.2003 № 24-51-212/ 13-28-51-793/16. – 27 с.
4. О внесении изменений в приказ Минобрнауки России от 29.06.2000 № 1965 "Об утверждении перечня показателей государственной аккредитации и критериальных значений, используемых при установлении вида высшего учебного заведения": приказ Министерства образования РФ от 27.12.2002 № 4670// Официальные документы в образовании // Информ. бюллетень. – 2003. – № 5. – Февраль.
5. Социальный мониторинг воспитания детей в Российской Федерации / под ред. С.В. Дармодехина. – М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2004.
6. Степанов, П. В. Диагностика и процесс воспитания в школе / П.В. Степанов, Д.В. Григорьев, И.В. Кулешова. – М.: Академия: АПКИПРО, 2003.

Товбаз Е. Г.

ОСНОВНЫЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ СТУДЕНТОВ

Товбаз Е. Г.

E. G. Tovbaz

**ОСНОВНЫЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ИНФОРМАЦИОННО-
ПОИСКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ СТУДЕНТОВ**

**THE MAIN COGNITIVE COMPONENTS OF INFORMATION'S SEARCHING
ACTIVITY IN INDEPENDENT STUDENTS' WORKS**

Товбаз Елена Геннадьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681024, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Первостроителей, 21-450; 8(4217)53-75-81. E-mail: LenaTovbaz@yandex.ru.

Ms. Elena G. Tovbaz – PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Education Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681024, Komsomolsk-on-Amur, 21-450 Pervostroiteley prospect; +7(4217)53-75-81. E-mail: LenaTovbaz@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению особенностей самостоятельной работы студентов с точки зрения информационно-поисковой деятельности. В статье характеризуются основные компоненты информационно-поисковой деятельности: информационная грамотность и критическое мышление. Представлены рекомендации по свободному и эффективному взаимодействию с информацией.

Summary. This paper considers the characteristics of independent work of students from the perspective of the process information retrieval. The two main components of the search for information are characterized: information literacy and critical thinking. Guidelines on free and effective interaction with information are presented.

Ключевые слова: самостоятельная работа, информационная грамотность, критическое мышление, познавательная деятельность, рефлексия, информация.

Key words: independent work, information literacy, critical thinking, cognitive activity, reflection, information.

УДК 159.9

Сегодня нет необходимости убеждать преподавателей вузов в важности разработки и внедрения в педагогическую практику более совершенной методики обучения, обеспечивающей повышение качества учебной работы, активизацию познавательной деятельности студентов, развитие их умственных способностей [1; 2; 4].

В решении этой проблемы значительная роль отводится формированию у студентов умений и навыков самостоятельного умственного труда. Это тем более важно, что, какие бы знания и в каком объёме не получали обучаемые, они имеют необратимую тенденцию быстро устаревать, отставать от потребностей жизни, производства. Выход в том, чтобы научить учащихся учиться самостоятельно, приобретать знания из различных источников информации самостоятельным путём, овладеть как можно большим разнообразием видов самостоятельной работы [2; 4].

Самостоятельная работа студентов, прежде всего, связана с умением ориентироваться в информационных источниках в комплексе с развитием критического мышления, неразрывно связанного с процессом получения, отбора и анализа нужной информации.

Самостоятельная работа студентов – «*деятельность в процессе обучения и во внеаудиторное время, выполняемая по заданию преподавателя, под его руководством, но без его непосредственного участия*» [4, 58].

Основными признаками самостоятельной работы студентов с воспринимаемой информацией принято считать:

- наличие познавательной или практической задачи, проблемного вопроса или задачи и особого времени на их выполнение, решение;
- проявление умственного напряжения мысли обучаемых для правильного и наилучшего выполнения того или иного действия;
- проявление сознательности, самостоятельности и активности студентов в процессе решения поставленных задач;
- владение навыками самостоятельной работы;
- осуществление управления и самоуправления самостоятельной познавательной и практической деятельностью студента [4, 59].

Массовая компьютеризация, внедрение и развитие новых технологий хранения, переработки и распространения информации стали причиной увеличения удельного веса и роли информации во всех сферах жизни общества.

Однако часто неправильное использование информации, неумение ориентироваться в информационном потоке и переизбыток ненужной или вредной информации приводит к плачевным результатам.

Опыт самостоятельной деятельности приобретается не сразу. Для этого, как уже отмечалось выше, необходимы определённый уровень развития критического мышления и умение учиться на протяжении всей жизни.

Поэтому основой самостоятельной работы, неотъемлемым условием интеллектуальной деятельности личности, является *информационная грамотность*, представляющая собой «*совокупность знаний, умений, навыков, творческих, мировоззренческих и поведенческих качеств личности при ее взаимоотношениях с информацией, позволяющих эффективно находить, оценивать, использовать информацию на уровне, который требуется для включения личности в разнообразные виды деятельности и отношений*» [3, 24].

Ключевая роль в формировании информационной грамотности студентов принадлежит библиотеке, которая призвана содействовать формированию навыков информационно-поисковой деятельности.

В данном случае информационно-библиографическая грамотность включает:

- навыки использования инструментов информационно-поисковой деятельности (библиотечно-библиографическая грамотность);
- навыки работы с текстом (культура чтения);
- умение анализировать и оценивать информацию (критическое мышление);
- умение использовать новые информационные технологии [3; 26].

Поэтому на начальном этапе информационно-поисковой деятельности студентов должны быть сформированы следующие навыки и представления:

- представления об информационно-поисковой деятельности как жизненно важной в информационном обществе;
- навык использования библиотечно-поисковых инструментов;
- навык обработки, организации и представления информации;
- навыки аналитической деятельности, необходимой при работе с информацией;
- критическая оценка информации;
- наличие рефлексии и информационных потребностей;
- наличие опыта восприятия, осмысления и оценки разнообразных информационных источников [3, 26].

Если же данные навыки и представления не сформированы, а опыт отсутствует, то необходимо:

Товбаз Е. Г.

ОСНОВНЫЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ СТУДЕНТОВ

- обучение первоначальным навыкам использования библиотечных инструментов для поиска и выбора информации, и основам работы с текстом;
- формирование умений информационно-поисковой деятельности студентов, что включает обучение поиску, извлечению, обработке и представлению информации;
- выполнение заданий на самостоятельное проведение информационного исследования в библиотеке [3, 27].

Всё это позволит сформировать когнитивный опыт личности (знаниевый компонент), опыт практической деятельности (формирование умений и навыков), опыта творческой (самостоятельной) деятельности, опыта эмоциональных отношений в процессе освоения информационных знаний, умений и навыков [1; 3].

Однако для освоения материала одного лишь восприятия, запоминания и простого усвоения информации мало. Необходимо осмысление и анализ полученного материала.

Познавательная деятельность, с психологической точки зрения, осуществляется посредством познавательных процессов и, в частности, мышления. Другими словами – это активная деятельность субъекта восприятия, основанная на критическом мышлении.

Критическое мышление – это «использование когнитивных техник или стратегий, которые увеличивают вероятность получения желаемого конечного результата. Это определение характеризует мышление как нечто отличающееся контролируемостью, обоснованностью и целенаправленностью, – такой тип мышления, к которому прибегают при решении задач, формулировании выводов, вероятностной оценке и принятии решений» (см. прим. 1).

Слово «критический» предполагает оценочный компонент. Но оценка может и должна быть конструктивным выражением и позитивного, и негативного отношения. Когда мы мыслим критически, мы оцениваем результаты своих мыслительных процессов – насколько правильно принятое нами решение или насколько удачно мы справились с поставленной задачей [2, 35].

Критическое мышление также включает в себя оценку самого мыслительного процесса – хода рассуждений, которые привели к нашим выводам, или тех факторов, которые мы учли при принятии решения.

Критическое мышление иногда называют еще и направленным мышлением, поскольку оно нацелено на получение желаемого результата. Это тщательно обдуманное, взвешенное решение в отношении какого-либо суждения: должны ли мы принять, отвергнуть или отложить его, и степень уверенности, с которой мы это делаем (см. прим. 2).

Критическое мышление означает не негативность суждений и критику, а разумное рассмотрение разнообразия подходов и философий, с тем, чтобы выносить обоснованные суждения и решения. «Критическое» в этом контексте означает «аналитическое». Это способность анализировать информацию с позиции логики и личностно-психологического подхода, с тем, чтобы применять полученные результаты как к стандартным, так и нестандартным ситуациям, вопросам и проблемам (см. прим. 1).

Критическое мышление – это «способность ставить новые, полные смысла вопросы, вырабатывать разнообразные, подкрепляющие аргументы, принимать независимые продуманные решения» (см. прим. 2).

Базовая модель технологии критического мышления учитывает психологию человека, особенности его познания. Познавательный процесс должен пройти три этапа: вызов, осмысление и размышление (см. прим. 2).

Известно, что хорошо усваивается информация, которая актуальна. Стимулирование интереса к новому знанию происходит через «извлечение» уже известного и выяснение появившихся вопросов. Возникшие вопросы вызывают потребность в новых знаниях. Вызов подготавливает, настраивает на ту информацию и на тот процесс, которые будут предлагаться на следующих этапах работы. Этот этап способствует появлению или усилению мотивации в познании нового материала, изучаемого на втором этапе.

Этап осмысления предполагает ввод новой информации.

Последний этап в базовой модели критического мышления – размышление – является особо значимым, так как именно здесь происходит творческое развитие, осознание уже вновь обретенной информации. Все этапы не просто взаимосвязаны, но и взаимозависимы.

1. Вызов:

- актуализирует и обобщает имеющиеся у учащегося знания по данной теме;
- пробуждает интерес к изучаемой теме;
- побуждает студента к активной деятельности.

2. Осмысление:

- получение новой информации;
- осмысление новой информации;
- соотнесение новой информации с собственными знаниями.

3. Размышление:

- целостное осмысление, присвоение и обобщение полученной информации;
- выработка собственного отношения к изучаемому материалу, выявление еще неизвестного – тем и проблем для дальнейшей работы (новый вызов);
- анализ всего процесса изучения материала (см. прим. 2).

Следует заметить, что критическое мышление зиждется на «трёх китах». Это свободное или независимое мышление, мотивация и рефлексия. Все они связаны между собой.

Независимое мышление способствует появлению новых идей и свободное смелое оперирование любой информацией, определяет творческий подход к ситуации. Это влечёт за собой осмысление процесса в целом и его составляющих, оценку способов решения проблемы и результата.

Рефлексия приводит к возникновению мотивации иного уровня – внутренней мотивации. Она сильнее мотивации внешней. Это осознанное стремление к успеху, желание исправить ошибки, поиск адекватных методов и приемов. Уровень рефлексии, в свою очередь, влияет на уровень мотивации [1; 2].

Критическое мышление является сложным мыслительным процессом, который начинается с получения информации и заканчивается принятием решения. Это процесс интеграции идей и творческого их осмысления на пути создания собственных концепций [1; 2].

В центре находится студент (обучающийся), перед которым стоит проблема. Решение он ищет сам, а источники могут быть разными, так же как и сами решения.

Таким образом, поиск и анализ информации требуют определённого уровня развития критического мышления, но, в свою очередь, его и формируют. Развитие критического мышления способствует совершенствованию мыслительного процесса в целом, формированию коммуникативных способностей и выработке умений самостоятельной работы.

Самостоятельная работа активизирует мыслительный процесс, т.е. создаёт такие условия, при которых необходимо найти информацию. Не просто найти, а ещё и проанализировать, сравнить, систематизировать и интегрировать. В данный момент активизируется не только мышление, но и восприятие, память, внимание, воображение. Идёт активное планирование и прогнозирование с опорой на прошлый опыт. Соответственно для этого требуются определённые навыки в работе с информацией и структурирования полученного материала. И вот тут возникает своего рода парадокс. Навыки самостоятельной познавательной деятельности, связанные с получением информации, формируются только непосредственно в самостоятельной работе.

Таким образом, самостоятельная работа студентов – это процесс, не только основанный на умении работать с информацией, но и развивающий данное умение.

Продуктивность, эффективность и результативность самостоятельной работы определяется, прежде всего, умением следовать поставленным целям, искать нужную информацию и анализировать полученные факты. Формированию данных умений предшествует информационная грамотность студента и уровень развития критического мышления.

Товбаз Е. Г.

ОСНОВНЫЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ СТУДЕНТОВ

Навыки самостоятельной работы, связанные с получением информации, влияют на степень обученности будущего специалиста, на уровень его профессиональной компетентности и учебно-профессиональной мотивации. Иными словами, здесь мы можем наблюдать обратный процесс, когда уровень владения учебной информацией, умение независимо и смело оперировать информационными понятиями и ориентироваться в фактах и закономерностях, – повышает общий уровень учебной мотивации.

В дальнейшем обучающийся, имея даже минимальные представления о предмете своего изучения, легко отыщет интересующую его информацию. Это стимулирует мотивы самостоятельной деятельности. В итоге самостоятельная работа, основанная на поиске информации, станет потребностью студента и неотъемлемой частью процесса познания. Он обнаружит, что обучение может быть свободным, интересным, поисковым и развивающим. Это, в свою очередь, будет способствовать повышению его познавательной активности, уровню притязаний и самооценки. Узнавая и сопоставляя новые факты, анализируя и синтезируя учебный материал, обучающийся разовьёт способность к обобщению, экстраполяции, вероятностной логике и креативности. Всё это способствует развитию творческой деятельности, которая является как неотъемлемым компонентом, так и результатом самостоятельной работы студентов.

Таким образом, овладение навыками поиска и анализа информации существенно влияет на успех самостоятельной деятельности. Для этого важно научиться оперировать информационными источниками в соответствии с рекомендациями, которые помогут научиться свободно и эффективно взаимодействовать с информацией:

- 1) развивать критическое мышление через чтение, письмо и участие в дискуссиях. Критически осмысливать прочитанное и написанное, формировать собственное мнение по любому вопросу;
- 2) постоянно повышать информационную грамотность;
- 3) систематически обращаться к информационным источникам (библиотека, Интернет).

ЛИТЕРАТУРА

1. Барышникова, З. А. Организация самостоятельной познавательной деятельности студентов-заочников / З.А. Барышникова. – И.: Изд-во УРАО, 2000. – 71 с.
2. Вергасов, В. М. Активизация познавательной деятельности студентов в высшей школе / В.М. Вергасов. – Киев: Вища шк., 1985. – 72 с.
3. Казакова, А. Г. Организация самостоятельной работы студентов / А.Г. Казакова. – М.: ИПКСК, 2001. – 98 с.
4. Филиппов, В. М. Об активизации самостоятельной работы студентов высших учебных заведений / В.М. Филиппов // Высшее образование. – 2003. – № 2. – С. 58-63.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А-Я Психология. Статьи // Сайт. <http://azps.ru/articles/>
2. Методика развития мышления // Психологический портал. <http://novgorod.fio.ru>

Бурнаева К. А.
K. A. Burnaeva

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОЛОДОСТИ В АССОЦИАЦИЯХ
НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА**

**THE LINGUISTIC REPRESENTATIONS OF 'YOUTH' IN THE ASSOCIATIONS
OF NATIVE SPEAKERS OF RUSSIAN**

Бурнаева Ксения Андреевна – аспирант Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета, ассистент кафедры общих лингвистических дисциплин и немецкой филологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Юбилейная 13-51; 89242267337. E-mail: kse4077@yandex.ru

Ms. Ksenja A. Burnaeva – PhD Candidate, the Amur state University of Humanities and Pedagogy, Assistant Lecturer at the Department of General Linguistic Studies and German Philology (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681035, Jubilejnaja Street 13-51; +7 (924) 2267337. E-mail: kse4077@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена изучению ассоциативно-образной реализации концепта "молодость" в русском языке. В качестве метода исследования был использован простой ассоциативный эксперимент. Сопоставительный анализ ассоциаций и образов, вызванных словом-стимулом, позволил раскрыть представления о концепте "молодость", находящиеся в глубинных структурах сознания носителей русского языка. В статье определяется универсальная и национально-культурная специфика концепта в картине мира представителей русского этноса на когнитивно-семантическом уровне. Данные психолингвистического эксперимента позволяют выделить ряд дополнительных значений в структуре концепта.

Summary. This article is an attempt to study the associative-figurative presentation of the concept "youth" in the Russian language. The methodological basis for the research includes associative experimenting. During comparative analysis of associations and images caused by the concept under investigation (the word stimulus), the presentations lying deep in the consciousness of native speakers of Russian were revealed and defined. The paper presents the universal and national&cultural-specific aspects of the concept "youth" in the Russian linguistic worldimage on the cognitive-semantic level. The findings of the psycholinguistic experiment make it possible to identify a number of additional meanings in the structure of the concept.

Ключевые слова: концепт, молодость, русский язык, репрезентация, лингвокультура, ассоциация, ассоциативное поле, эксперимент, структура, интерпретация.

Key words: russian language, concept, youth, representation, linguistic culture, association, associative field, experiment, structure, interpretation.

УДК 808.0:802

Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова дает следующее определение понятию молодость: *молодость – юный возраст; возраст от отрочества до зрелых лет.*

Данные словарей важны для исследования лексем, с помощью которых концепт репрезентируется в речи. Однако данные ассоциативных экспериментов помогают получить более полное представление о концепте, раскрыть представления о концепте, находящиеся в глубинных структурах сознания носителей языка. Данные словарей не способны полностью раскрыть эмоциональные и оценочные составляющие, присутствующие в смысловой структуре концепта.

«Получаемое в результате проведения ассоциативного эксперимента ассоциативное поле того или иного слова-стимула – это не только фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [4, 119].

Материалом для свободного ассоциативного эксперимента послужили реакции на слова-стимулы «молодость», «молодой(ая)». Эксперимент был проведен в группе из 50 респондентов, носителей русского языка, студентов I и II неязыковых (технических) специальностей государственного технического университета г. Комсомольска-на-Амуре, в возрасте от 18 до 20 лет. Респондентам были выданы следующие инструкции: отвечать тремя словами-реакциями, первыми пришедшими в голову при предъявлении слова-стимула, не ограничивая ни формальные, ни семантические особенности слова-реакции. В ходе проведения эксперимента было получено 154 реакции.

Цель данной работы – попытка построения ассоциативного поля концепта «молодость», выявление индивидуальных концептуальных признаков в русской лингвокультуре. Цель эксперимента – выявление образов, находящихся глубоко в сознании носителя языка и интерпретируемых им. Полученное ассоциативное поле, состоящее из слов-реакций, можно считать внешней «оболочкой» концепта. Согласно мнению Е. С. Кубряковой, «слово-стимул в данной ситуации выступает как ... тело знака для концепта или группы концептов, как носитель определенного кванта информации, закрепленного за его оболочкой в акте наречения соответствующего объекта, и одновременно является оператором, который при активизации сознания вызывает к жизни целую цепочку сложных ассоциаций». Следует отметить, что при проведении свободного ассоциативного эксперимента дискурсивные связи, существующие в языке, оказывают существенное влияние на его результаты, что частично делает результаты эксперимента предсказуемыми.

Результаты свободного ассоциативного эксперимента подтвердили многогранность организации концепта «молодость» в русском языке. В отличие от отраженного Д. Н. Ушаковым понимания молодости как юного возраста, возраста от отрочества до зрелых лет, для современных носителей русского языка понятие «молодость» коррелирует скорее с такими признаками, как внешняя привлекательность, отличная физическая форма, энергичность и перспективность.

Классификация ассоциативных реакций, возникшая в ходе анализа анкет респондентов, представляет собой следующие тематические группы:

1. Интеллектуальные способности, особенности характера и поведения, свойственные молодости – *дурак, глупый, глупость, неопытный, веселый, счастливый, задорный, смеющийся, инициативный, радостный, смелый, уверенный, деловой.*

2. Физическая характеристика молодого человека – *свежесть, энергия, здоровье, здоровый, цветущая, сильный, свежий, горячий, энергичный, бодрая, бодрый, сильный, незрелый, спортивный.*

3. Ощущения, восприятие молодости – *быстро, загубленная, здорово, как надо, кончается, отрыв, пора, прожить, пропала, проходит, проходящая, рассвет, ранняя, свобода, скоро пройдет, увяла, ушедшая, шальная, это не вечно, это хорошо, бесшабашная, беречь, наша, надежда, смеющийся.*

4. Тематические ассоциации – *гулять, дышать, тусовка, веселье, юность, радость.*

5. Портретная характеристика – *красота, красивый, прекрасная, юный, высокий, симпатичный, стройный, черноглазый.*

6. Возрастные номинации – *женщина, девушка, мужчина, дева, молодежь, парень, юноша, младенец, мальчик.*

7. Носители признака – *женщина, девушка, девица, дочка, сестра, мама, дама, мужчина, муж, ученый, учитель, друг, агроном, воин, врач, журналист, преподаватель, товарищ, дева, парень, специалист, юноша, дуб, клен, козел, лес, младенец, моряк, папа, солдат, отец, спортсмен.*

8. Синтагматические ассоциации (реакции, обусловленные линейными связями слова-стимула в речи) – *(молодой) человек, специалист, ученый, побег, преподаватель; (молодость) и юность, куда уходишь ты; моя светлая, вечная, уходит, и старость, моя, прощай.*

9. Индивидуальные ассоциации – *дух, журналист, друг, агроном, воин, повеса, теле-нок, товарищ, дуб, клен, козел, брат, конь, бегемот, поросенок, орел, барашек.*

Согласно результатам свободного ассоциативного эксперимента, концепт «молодость» в русском языке представлен в основном знаменательными частями речи: прилагательными и существительными. Информанты в качестве ассоциативной реакции предпочитали выбирать лексику той же части речи, что и стимул. Таким образом, парадигматические реакции преобладают над синтагматическими.

Большая часть ассоциаций, связанных с молодостью, в русской лингвокультуре, носит положительный характер, что явилось прогнозируемым результатом, поскольку молодость – начало жизни, беззаботное время, время надежд и перспектив, самый прекрасный период в жизни каждого человека, представителя любой культуры.

Тематическая группа, характеризующая носителей признака молодости, заслуживает особого внимания. Она была самой объемной в количественном отношении. Реакции – *женщина, девушка, девица, дочка, сестра, мама, дама, муж, мужчина, учитель, ученый, друг, агроном, воин, врач, журналист, товарищ, дуб, клен, папа, отец, парень, юноша, мальчик*. В реакциях носителей русского языка на стимул «молодой(ая)» преобладают ассоциации с семантическим компонентом «лицо женского пола», численный перевес в пользу данного семантического признака в группе номинаций лиц молодого возраста составил 47 %. Таким образом, результаты свободного ассоциативного эксперимента отражают вполне устойчивые гендерные стереотипы «молодой человек – лицо женского пола, женщина». Возраст, подсознательно ассоциируемый с представлениями о женщине в русской лингвокультуре – молодость, в то время как возраст, ассоциируемый с понятием «мужчина», является скорее средний возраст, поскольку полноценным членом общества мужчина становится только в среднем возрасте, приобретая определенный социальный статус.

Номинации лиц, связанные с возрастными концептами, как правило, несут в себе не только возрастное значение, но и отражают определенный социальный статус называемого лица, однако, как показали результаты эксперимента, это не свойственно концепту «молодость». Русскоговорящие информанты не указали ни одной реакции, характеризующей социальный статус, свойственный лицам молодого возраста, что скорее связано с тем, что молодые люди только ищут пути своего социального становления, идет процесс становления социально значимых качеств личности, социальной адаптации.

В ответах русскоговорящих информантов группа реакций, отражающая ощущения и восприятия молодости, также была объемной в количественном отношении. В этой группе преобладающими явились лексемы с отрицательной коннотацией. Респонденты чаще всего выражали сожаление в связи с тем, что этот период жизни человека быстро заканчивается – реакции *быстро, кончается, проходит, проходящая, скоро пройдет, увяла, ушедшая*. Эта подгруппа реакций оказалась самой частотной в группе ощущений и восприятия молодости; процентная составляющая реакций, выражающих сожаление по поводу быстропроходящей молодости, составила 11 % от всех реакций русскоговорящих респондентов. Безусловно, в этой группе ассоциаций встречались реакции, характеризующие молодость как беззаботный, веселый период в жизни человека – реакции *бесшабашная, отрыв, свобода, это хорошо*. Однако эта подгруппа реакции была менее объемной и составила всего лишь 8 % от общего количества реакции респондентов.

Также часто в ответах русскоговорящих респондентов о молодости актуализировались лексемы, относящиеся к лексико-семантическим полям «неопытность» (19,8 %) и «глупость» (14 %) от общего количества ассоциаций; ассоциативные реакции – *дурак, глупый, глупость, неопытность*.

В группе реакций, характеризующих внешность, свойственную молодости, информанты в целом ограничились абстрактными прилагательными *красивый, прекрасный, юный*. Самой характерной чертой внешности молодого человека оказалась физическая красота.

Достаточно частотными являются такие реакции носителей русского языка, как *энергичный, деловой, инициативный, смелый, уверенный*, что дает основания полагать, что русскоговорящие респонденты ассоциируют молодого человека, прежде всего, как социально активную личность.

Несмотря на то что в ответах респондентов преобладал парадигматический тип ассоциаций, также встречались синтагматические ассоциации, вызванные дискурсивными связями, существующими в языке.

Большое количество индивидуальных реакций на стимулы «молодость», «молодой(ая)» подтверждают факт, что несмотря на относительную стабильность наполняемости ассоциативных полей, входящих в содержательную структуру концепта «молодость», они являются индивидуальными. Данные реакции подтверждают факт, что «материалы свободных ассоциативных экспериментов способны нести информацию не только о дискурсивных связях во внутреннем лексиконе респондентов, но и о коммуникативных состояниях и личном опыте участников эксперимента» [3, 167]. Однако подобные реакции, выделенные в группу «индивидуальные», не явились частотными, следовательно, связаны с личным опытом определенных респондентов и не могут быть включены в исследование.

Цветовой эпитет «зеленый» может отражать номинации различных периодов жизни человека, в разных лингвокультурах он является своеобразным концептом мировидения. Так, в русском языке этот цвет соотносится с представлениями о молодости. С одной стороны, на такие ассоциации русскоговорящих респондентов оказывают влияние синтагматическое сочетание *молодо-зелено*, с другой стороны, зеленый цвет в русской культуре символизирует растительность, из чего вытекает его позитивное значение: *произрастание, весеннее возрождение, надежда, молодость*.

Опираясь на реакции русскоговорящих респондентов, описывающих качества, свойственные молодости, можно сделать попытку выявить прототипический образ молодого человека, существующий в сознании носителей русского языка. Молодой человек – это скорее лицо женского пола, привлекательная женщина, веселая, энергичная, но не отличающаяся выдающимися интеллектуальными способностями и непременно сожалеющая о неизбежно наступающем периоде зрелости. В данном концепте присутствуют составляющие, которые являются наиболее ценными для современного социума: энергичность, активность, инициативность, динамизм, перспективность, каждая из которых будет реализована в будущем. Респонденты также указали недостатки молодости, тем не менее, молодость не становится менее ценной, и ценность ее оказывается более очевидной, спустя какое-то время.

Данные психолингвистического эксперимента позволяют выделить ряд дополнительных значений в структуре концепта:

- молодость значима скорее для женщины, чем для мужчины;
- молодой человек социально активен;
- молодость воспринимается как быстротекущий период жизни человека.

Ассоциативный материал позволяет сделать вывод об определенной степени негативного отношения к людям юного возраста, что связано с незрелостью, отсутствием опыта и глупостью молодых людей. С другой стороны, молодость – период жизни человека, когда он свободен, беззаботен, имеет возможность выбора и красив физически.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю. Д. Образ человека в языке: опыт системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 26-54.
2. Болдырев, Н. Н. Концепт и значение слова: Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев. – М.: Наука, 2001. – 345 с.
3. Гольдин, В. Е. Речевое поведение младших школьников: ассоциативные тактики и стратегии реагирования // Модернизация начального образования. – М. : Наука, 2003. – С. 102-197.
4. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М. : РГГУ, 1999. – 382 с.
5. Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А.А. Леонтьева. - М.: Моск. ун-т, 1997. – 457 с.
6. Уфимцева, Е. И. Социальное пространство моно- и мультикультурной коммуникации / Е.И. Уфимцева. – М. : Наука, 2007. – С. 50-60.
7. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор. – М. : Прогресс, 1998. – С. 56-84.

Гиль О. Л.
O. L. Giel

РОЛЬ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАЧАЛА В РОМАНЕ У. СТАЙРОНА «ВЫБОР СОФИ» NON-FICTION ELEMENTS IN WILLIAM STRYTON'S NOVEL "SOPHIE'S CHOICE"

Гиль Ольга Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Омского государственного педагогического университета (Россия, Омск); 644099, г. Омск, ул. Партизанская, д. 4а, корп. 2. E-mail: Kafedra-2006@mail.ru.

Ms. Olga L. Giel – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Literatures, Omsk State Pedagogical University (Russia, city of Omsk); 644099, Omsk, 4a/2 Partisanskaya street. E-mail: Kafedra-2006@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь документа и художественной литературы в романе У. Стайрона «Выбор Софи». События в романе представлены через призму видения начинающего писателя Стинго, подружившегося с евреем Натаном и польской эмигранткой Софи, бывшей узницей Освенцима (Аушвица). При создании книги Стайрон опирался на множество документальных свидетельств. Предмет интереса автора данной работы – роль документа в романе Стайрона.

Summary. The paper studies the relation of documentary elements and fiction in the novel “Sophie’s Choice” by William Styron. The story is told by a young writer Stingo who becomes a friend with a Jew called Nathan and a Polish refugee girl Sophie – survivor of the Oświęcim (Auschwitz) concentration camp. Styron wrote the novel on the basis of many documents. The influence of real life documents on the novel is studied in this paper.

Ключевые слова: американская проза, документальная литература, художественная литература, вторая мировая война, нацизм, Освенцим (Аушвиц), выбор, ответственность.

Key words: american prose, non-fiction, belles-lettres, II World War, Nazism, Oświęcim (Auschwitz), choice, responsibility.

УДК 82(73)

Роман американского прозаика Уильяма Стайрона (William Styron, 1925–2006) «Выбор Софи» (Sophie’s Choice, 1979), неоднократно переиздававшийся в США, входит в Гарвардский список «Сто лучших романов XX века» и «Оксфордский путеводитель по американской литературе». Интерес к этому произведению был поддержан (и поддерживается по сей день) благодаря снятому в 1982 г. одноименному фильму, удостоившемуся целого ряда наград. Ключевой темой романа и фильма стала история человека, чья жизнь оказалась изуродованной самой страшной войной XX в. Внимание читателей и зрителей приковывает к себе судьба женщины, прошедшей через Освенцим.

Стайрон был одним из тех писателей, кто избирает предметом разговора с читателем далеко не легкие темы, кто стремится понять психологию своих героев, пропуская их истории через свою душу, кто способен рассказать о трагедии личности так, чтобы ни один читатель не остался равнодушным. Стайрона интересовали неординарные события, в которых он, однако, видел проявление глубочайших закономерностей. «Как писателя меня всегда привлекали мрачные темы: самоубийство, изнасилование, убийство, армейская жизнь, брак, рабство. <...> я знал, что мое первое произведение будет достаточно мрачным <...>. Ох, какими же вурдалаками способны стать писатели!» [1, 150–152] – констатирует герой книги Стайро-

на, а фактически сам автор, размышляя о том, как были найдены прототипы для его первого романа. И в основе «Выбора Софи» лежит невыдуманная история, до поры до времени гораздо более понятная европейцам, и лишь впоследствии – американцам. Эта разница в восприятии обусловлена неравноценным историческим опытом: в то время как большинством соотечественников писателя вторая мировая воспринимается через призму опыта войны с Японией, Стайрон повествует о том, как Европа сопротивлялась фашизму. И хотя основное действие романа Стайрона датируется 1947 г., хотя персонажи его живут в США, важнейшую роль в повседневной жизни участников трагедии играют воспоминания о недавнем прошлом – недавнем с точки зрения отдельной человеческой жизни, а также с точки зрения истории человечества.

Вместо названий части произведения имеют заглавия «Первое», «Второе», «Третье» и т. д. Таким образом создается впечатление, что автор, придерживаясь определенного плана, последовательно разворачивает тезисы, позволяющие ему проиллюстрировать некую концепцию.

Прототипом героя-повествователя – начинающего писателя-южанина Стинго – стал сам Стайрон, что позволило ему ввести в текст романа различные формы документальной прозы. Иллюзия документальности создается и благодаря тому, что «повзрослевший» Стинго повествует о себе двадцатидвухлетнем и обо всем, что было важным для него в ту пору. Знакомство с героем начинается с его рассказа о том, как он лишился своей «первой и единственной <...> работы за жалованье» [1, 5], и для объяснения причин здесь же вниманию читателей предложен ряд рецензий, созданных Стинго в бытность младшим редактором одного из американских журналов. Важное место в истории повествователя занимают письма его отца: они не только характеризуют взаимоотношения отца и сына, а также их мировосприятие, но и становятся источником важной информации, дают толчок развитию мысли героя и появлению определенных творческих замыслов.

Фрагменты дневника героя-повествователя, образцы его собственных писем делают весьма убедительными воспоминания повзрослевшего Стинго и ту часть романа, в которой предьявлен один из вариантов жизненного пути южанина, где раскрывается его психология. В мечтах Стинго о писательской славе возникают названия и жанры произведений, написанных и опубликованных самим Стайроном к моменту создания «Выбора Софи».

Еще более важную роль документальное начало играет в той части романа, которая теснейшим образом связана с заявленной в его заглавии темой. Трагическая история оказавшейся в США после освобождения из Освенцима красавицы польки Софи, по справедливому мнению Стайрона, может быть по-настоящему понята только в контексте документальных свидетельств того времени. Повествование о развитии отношений Софи и ее любовника – американского еврея Натана, ее рассказ о прошлом, ее ложь, попытка скрыть часть истины и, наконец, подробнейшая исповедь – во многом обязаны своим существованием предпринятым Стайроном попыткам представить целостную картину самой страшной войны XX века. Важное место в романе занимают выдержки из работ исследователей феномена фашизма, воспроизведение основных тезисов предложенных вниманию американцев радиопередач о Нюрнбергском процессе, описание появлявшихся в журналах фотографий нацистских преступников, приговоренных к смертной казни, и демонстрировавшихся в кинотеатрах хроник.

Рассказ о событиях в Польше во второй половине 1930-х – первой половине 1940-х гг. писатель вкладывает в уста Софи, которой необходимо кому-то доверить свою историю. Слушателем становится безнадежно влюбленный в Софи Стинго. Именно Софи открывает глаза Стинго на то, что происходило в Польше, о существовании двух «Освенцимов», двух, расположенных неподалеку друг от друга концентрационных лагерей: «В апреле сорок третьего года меня отправили в концентрационный лагерь на юг Польши – он назывался Аушвиц-Биркенау. Это рядом с таким городком – Освенцим. <...> Там, в Освенциме, было два лагеря – один назывался Аушвиц-Освенцим, и несколько километров от него еще был лагерь, который назывался Бжезинка-Биркенау. Между этими лагерями была разница <...>:

Освенцим был для рабочих, рабов, а Бжезинка только для одного – для уничтожения. Когда я вышла из поезда, меня отобрали идти не... не... не в Бжезинку, а в... – <...> Она стала заикаться. Но быстро снова сумела взять себя в руки. – Отобрали идти не в Бжезинку, не в газовые камеры, а в Освенцим, на работы. Это из-за возраста и <...> из-за хорошего здоровья. <...> Когда я туда приехала, всех, кого отбирали на смерть, отправляли в Бжезинку, но очень скоро в Бжезинке стали убивать только евреев» [1, 196–198].

Для понимания феномена Освенцима и иных концентрационных лагерей Стайрон счел важным остановить внимание на фигуре бывшего коменданта лагеря Рудольфа Хесса (Rudolf Höß): «Давайте отвлечемся на минуту и, прежде чем вернуться к Натану и Софи <...>, а также к прочим событиям, поговорим о Хессе. <...> сейчас, пожалуй, самое время рассказать о том, какая среда породила этого современного готического уродца» [1, 202].

В романе воспоминания Софи о коменданте концлагеря вызывает опубликованная в одном из американских журналов фотография Хесса «за несколько секунд до последней расплаты. Бывший комендант лагеря стоял в наручниках, худой и небритый, в мятой тюремной робе, с застывшим, как маска лицом, готовясь шагнуть туда, откуда нет возврата. Вокруг его шеи обвивалась петля <...>. Взгляд Софи устремился мимо жалкой фигуры с уже мертвым, отрешенным <...> лицом; она поискала, нашла и затем узнала размытые, но такие знакомые очертания приземистого, закопченного крематория Освенцима» [1, 202–203]. Как известно, виселица для Хесса была намеренно поставлена возле одного из крематориев Освенцима.

Возможность внимательно исследовать психологию нациста Стайрон получил благодаря существованию «Воспоминаний» бывшего коменданта концлагеря, созданных им в польской тюрьме в ожидании смертного приговора [2], показывающих «насколько человеческий ум может быть полон идеей тоталитаризма» [1, 203]. Записки Хесса стали известны писателю благодаря изданной Польским государственным музеем книге «Освенцим глазами СС» [3]. По мнению Стайрона, с текстом «Воспоминаний» должны ознакомиться все «преподаватели философии, священнослужители, <...> все историки, писатели, политические деятели и дипломаты, активисты освободительных движений <...>, юристы, судьи, <...> актеры, кинорежиссеры, журналисты – короче, все, кто хотя бы отдаленно влияет на сознание своих сограждан, в том числе и наши любимые дети, которые уже в восьмом классе считают себя будущими лидерами Америки...» [1, 203]. Признания Хесса, по мнению писателя, позволяют приоткрыть завесу над «подлинной природой зла» [1, 203], совсем не похожей на зло опереточное.

Стремясь понять природу зла и психологию человека, ставшего его орудием, Стайрон ссылается на мнение французского философа и религиозного мыслителя, участницы движения Сопротивления Симоны Вейль (1909–1945) [4]: «Надуманное зло романтично и многообразно, тогда как подлинное зло – мрачно, однотонно, уныло, нудно» [1, 204]. Стайрон акцентирует внимание на том, что Хесс не был не только садистом, но даже просто жестоким человеком. Он был исполнительным и самолюбивым чиновником, одержимым чувством долга, убежденным в том, что служит Третьему рейху и своему народу: «Это был своего рода служебный механизм с вакуумом вместо морали, из которого было высосано все, <...> потому-то чудовищные преступления, которые Хесс ежедневно совершал, часто выглядят в его описаниях чем-то не имеющим отношения или причастности ко злу <...>. А ведь этот робот <...> был воспитан в христианской вере, <...> и угрызения совести, даже раскаяние время от времени нападали на него <...>, вот эта-то уязвимость, что-то человеческое, появляющееся в неумолимом и послушном роботе, делает его мемуары столь поразительными, столь страшными и поучительными» [1, 204].

Осветив вкратце основные вехи биографии Хесса до его появления в Освенциме, Стайрон упоминает еще об одной зловещей фигуре – Адольфе Эйхмане [4], сотруднике гестапо, непосредственном начальнике Хесса. Именно тандемом Эйхман–Хесс был апробирован новый способ уничтожения узников концлагерей – использование паров «циклона-Б» [5]: «В 1941 году еврейская проблема стала вызывать у Эйхмана все больше раздражения –

не только из-за огромности предстоящей задачи, но и из-за чисто практических трудностей, связанных с «окончательным решением проблемы». <...> Делу помог Хесс, который, наблюдая на крысах и прочих паразитах действие паров кристаллического гидроцианида <...> предложил Эйхману производить ликвидации с помощью этого газа...» [1, 206]. Опираясь на записки Хесса, Стайрон перечисляет и иные его «заслуги»: применение миниатюрных минных полей за воротами лагеря, пропущенный через проволочные заграждения ток, появление в лагерях свирепых собак-сторожей. Таким образом, писатель не выражает сомнений в том, что Хесс действительно был изобретателен и деятелен в своем стремлении «служить рейху», он «надолго оставил след в истории, произведя существенные изменения в концепции массовых убийств» [1, 207].

Обширные цитаты из «Воспоминаний» Хесса позволяют Стайрону представить психологию преступника, убежденного в своей правоте: «...бывший обер-штурмбанфюрер пишет и пишет, оправдывая свои скотские дела тем, что они осуществлялись по приказу бесчувственных властей, по долгу службы, из слепого повиновения» [1, 208]. Цитируя фрагмент «Воспоминаний», где Хесс отдает приказ силой отправить в газовую камеру двух увлекшихся игрой детей и описывает испытанные при этом эмоции, Стайрон вводит комментарий Х. Арндт [6]: «Проблема состояла в том, чтобы совладать не столько со своей совестью, сколько с животной жалостью <...>. При этом пускался в ход трюк ... очень простой и, видимо, очень эффективный – перевернуть эти чувства и направить их на себя. Таким образом, вместо того, чтобы говорить: «Какие ужасы я творил с людьми», убийцы могли сказать: «Какие ужасы мне пришлось наблюдать при исполнении моих обязанностей, до чего же тяжкое бремя лежало у меня на плечах!» [1, 210].

Все эти весьма важные размышления и цитаты чуть позже послужат мотивировкой поступков и речей Хесса, когда от документального текста Стайрон перейдет к художественному.

Внимательное чтение рукописи Хесса позволяет утверждать, что рассказ Софи о времени, проведенном в Освенциме, по большей части основан на материале «Воспоминаний» начальника концлагеря. Рассказ героини Стайрона о жизни и работе в доме Хесса подчас едва ли не слово в слово повторяет текст самого коменданта лагеря.

Благодаря свободному владению польским и немецким языками, навыками стенографии, а также стечению обстоятельств героиня романа Стайрона некоторое время была секретаршей коменданта лагеря. На вопрос Хесса о том, как она оказалась в его доме, Софи отвечает дважды: сначала она пытается объяснить, что попала в лагерь по ошибке (как она долго считает), потом, чувствуя раздражение коменданта, рассказывает, что в бараке ее пыталась изнасиловать младшая надзирательница блока, бывшая до лагеря, как и многие ей подобные, проституткой, а старшая не только защитила Софи, но и помогла устроиться в машинописное бюро. Эта история напоминает рассуждения Хесса о том, что среди надзирательниц были те, кто по-своему сочувствовал заключенным: «хорошие женщины, достойные доверия и весьма порядочные <...>. Излишне подчеркивать, что в таких условиях и в таком окружении они страдали, но вырваться из всего этого они не могли, потому что были военнообязанными» [3].

По всей вероятности, Стайрон был введен в заблуждение этими строками рукописи Хесса, так как иные документальные источники свидетельствуют о том, что никто из надзирательниц не отличался человечностью. Тем не менее, опираясь на рассказ Хесса, Стайрон продуцирует данный сюжетный ход.

«В условиях лишения свободы люди ведут себя иначе, более странно» [1, 377], – замечает Хесс в романе Стайрона, что нисколько не противоречит послевоенным размышлениям бывшего коменданта, в «Воспоминаниях» уделившего немало места рассказу о том, что ему довелось наблюдать. Отстранившись от реальности ежеминутно творимого им зла, Хесс приводит примеры взаимоисключающих поступков разных людей. Эта мысль, правда, уже вполне доступно мотивированная, будет развита Софи, когда она попытается по-своему объ-

яснить Стинго, что происходило в Освенциме: «Люди по-разному вели себя в лагере: одни как трусы и эгоисты, другие – мужественно и красиво, все по-разному. Все. Но это было такое страшное место, этот Освенцим <...>, нацисты – они были убийцы, а если не убивали, то превращали людей в больных животных, так что если люди делали что-то не такое благородное или даже поступали как животные, это надо понимать; можно ненавидеть их за это, но в то же время жалеть, потому что ты понимал: ты тоже можешь поступить как животный» [1, 395–396]. Так устами Софи Стайрон словно отвечает Хессу, намеренно забывающему о том, как он и ему подобные планомерно уничтожали человеческое в человеке.

Однако взвалить всю ответственность за произошедшее на одного лишь Хесса не входит в намерения Стайрона, так как такой примитивный ход не только не помог бы прояснению причин функционирования концлагерей, но и послужил бы поддержкой мифа о том, что лишь на небольшой группе нацистов держалась вся система Освенцима. В связи с этим представляется необходимым в дальнейшем, следуя за Стайроном, пристальнее взглянуть в рабочий механизм концлагеря и тех, кто приводил его в движение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Стайрон Уильям*. Выбор Софи: роман / пер. с англ. Т. Кудрявцевой. СПб., 1993.
2. В настоящее время цифры и некоторые факты из «Воспоминаний» Хесса не считаются достоверными, так как на их автора в пору создания данного документа оказывалось давление на допросах. Тем не менее, существуют и другие свидетельства, не опровергающие суть того, что происходило за колючей проволокой. Самое красноречивое из них – существование музея под открытым небом на территории бывшего концлагеря. Помимо этого известен так называемый «Альбом Аушвиц» – визуальное свидетельство массового уничтожения евреев в лагере «Аушвиц-Биркенау»: фотографии, сделанные эсэсовцами в конце весны – начале лета 1944 года // Режим доступа: http://www1.yadvashem.org/yv/ru/exhibitions/album_aushwitz/content1.html.
3. В русском переводе: «Воспоминания Рудольфа Хесса» // Освенцим глазами СС. – Освенцим, 1975 // Режим доступа: http://www.jhistory.nfurman.com/shoa/osvencim003_01.
4. Стайрон называет лишь имя С. Вейль (так же как имена других мыслителей, чьи книги помогли ему приблизиться к постижению произошедшей в Европе трагедии), заставляя таким образом несведущего, но желающего получить дополнительную информацию читателя заняться самостоятельными розысками.
5. После окончания войны Эйхману удалось бежать в Аргентину, однако в 1958 г. он был похищен израильской разведкой «Моссад» и передан полиции в Иерусалиме, в 1962 г. был обвинен в преступлениях против еврейского народа, в преступлениях против человечества, в принадлежности к преступным организациям и казнен.
6. «Циклон-Б» или цианистый водород – один из самых быстродействующих ядов, использовался по большей части для борьбы с вредителями и производился в первой половине 1940-х гг. концерном «И. Г. Фарбениндустри» в так называемом «Аушвице III».
7. Ханна Арендт (1906–1975) – немецко-американский философ, историк, политолог, основоположник теории тоталитаризма. Одна из ее работ была написана по итогам процесса над Эйхманом: *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*, 1963 (русский перевод: *Арендт Х. Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме*. М., 2008).

Окончание следует

Шунейко А. А., Авдеенко И. А.

**ВТЯГИВАНИЕ УЧАСТНИКОВ КАК ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ СЦЕНАРИЕВ
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ**

Шунейко А. А., Авдеенко И. А.
A. A. Shuneyko, I. A. Avdeenko

**ВТЯГИВАНИЕ УЧАСТНИКОВ КАК ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ СЦЕНАРИЕВ
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ**

**PARTICIPANT RETRACTION AS A STAGE OF THE PROCESS
OF IMPLEMENTATION OF SCENARIOS
OF INFORMATION/COMMUNICATION EVENTS**

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8-4217-52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Mr. Alexandre A. Shuneyko – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Linguistics and Intercultural Communication, of Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin avenue; +7 (4217)-529818. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Авдеенко Иван Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17. E-mail: iavdeenko@mail.ru.

Mr. Ivan A. Avdeenko – PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Russian Language Studies, the Amur Humanitarian and Pedagogical State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 17, Kirov street. E-mail: iavdeenko@mail.ru.

Аннотация. Общая природа втягивания у всех сценариев одина. Особые условия информационного пространства присоединяются к функциям объектов, способных к коммуницированию. На этом этапе состояние информационного пространства, обусловленное его самоорганизацией, смыкается с состоянием коммуникативного пространства, соотношением конкретных действующих лиц, обусловленным внешними причинами. На эту общую природу накладываются особенности каждого сценария.

Summary. All scenarios have the same nature of retraction. The special conditions of the information space do affiliate with the functions of communicative objects. At this stage the state of the information space, subject to its self-organization, links up with the state of the communication space, by particular actors' correlation determined by external reasons. This common nature serves as a background for every scenario characteristics.

Ключевые слова: сценарии информационно-коммуникативных событий, втягивание, участник, информационное пространство, коммуникативное пространство.

Key words: information-communicative event scenarios, retraction, participant, information field, communicative space.

УДК: 804.0:801.1

До сего момента, характеризуя сценарии информационно-коммуникативных событий [1 – 4], мы обращали внимание на их сущностные, атрибутивные свойства. Теперь же переходим к описанию динамических механизмов их развертывания.

Первым этапом реализации любого сценария является возникновение его предпосылок и информационной основы для его протекания. Но в рамках журнальной статьи описать эти процессы не представляется возможным. По этой причине мы переходим ко второму этапу – втягиванию участников в процесс реализации сценария.

Общая природа втягивания у всех сценариев едина. Особые условия информационного пространства присоединяются к функциям объектов, способных к коммуницированию. На этом этапе состояние информационного пространства, обусловленное его самоорганизацией, смыкается с состоянием коммуникативного пространства, соотношением конкретных действующих лиц, обусловленным внешними причинами. На эту общую природу накладываются особенности каждого сценария.

У информационного пространства в любой момент есть некоторое состояние, сложившееся в результате процессов самоорганизации, а у объекта, способного к коммуницированию, есть определенные свойства. Присоединение одного к другому может осуществляться как на основе взаимного соответствия состояния информационного пространства и свойств коммуникатора (функционеру делегируются полномочия отразить, выявить, эксплицировать это состояние), так и на основе однонаправленного импульса, исходящего от информационного пространства к человеку, свойства которого нерелевантны состоянию информационного пространства. Последнее осуществляется, когда во взаимодействии информационного и коммуникативного пространств возникает дефицит функционеров (например, вопрос предстоит задавать человеку, не наделенному свойством задавать вопросы) либо когда активизируются незанятые функционеры (например, вопрос возникает в силу исключительного любопытства).

В реальных типологических реализациях сказанное выше выглядит следующим образом.

Сценарий допроса

Втягивание потенциального инициатора в сценарий осуществляется за счет попадания в его сознание продуцируемого информационным пространством импульса, который обращается в мысль: «Мне необходимо это узнать». Будущий инициатор ощущает желание или осознает необходимость получить информацию с учетом личных и/или групповых информационных приоритетов (от «Как готовят рыбу под маринадом?» до «Как произошло сотворение мира?»), воспринимает себя в качестве человека, которому что-то интересно. Он чувствует дискомфорт от недостатка информации и факта ее неравномерного распространения, отсутствия четких указаний на возможность восполнения. Этот дискомфорт выражается в том, что у него увеличивается степень тревожности, он пытается что-то искать, задавать смутные вопросы («Ну и что теперь?», «Ну и что это такое?», «Это как?», «Что дальше?», «Почему?» и т.д.) себе и любым окружающим его объектам. Одновременно для него актуализируются и так называемые вечные вопросы. Его состояние напоминает состояние заблудившегося в лесу ребенка, который не знает, в какую сторону и сколько идти. В сознании втягиваемого человека возникают речевые формулы. Кроме упомянутых выше смутных вопросов, к таким формулам относятся утверждения о существовании искомой информации и необходимости ее получить («Ну кто-то же знает», «Я всё равно узнаю», «Меня не проведешь» и т.д.).

Неудовлетворенность состоянием коммуникативного пространства приводит к более внимательному отношению к нему и к страху неопределенности. Это проявляется в том, что втягиваемый человек присматривается, прислушивается, принюхивается к людям, хаотично концентрирует свое внимание на второстепенных фактах, несущественных деталях, пытается развезать морок неопределенности.

Сценарий отчета

Втягивание потенциального инициатора в сценарий осуществляется за счет попадания в его сознание продуцируемого информационным пространством импульса, который обращается в мысль: «Мне необходимо об этом рассказать». Потенциальный инициатор ощущает желание или осознает необходимость сообщить информацию с учетом личных и/или групповых информационных приоритетов (от шепнуть на ухо соседу до размещения скандальной информации в Интернете), воспринимает себя в качестве человека, которому есть что сказать.

Он чувствует дискомфорт от переизбытка информации, сосредоточенности её в собственном сознании. Этот дискомфорт выражается в неосознаваемом продуцировании смутных семиотических форм (рисование ежиков на листе бумаги, составление планов романа-эпопеи или разговоров с близкими, сочинение заголовков монографий, набросков выступле-

Шунейко А. А., Авдеенко И. А.

ВТЯГИВАНИЕ УЧАСТНИКОВ КАК ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ СЦЕНАРИЕВ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ

ний перед всем миром). Его состояние напоминает состояние переполненного воздушного шара, который вот-вот лопнет.

В сознании втягиваемого человека возникают речевые формулы: «Вот я всем скажу!», «Вот все меня как услышат!», «Всем покажу, что знаю!», «Скорее бы уже сказать!», «Не могу молчать» и т.п. Неудовлетворенность состоянием коммуникативного пространства приводит к стремлению найти слушателя, которое реализуется в постоянном поиске аудитории. Это проявляется в том, что человек ищет реальных или потенциальных слушателей, возможности контакта с ними.

Сценарий миротворчества

Втягивание потенциального инициатора в сценарий осуществляется за счет попадания в его сознание продуцируемого информационным пространством импульса, который обращается в мысль: «Мне необходимо погасить конфликт». Потенциальный инициатор ощущает желание или осознает необходимость урегулировать спорную ситуацию с учетом личных и/или групповых приоритетов (от желания разнять дерущихся котов до желания сгладить межгосударственные противоречия), воспринимает себя в качестве человека, который может всех примирить.

Он чувствует дискомфорт от столкновений различных интересов, мнений, интенций. Этот дискомфорт выражается в недовольстве несочетающимися объектами, противоречащими высказываниями («А что они то так, то эдак!»), но при этом человек не пытается убрать лишнее, а воспринимает всё как нужное и стремится все оставить и согласовать. Его состояние напоминает состояние маятника, качающегося из стороны в сторону без возможности остановки движения.

В сознании втягиваемого человека возникают речевые формулы: «Как всё упаковать?», «Как бы их всех помирить?», «Как бы сделать так, чтоб не ссорились?», «Что вам в мире и согласии не живется?» и т.п. Неудовлетворенность состоянием коммуникативного пространства приводит к неосознаваемому стремлению разнимать и согласовывать. Это проявляется в том, что он ищет основу единства (все люди братья, всякая еда полезна, все идеи по-своему хороши).

Сценарий провокации

Втягивание потенциального инициатора в сценарий осуществляется за счет попадания в его сознание продуцируемого информационным пространством импульса, который обращается в мысль: «Мне необходимо, чтобы кто-то это сделал». Будущий инициатор ощущает желание или осознает необходимость подтолкнуть кого-либо к чему-либо с учетом личных и/или групповых приоритетов (от сходи погуляй до иди и убей), воспринимает себя в качестве человека, который может и имеет право управлять.

Втягиваемый в сценарий человек чувствует дискомфорт от отсутствия действий, тишины и покоя. Этот дискомфорт выражается в выстраивании планов по манипулированию, причем на данном этапе в качестве марионетки может выступать не только человек, но и животное или предмет («Вот заведу себе длинношерстную собаку: она и будет полы подметать»). Его состояние напоминает состояние капкана, который своим видом подталкивает к внешне безобидным действиям.

В сознании втягиваемого человека возникают речевые формулы: «Да куда ты денешься!», «Всё будет по-моему», «Как захочу, так и устрою» и т.п. Неудовлетворенность состоянием коммуникативного пространства приводит к восприятию тех, кто в нем находится, в качестве аморфной, но нуждающейся в управлении массы. Это проявляется в том, что потенциальный инициатор стремится всё заставить двигаться по его желанию, хотя и в малопонятном для него направлении (урны пинать, пихать прохожих, звать всех за собой в неизвестном направлении с непонятной целью).

Сценарий самонавязывания

Втягивание потенциального инициатора в сценарий осуществляется за счет попадания в его сознание продуцируемого информационным пространством импульса, который обращается

ется в мысль «Мне необходимо быть в центре внимания». Потенциальный инициатор ощущает желание или осознает необходимость сосредоточить внимание на себе с учетом личных и/или групповых приоритетов (от желания понравиться конкретному человеку до потребности быть всеобщим любимцем), воспринимает себя в качестве человека, которого недооценили.

Он чувствует дискомфорт от недостатка внимания к себе или его рассредоточенности в отношении других объектов. Этот дискомфорт выражается в подавленности, околodeпрессивном ощущении ненужности. Его состояние напоминает состояние банкноты высокого достоинства в стране, где ходит другая валюта. В сознании втягиваемого человека возникают речевые формулы: «Никто не видит моих достоинств», «Меня не ценят», «Я очень интересный человек», «Я на многое способен», «Я лучший», «Я так могу рассказывать, что заслушаешься» и т.п.

Неудовлетворенность состоянием коммуникативного пространства приводит к неосознанным попыткам саморекламы, стандартным и нестандартным. Это проявляется в том, что человек старается казаться в чем-то абсолютно выдающимся (всюду ходить босиком, использовать особые жесты, уместно и неуместно шутить или умничать), вклиниваться в разговор по поводу и без такового. При этом желание самоутвердиться в качестве носителя выдающихся признаков ориентировано на ценности группы, в которой осуществляется коммуникация, и не обязательно соотносится с общепринятыми ценностями.

Сценарий отпугивания

Втягивание потенциального инициатора в сценарий осуществляется за счет попадания в его сознание продуцируемого информационным пространством импульса, который обращается в мысль «Мне необходимо временно удалить другого участника из коммуникативной ситуации». Инициатор ощущает желание или осознает необходимость создать о себе крайне негативное, отталкивающее впечатление с учетом личных и/или групповых информационных приоритетов (от серого волка на детском празднике до кровожадного маньяка с бензопилой), воспринимает себя в качестве человека, наделенного силой устрашения.

Он чувствует дискомфорт от присутствия в коммуникативной ситуации какого-либо лица или лиц. Этот дискомфорт выражается в проявлениях неприязни и произвольной демонстрации черт, которые могут быть неприемлемы для него или их. Его состояние напоминает состояние огородного пугала, которое само себя установило.

В сознании втягиваемого человека возникают речевые формулы: «Вот сейчас как выкину штуку, вытворю такое!», «Пусть вам будет противно», «Уж я-то умею гадости делать» и т.п. Неудовлетворенность состоянием коммуникативного пространства приводит к принятию потенциальным инициатором противоположных его нормам черт. Это проявляется в том, что он выпячивает свои негативные признаки или приписывает их себе.

Сценарий состязания

Втягивание потенциального инициатора в сценарий осуществляется за счет попадания в его сознание продуцируемого информационным пространством импульса, который обращается в мысль: «Я заслуживаю большего». Потенциальный инициатор ощущает желание или осознает необходимость повысить свой статус в той или иной иерархии с учетом личных и/или групповых приоритетов (от «мое место на лавке в центре» до «хочу быть президентом президентов»), воспринимает себя в качестве человека, который должен занять более значительное положение.

Он чувствует дискомфорт от своего нынешнего состояния. Этот дискомфорт выражается в неосознаваемых действиях, связанных с внешним приобщением к более высокому статусу (сесть в кресло начальника, поговорить с коллегой свысока, мысленно оценить начальника как холопа, дать фантастические чаевые). Его состояние напоминает состояние кухарки, которая хочет управлять институтом.

В сознании втягиваемого человека возникают речевые формулы: «Я буду главным», «Вы все подо мною будете», «Только я могу сделать это как надо» и т.п. Неудовлетворенность состоянием коммуникативного пространства приводит к приданию себе импульса ре-

ального или мнимого развития. Это проявляется в стремлении к действительным или воображаемым попыткам самообразования и тренировок.

Сценарий подчинения

Втягивание потенциального инициатора в сценарий осуществляется за счет попадания в его сознание продуцируемого информационным пространством импульса, который обращается в мысль «Подчиненным, незаметным быть лучше». Потенциальный инициатор ощущает дискомфорт от высоты своего места в какой-либо иерархии, отрицательные моменты своего положения и транслирует свое состояние другим участникам иерархии в виде мыслительных импульсов, в едва уловимых особенностях своего поведения, в скрытых, косвенных и размытых смыслах высказываний. Следует подчеркнуть, что открытые заявления: «Я устал», «Я от вас уйду», «Мне всё это не надо», «Я лучше в баре блядам буду подавать ананасовую воду» (В. В. Маяковский) означают не начало сценария подчинения, а вербализацию сценария самонавязывания.

Состояние потенциального инициатора напоминает состояние мыши, которая стремится спрятаться в нору. В сознании втягиваемого человека возникают речевые формулы: «Лучше играть вторую роль», «Меньше забот – меньше хлопот», «Без ответственности легче живется» и т.п.

Неудовлетворенность состоянием коммуникативного пространства приводит к неосознанному стремлению внешне понизить свой статус. Это проявляется в навязчивом желании избежать выполнения своих функций, сторониться всех, отдыхать.

Сценарий создания

Втягивание потенциального инициатора в сценарий осуществляется за счет попадания в его сознание продуцируемого информационным пространством импульса, который обращается в мысли: «Не так мы живём, не тем занимаемся», «В сущности, мир какой-то другой, потому что таким, какой он нам представлен, он быть не может». Будущий инициатор ощущает желание или осознает необходимость создать нечто абсолютно новое с учетом личных и/или групповых приоритетов (от соорудить перелетный кабак до сотворить новый мир), воспринимает себя в качестве пророка.

Потенциальный инициатор ощущает дискомфорт от состояния коммуникативного пространства, отрицательных моментов существования в нём и транслирует свое состояние всем окружающим в виде мыслительных импульсов, в аномальных, непонятных самому себе особенностях своего поведения (резких перепадах настроения, переходах от заторможенности к гиперактивности, несвойственных поступках, неожиданных для себя словах, говорении не впопад и т.д.), в часто бессмысленных или внеконтекстных высказываниях. Вовлекаясь в контакт с нестабильной сущностью, он сам становится нестабильным. С ним происходит примерно то же, что с человеком, который вот-вот прикоснется к высоковольтному оголенному проводу.

Неудовлетворенность стереотипами коммуникативного пространства приводит к отторжению, обособлению потенциального инициатора от него. Процесс усиливается отторжением потенциального инициатора со стороны самого коммуникативного пространства. Это проявляется, с одной стороны, в непонимании того, что происходит вокруг, в потере общего языка, в эмоциональном диссонансе с окружением со стороны потенциального инициатора; а с другой – в некоторой настороженности со стороны окружения, хотя коммуникативное пространство может и игнорировать состояние потенциального инициатора. В отличие от сценария отпугивания это обособление касается не только внешнего, но и внутреннего состояния. В своей совокупности два этих процесса приводят к тому, что потенциальный инициатор временами выпадает из коммуникативного пространства, что может укреплять его взаимодействие с информационным пространством. Выпадение знаменуется тем, что проявления коммуникативного пространства отсекаются от потенциального инициатора, он уходит в неконтролируемый медитативный транс, усиливающий втягивание, периодически теряет память. Потеря памяти лишает инициатора еще части представлений о стереотипной картине мира. Результатом этих процессов становится образ человека не от мира сего, не свойствен-

ный человеку изначально, а обусловленный сценарием. Вся совокупность этих процессов приводит к порабощению потенциального инициатора зарождающейся темой.

Сценарий уничтожения

Втягивание потенциального инициатора в сценарий осуществляется за счет попадания в его сознание продуцируемого информационным пространством импульса, который обращается в мысли: «Что-то много всего», «В мире есть что-то лишнее», «Мне и всем вокруг меня что-то мешает жить самим фактом своего существования». Будущий инициатор ощущает желание или осознает необходимость устранить лишнее с учетом личных и/или групповых приоритетов (от стереть пыль со стола до погасить звезду), воспринимает себя в качестве человека, который наводит порядок.

Потенциальный инициатор ощущает дискомфорт от состояния коммуникативного пространства, в котором часто говорят о том, что ему попадает на глаза и что его раздражает и бесит. Это раздражение начинает выражаться в симптоматике неосознанного разрушения (неконтролируемые хватательно-метательные движения, шарящий взгляд, прерывание разговоров на полуслове, общеагрессивные интонации, хаотичное выкидывание или раздавание каких-либо предметов, озадачивание окружающих странными вопросами, ответы на которые его в любом случае еще более раздражают, непоследовательность действий, истерическое прекращение любой деятельности в случае, если он натывается на действительное или мнимое препятствие, гипертрофированное видение недостатков во всём, что его окружает, дублирование ранее начатой деятельности, попытки обходиться без чего-либо (без вилки, без соли, без ужина, без зонтика)).

Его состояние напоминает состояние человека, которому приходится жить в захлапленном помещении. В сознании потенциального инициатора возникают речевые формулы, проявляющие виновных, типа: «Это всё коммуняки», «Если водка мешает работать, ну её к чёрту, такую работу», «В России две беды, и одна из них строит другую». Он придирается к звучанию и характеру использования слов (Что за имя такое – «Скотт»? «Райсобес» – надо же было такое придумать! «Врач» – не то «враль», не то «грач»), в том числе воспроизводя устойчивые выражения: «Хорошее дело браком не назовут».

Неудовлетворенность коммуникативным пространством приводит к концентрации потенциального инициатора на определенных его сегментах. С одной стороны, актуализируется непонимание того, что происходит вокруг, теряется общий язык, возникает эмоциональный диссонанс с окружением со стороны потенциального инициатора, он избегает отдельных людей, мест, времени, ситуаций по непонятным ему причинам; с другой – появляется настороженное внимание к потенциальному инициатору со стороны коммуникативного пространства, хотя оно может и игнорировать его. Взаимная концентрация совмещается с постоянным поиском информации, который удерживает потенциального инициатора в коммуникативном пространстве, но поскольку он не знает ещё, что ищет, информация смешивается и частично выпадает из памяти, разрушая представления о взаимосвязанности элементов мира. Хаотический сбор информации приводит к увеличению информационного шума, который мешает инициатору отличать важное от второстепенного. Вся совокупность этих процессов приводит к порабощению потенциального инициатора стремлением к стиранию. Он хочет вырваться из замкнутого круга и видит путь только в том, чтобы что-то убрать. Возникающие сложности он объединяет в формуле: «Как я устал!».

Сценарий эксперимента

Втягивание потенциального инициатора в сценарий осуществляется за счет попадания в его сознание продуцируемого информационным пространством импульса, который обращается в мысль: «А что произойдет, если...». Будущий инициатор ощущает желание или осознает необходимость создать особые условия для существования каких-либо объектов с учетом личных и/или групповых приоритетов (от попыток насыпать в кофе соль вместо сахара до желания привить себе опасное заболевание), воспринимает себя в качестве человека, который хочет выяснить то, как измененные условия существования повлияют на объект.

Потенциальный инициатор чувствует дискомфорт от того, что всё кажется ясным и понятным, строго определенным, подчиненным заранее заданным и исчисленным правилам.

Шунейко А. А., Авдеенко И. А.

ВТЯГИВАНИЕ УЧАСТНИКОВ КАК ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ СЦЕНАРИЕВ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ

Этот дискомфорт выражается в желании проникнуть во внутреннее устройство предметов: разобрать, разломать, развинтить, проанализировать, в желании совместить разнородные объекты, дистанцировать однородные, деформировать или расчлнить монолитный объект и т.д. Его состояние напоминает состояние ребенка, впервые открывающего для себя мир. В сознании втягиваемого человека возникают речевые формулы: «Интересно...», «Сколько стоит килограмм воздуха?», «Скучно живем!», «А попробую-ка я...» и т.п.

Неудовлетворенность состоянием коммуникативного пространства приводит к неосознаваемому неформатному взаимодействию с объектами, представленными в нем. Это проявляется в том, что потенциальный инициатор стремится смотреть сквозь внешние формы и перетасовывать различные сегменты информации в произвольном порядке, а также спонтанно эпизодически реализует эту потребность.

Сценарий мимикрии

Втягивание потенциального инициатора в сценарий осуществляется за счет попадания в его сознание продуцируемого информационным пространством импульса, который обращается в мысль: «В любую форму можно вложить любое содержание». Инициатор ощущает желание или осознает необходимость подменить формальные и содержательные характеристики выражения с учетом личных и/или групповых приоритетов (от использования книги для хранения денег до глобальной дезинформации), воспринимает себя в качестве человека, которому есть что скрыть или сделать непонятным для других.

Он чувствует дискомфорт от того, что формы объектов слишком явно указывают на их содержание и наоборот. Этот дискомфорт выражается в желании подменять сущности, функции, смыслы или скрывать одно под маской другого. Его состояние напоминает состояние декоратора, искажающего облик внешних объектов, или хамелеона, искажающего собственный облик. В сознании втягиваемого человека возникают речевые формулы: «Это не должно выглядеть тем, чем является», «Нельзя показывать настоящее», «Надо утаить действительное», «А вот я их всех обману», «Никто ни о чем не догадается» и т.п.

Неудовлетворенность состоянием коммуникативного пространства приводит к неосознанному желанию трансформировать до неузнаваемости его подконтрольные сегменты. Это проявляется в том, что потенциальный инициатор сам стремится выглядеть иначе, по сравнению со своей подлинной коммуникативной сущностью, и делает произвольные попытки изменить облик окружающих и среды.

В заключение нужно отметить, что каждый нормальный человек постоянно меняет свое состояние в зависимости от того, в какой сценарий он втягивается. Если он втягивается в несколько сценариев одновременно, он впадает в состояние транса. Зная перечисленные выше характеристики процесса втягивания в каждый сценарий, человек получает возможность более адекватно соотносить свое состояние с состоянием коммуникативного пространства и регулировать свое поведение в локальных или глобальных ситуациях, в том числе принимать решения относительно того, становиться реальным инициатором сценария или отказаться от этого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шунейко, А. А. Сценарии информационно-коммуникативных событий (общее определение) / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № I-2 (1). – С. 58 – 64.
2. Шунейко, А. А. Целевые установки сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № II-2 (2). – С. 86 – 98.
3. Шунейко, А. А. Предпосылки реализации сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № III-2 (3). – С. 93 – 97.
4. Шунейко, А. А. Участники сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № IV-2 (4). – С. 93 – 97.

Шушарина Г. А.
G. A. Shusharina

ЭКСПЛИКАЦИЯ АВТОРСКОЙ ОЦЕНКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ИСТОЧНИКОВ «TIME» и «THE NEW-YORK TIMES»)

EXPLICATION OF THE AUTHOR'S JUDGEMENT AND EVALUATION IN MASS MEDIA («TIME» AND «THE NEW-YORK TIMES»)

Шушарина Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, зав. кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 9, кв. 57. E-mail: sshusharin@kmscom.ru.
Ms. Galina A. Shusharina – PhD in Philology, Head of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Komsomolsk-on-Amur Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); Komsomolsk-on-Amur, pr. Lenina 9 - 57. E-mail: sshusharin@kmscom.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные способы экспликации авторской оценки конфликта в генералитете США. Материалом исследования послужили авторитетные информационные источники. В результате анализа установлено, что авторы статей широко используют такие средства выражения оценки, как игра слов, образные средства языка и др.

Summary. The article deals with the most frequently used ways of expressing journalists' judgments or evaluations concerning the infamous conflict in the US generalship. The analysis is based on the reports published in popular mass media resources such as 'Time' and 'The New-York Times'. It was revealed that the journalists use play on words, tropes and other means to evaluate the above-mentioned conflict.

Ключевые слова: оценка, кредитность оценки, ирония, метафора, дискурсивное образование.

Key words: judgment, evaluation, credibility of evaluation, irony, metaphor, discourse formation.

УДК 81 (075)

В настоящее время выделяют три главных параметра современной лингвистики, к которым относятся экспансионизм, антропоцентризм и экспланаторность. Ученые в конкретных исследованиях тех или иных аспектов языка сознательно или интуитивно следуют указанным установкам. Так, экспансионизм (стремление как можно больше расширить область исследования) характеризует лингвистику как междисциплинарную науку. Экспансионизм обнаруживается в признании того, что для адекватного познания языка необходимы выходы в другие науки: философию, психологию, культурологию, эстетику и др. В силу этого экспансионизм тесно связан с такой характеристикой современной лингвистики, как экспланаторность, которая заключается в стремлении найти каждому языковому явлению разумное объяснение [6, 14]. Подобные параметры были бы невозможны и непродуктивны, если бы научные дисциплины не объединяла глубинная основа – общий человеческий фактор. Антропоцентризм – это веяние нового времени, осознавшего, что вопросы, которые ставятся перед человеком в любой сфере жизнедеятельности, не имеют ответов, если искать их в стороне, отвернувшись от самого человека.

Среди основных понятий в контексте антропоцентричности современной лингвистики, по мнению Е. Ф. Серебренниковой, можно назвать такие, как «универсум, универсум человека и универсум языка, картина мира, жизненный мир человека, а также дискурс / текст и субъективность» [9, 8]. Указанные феномены имеют глубинное оценочное измерение, исходя

Шушарина Г. А.

ЭКСПЛИКАЦИЯ АВТОРСКОЙ ОЦЕНКИ

(НА МАТЕРИАЛЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ИСТОЧНИКОВ «TIME» и «THE NEW-YORK TIMES»)

из их «человеческого» происхождения и порождения» [9, 8]. На протяжении жизни человек находится в вечном поиске доказательств соответствия своих потребностей тем ценностям, которые приняты в обществе.

О степени разработки понятия «ценность» свидетельствуют существующие многочисленные определения самого термина «ценность», а также разнообразие типологий ценностей.

Среди ценностей человеческого опыта фигурируют ценности государственно-политические, историко-культурные, коммунитарные, природные, научно-когнитивные, персоналистские, религиозные, социально-стратификационные, художественно-эстетические, экономические, этические, этнические [9]. Е. Ф. Серебренникова дополняет данный список лингвистическими ценностями: «при посредстве языка говорящий субъект и сам ориентируется в мире своих ценностей, и ориентирует других субъектов, оказывая регулирующее влияние на их последующие состояния и действия» [9, 20]. Исследователь представляет целесообразным говорить об аксиологически ориентированной лингвистике. Данный термин позволяет определять «параметры, методологии и технологии в изучении содержания внутреннего мира языковой (дискурсивной) личности, ценностных ориентаций личности и общества по данным языка, а точнее – человека говорящего, создающего дискурсивный мир в соотношении с Миром, Другими и самим собой в этом мире» [9, 20].

Для лингвистической аксиологии представляется необходимым рассмотреть понятие «оценивание», под которым понимается освоение мира *homo verbo agens* «как его, присвоение и усвоение, т.е. такое вписывание, введение, подведение, вхождение воспринимаемого / осознаваемого в «сетку» опыта субъекта и его «жизненное пространство», которое неотвратимо влечет за собой его интерпретацию по шкале значимости в Я-системе человека» [9, 42]. Проявленным актом оценивания является некоторая оценка, феноменология которой определяется дискурсом и в дискурсе.

По мнению Н. Я. Арутюновой, аксиологические значения представлены в языке двумя основными типами: «общеоценочным и частнооценочным» [1, 198]. Первая группа представлена прилагательными «хороший» и «плохой» и их синонимами с разными стилистическими и экспрессивными оттенками. Во вторую группу входят значения, дающие оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения. Группа частнооценочных значений обширна и разнообразна, поскольку включает несколько подгрупп оценок. В первую подгруппу входят сенсорно-вкусовые и психологические оценки. Они ориентируют человека в природной и социальной среде, способствуя достижению комфортности. Такие оценки обычно не мотивированы, они проистекают из того ощущения, которое испытывает человек, иногда даже помимо своей воли. Ко второй группе относятся эстетические и этические оценки. Указанные оценки «составляют ядро духовного начала человека» [1, 199]. Эстетические и этические оценки во многом архетипичны. Они «уже не осознаются носителями языка ... их можно обнаружить при изучении картины мира (например, «чужой - плохо», «свет - хорошо» и т.п.)» [8, 14]. Третью группу образуют утилитарные, нормативные и телеологические оценки. Данные три разряда связаны с практической деятельностью человека.

В качестве определения оценки принимаем точку зрения А. Ф. Паниной, которая считает, что оценка – это «непосредственная / опосредованная реакция говорящего (субъекта) на наблюдаемые, воображаемые, воспринимаемые органами чувств, действия, признаки, признаки признаков реальных объектов, объектов внутреннего и внешнего мира говорящего» [7, 267].

Исследователи говорят о возможности прямого или косвенного выражения оценочного отношения [9, 53]. Прямая оценка может быть выражена аксиологическими терминами, словами – операторами оценочного отношения, предикатами (хвалить, любить, ненавидеть и др.), словами – квалификаторами оценочного отношения, инвективными и аффективными, языковыми средствами номинации, идиоматическими оборотами с оценочной номинацией. Кроме того, к явной форме выражения оценочного суждения можно отнести контекстуальные дефиниции ценностных понятий или аргументирования такой дефиниции, контексты

обобщения некоторого опыта или явного формулирования кредо говорящего, контекст воззвания к безусловным ценностям путем экземплификации ценности в конкретном примере, контекст поучения, побуждения и призыва. В случае с прямым (эксплицитным) оцениванием оценка может входить в сигнификат значения. В этом случае значение репрезентирует оценочный концепт. Оценка может входить в коннотативную зону значения, в которой отражаются оценочные стереотипы денотата [8, 33].

Выделение косвенной оценки основано на том, что «любое слово, сопряженное с каким-либо устоявшимся стандартом, способно вводить неявную оценку» [9, 53]. Реализация не прямой оценки осуществляется посредством метафор, метонимии, сравнения, иронии, повторов, цитаций, аллюзий, аллегорий, «основанных на концептуальном механизме ментальной отсылки к уже осмысленному, существующему в опыте и памяти и позволяющего тем самым реализацию оценочного отношения» [9, 56].

Важнейшим свойством ценности является ее субъективный характер. Поэтому необходимо особо остановиться на понятии субъективного и объективного. Субъективное трактуется как «обозначение уникального и свободного бытия, каким обладает только человек» [4, 25]. Объективное – «типично, инертно, акцидентально по отношению к человеку» [4, 25]. Объективный параметр отражает «определенную конвенциональность системы ценностей, выработанной предыдущим опытом коллектива и народа в целом, а также предьявляемость данной системы в процессе социологизации личности. Субъективный параметр исходит из того факта, что всякое аксиологическое отношение в реальности устанавливается конкретным субъектом в конкретных условиях жизни, что отражается в различных дискурсивных образованиях» [3, 186]. В настоящей работе таким дискурсивным образованием выступают статьи на политическую тему, в которых конкретный субъект (журналист) оценивает в определенной ситуации предмет или явление, соотнося его «не с неким универсальным абсолютным воплощением моральных, социальных или эстетических ценностей, а, прежде всего, со своим собственным, более или менее совпадающим с общим пониманием ценностей, в частности, моральных, социальных или эстетических и др.» [3, 187].

Установлено, что наибольшее потенциальное воздействие на адресата, получающего информацию, оказывают авторитетные источники информации, к которым относятся знатоки-эксперты, а также те, кто предьявляет убедительные аргументы [5, 35]. В данном случае кредитность выраженной оценки основывается на статусе газеты или журнала, придаваемом им на основании широкой известности и популярности среди читателей.

Авторитет еженедельного журнала «Time» и газеты «The New York Times» достаточно высок, огромный тираж «Time» (более 3.4 млн экземпляров) свидетельствует в пользу популярности еженедельника среди граждан США, «The New York Times» является третьей по популярности газетой США и одной из влиятельнейших газет мира.

Случившийся в июне 2010 года скандал в генералитете США вызвал большой резонанс в американской прессе, которая не могла не дать оценку отставке генерала Стенли МакКристалла (Стэнли Маккристал). Рассмотрим более подробно сущностные смыслы аксиологических аспектов статей, посвященных событиям в вооруженных силах США.

Проанализированный медиаматериал на английском языке показал, что во всех статьях обсуждаются три топика. Первый топик посвящен характеристике личности самого виновника событий генерала Стенли МакКристалла и той политической линии, которую он проводил в войне в Афганистане. Второй топик касается преемника МакКристалла, которым стал генерал Петреус. В заключительной части каждой статьи анализируется политика, осуществляемая Б. Обамой. Следует указать на варьирование топиков по протяженности в структуре каждой статьи. Так, по объему представленной информации первый топик является самым кратким, тогда как второй и особенно третий топик – достаточно развернутые. На наш взгляд, это показатель имплицитной оценки того, что действительно волнует граждан США в лице журналистов – авторов анализируемых статей. Отставка печально известного генерала – это лишь повод для очередной критики действующего президента страны.

Шушарина Г. А.

ЭКСПЛИКАЦИЯ АВТОРСКОЙ ОЦЕНКИ

(НА МАТЕРИАЛЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ИСТОЧНИКОВ «TIME» и «THE NEW-YORK TIMES»)

Рассматриваемые в данной статье тексты относятся к информационно-аналитическим текстам и представляют собой расширенный вариант новостного текста, отличаясь от последнего наличием не только сообщающей, но и аналитической части. Комментирующая (аналитическая) часть содержит оценку прослеживаемого события, она «окрашивает каждодневную меняющуюся картину мира в десятки разнообразных цветов, придавая ей определенный мировоззренческий оттенок, ту или иную идеологическую модальность» [5, 122]. Именно в информационно-аналитических статьях наиболее полно выражены различия в восприятии реалий общественно-политической жизни, что выражается в различных способах интерпретации того или иного события.

В качестве иллюстрации вышеизложенной мысли Т. Г. Добросклонская предлагает информационную цепочку, состоящую из следующих звеньев (рис. 1) [5, 123].

Рис. 1. Информационная цепочка

Информационная цепочка представляет собой замкнутую окружность, поскольку каждое из звеньев играет важную роль, при этом все звенья влияют друг на друга.

Для нас особый интерес представляет интерпретация событий, так как именно на этом этапе события и персонажи, излагаемые в новостях, получают дальнейшее освещение, анализируются, обрастают мнениями и оценками, приобретая определенную идеологическую модальность. По мнению Т. Г. Добросклонской, «с помощью категории идеологической модальности из широкого спектра оценочных отношений выделяются те, которые строятся на основе определенных политических взглядов и идеологических ценностей» [5, 133].

Употребление слов и словосочетаний с оценочным значением и слов с отрицательными или положительными коннотациями довольно распространено в информационно-аналитических статьях, так как «полностью соответствует их функциональной задаче и позволяет эксплицитно выразить позицию автора по отношению к сообщаемому» [3, 134]. В анализируемых медиатекстах журналисты сравнивают двух генералов – отставного и вступившего в должность. Очевидно, что симпатии журналистов на стороне последнего. Например, в следующих отрывках генерал Петреус наделяется большим количеством положительных качеств. Так, командующий войсками в Афганистане обладает экстраординарными способностями (an extraordinary set of skills), шармом (charm), умом и сильным стремлением к успеху (intelligence and a ferocious will to succeed): *General Petraeus, 57, brings an extraordinary set of skills to his new job: a Boy Scouts charm, penetrating intelligence and a ferocious will*

to succeed. Генерал легко общается с прессой и аудиторией (*At ease with the press and the public*), он умело проводит переговоры: *At ease with the press and the public, and an adept negotiator, General Petraeus will probably distinguish himself from his predecessor with the political skills that carried him through the most difficult months of the counteroffensive in Iraq known as the surge.* Все перечисленные качества выгодно отличают назначенного генерала от его предшественника. Здесь таится скрытая оценка генерала МакКристалла, ранее занимавшего этот пост. В обществе сложилось мнение о нем, как о человеке с тяжелым характером, не обладающем политическим чутьем и не владеющем приемами политической борьбы.

Определенный интерес представляет сравнение генерала Петреуса с бойскаутом. Известно, что популярное в мире юношеское движение «скаутинг» занимается физическим, духовным и умственным развитием молодежи. Скауты живут, опираясь на три принципа: долг перед Богом, долг перед Родиной и окружающими и долг перед Собой. Сравняя 57-летнего генерала с бойскаутом, журналист, очевидно, подчеркивал юношескую веру в непоколебимость добра, веру в свои беспредельные возможности и силы на пути к добру. Нельзя не понять намек и на хорошую физическую форму генерала, тем более что далее в статье можно найти этому подтверждение: *General Petraeus prides himself on his athletic prowess. While in Iraq, he usually ran five miles six days a week, often besting the younger captains he took along with him.*

Количество языковых манифестаций ценностной картины мира чрезвычайно велико, так как в языке содержится богатая информация о системе ценностей того или иного народа. Особая роль, по мнению Т. Г. Добросклонской, в этом плане принадлежит лексико-семантическому слою, в котором выражены смысловые и ценностные параметры модели мира, определены особенности видения мира тем или иным народом. «Именно в слове, в его структурных и лексико-фразеологических связях аккумулируются особенности мировосприятия, жизненных ценностей, исторического опыта и генетической памяти того или иного языкового коллектива» [5, 184]. Подтверждение сказанному можно найти в следующем отрывке, посвященном характеристике отставного генерала Стенли МакКристалла: *McChrystal, known for his Spartan habits, had asked for trouble when he broke “standing order No. 1: no drinking”, referring to a booze-soaked evening at an Irish pub in Paris that was described in the article, during which he and some of his aides, unwound in the presence of a reporter.* Здесь отрицательный образ генерала формируется благодаря выражению *a booze-soaked*, имеющего значение «heavy drinker» (попойца) [10]. Данное выражение имеет помету «разговорный», представляется, что выбор подобного словосочетания не случаен. Именно разговорные слова в информационно-аналитических текстах способствуют созданию более ярких образов. В результате перед журналистами военный предстает как пьяница, который расслабляется (*unwound*) в пабах. Кроме того, у читателя складывается мнение о МакКристалле как о лицемере, поскольку автор статьи не случайно упомянул, что генерал славится своими спартанскими привычками, в числе которых закон № 1 «нет алкоголю».

Тональность следующего фрагмента, в котором содержится сравнение двух генералов, определяется словосочетаниями с негативными коннотациями: *While his predecessor, General McChrystal, was on icy terms with the American ambassador here, Karl W. Eikenberry, General Petraeus forged a tight bond with his civilian counterpart during the Iraqi surge.* Отрицательное отношение автора к генералу МакКристаллу и положительное мнение о генерале Петреусе подчеркивается антитезой *icy terms - a tight bond*. В левой части противопоставления содержится прилагательное *icy*, имеющее отрицательный оценочный компонент (*icy – intensely cold*) [10], в правой части антитезы прилагательное *tight* имеет сему “intimate, having a close personal or working relationship” [10].

Приведем еще несколько примеров, положительно характеризующих генерала Петреуса: *The president chose General Petraeus, a media-savvy, ambitious officer, instead of lesser-known figures who might have had more trouble stepping in to such a volatile situation. He’s certainly a brilliant military thinker*

Шушарина Г. А.

ЭКСПЛИКАЦИЯ АВТОРСКОЙ ОЦЕНКИ

(НА МАТЕРИАЛЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ИСТОЧНИКОВ «TIME» и «THE NEW-YORK TIMES»)

Убежденность автора статьи в правильном выборе президентом США нового командующего вооруженными силами в Афганистане легко прослеживается в слове «*certainly*» или в придаточном предложении «*who might have had more trouble stepping in*». Указанное придаточное предложение содержит сравнение возможных кандидатов на пост с выбранным генералом в пользу последнего. Такие стратегии сравнения имеют ярко выраженный перлюктивный эффект, в результате чего читатель начинает верить, что выбор генерала Петреуса – это единственно правильное решение администрации Белого Дома.

С выражением мнения и оценки в информационно-политических текстах связано также использование такого стилистического приема, как метафора.

Представляя собой универсальный стилистический прием, основанный на употреблении слова в непрямом значении, метафора позволяет углубить содержание медиатекста с помощью ярких образов. В информационно-политических текстах метафоры несут большую смысловую нагрузку, соединяя в себе реализацию функции воздействия на уровне языка с реализацией интерпретационной функцией массовой коммуникации. Метафора делает язык не только более экспрессивным, но и содержит имплицитно выраженную оценку, передавая отношение автора к сообщаемому. Так, в приводимом ниже отрывке ощущение общей положительной оценки создается тем, что высокое владение генералом Петреусом военным и политическим искусством сравнивается со способностью изменить природу, а именно повернуть волну в другую сторону. Это, несомненно, создает в сознании читателя образ сильного человека: *In Iraq, General Petraeus helped turn the tide not just by sending 30,000 more American troops into Baghdad, but also by fostering deals with insurgent leaders who had spent the previous four years killing Americans.*

Нельзя не отметить умело скрытую в данном контексте оценку Белому Дому. Тонкое политическое чутье генерала, способного использовать сложные комбинации в достижении своей цели (*not just by ... but also by*), противопоставляется слишком простым решениям правительства США в борьбе с террористами. Фраза *sending 30,000 more American troops into Baghdad* содержит намек на веру американского президента в то, что повстанцев, которые в течение четырех лет убивали граждан США, легко можно уничтожить дополнительными войсками. Намек относится к способам имплицитного речевого воздействия. В толковых словарях слово «намек» определяется как «слова (а также жест, поступок), предполагающие понимание по догадке». Иными словами, читатель должен сам прийти к каким-то выводам по неполным данным, по редуцированному способу языкового выражения содержания намека. «Эксплицитный комментарий автора текста превратил бы намек в обычное речевое высказывание, не несущее скрытого содержания, реализующего скрытую интенцию автора» [2, 207].

Интересен также еще один пример, связанный с выражением отношения автора к президенту. Так, иронизируя по поводу военной стратегии, проводимой в Афганистане, автор использует усилительную конструкцию с наречием *indirectly*, которое, согласно словарной статье, определяется как «*not in frank way*» [10]. Коммуникативная стратегия цитирования слов известных людей, в данном случае президента страны, основана на желании придать тексту убедительности. Интересно, что после цитаты автор медиатекста подчеркивает, что такие же слова президент уже произносил семь месяцев назад: *Mr. Obama admitted as much indirectly on Wednesday in the Rose Garden when he said: “We have a clear goal. We are going to break the Taliban’s momentum”. They were the same words he used seven months ago at West Point in announcing the surge.*

Негативная оценка действиям американских властей прочитывается в следующем отрывке: *At the moment, every aspect of the war in Afghanistan is going badly: the military’s campaign in the strategic city of Kandahar has met widespread resistance from the Afghan public; president Hamid Karzai is proving erratic and unpredictable; and the Taliban are resisting more tenaciously than ever.* Здесь гипербола, скрытая в словосочетании *every aspect of the war*, подчеркивает провал всех направлений американской политики в Афганистане, в результате которой военная кампания США встретила масштабное сопротивление жителей Афганистана и

небывалую жестокость талибов. Провальная война, проводимая предшественниками генерала Петреуса, оценивается и далее по тексту: *In Iraq, General Petraeus was called in to reverse a failed strategy put in place by previous commanders.*

Тексты массовой информации способны влиять на систему оценок и формирование общественного мнения, т.е. оказывать формирующее идеологическое воздействие на массовую аудиторию. Когнитивное освоение реальности во многом зависит от тех версий и интерпретаций, которые производятся и распространяются по каналам массовой коммуникации. Данное качество в большей степени присуще информационно-аналитическим медиатекстам, лингвистические особенности которых как в эксплицитной, так и в имплицитной формах помогают создавать устойчивые образы, содержащие позитивный или негативный оценочный компонент.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Я. Язык и мир человека / Н.Я. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика / А. Н. Баранов. – М.: Флинта; Наука, 2003.
3. Викулова, Л. Г. Аксиологические аспекты авторского и издательского предисловий (семиотрический подход) / Л. Г. Викулова, И. В. Чернигова // Этносемиотрия ценностных смыслов. – Иркутск: ИГЛУ, 2008. – С. 186-232.
4. Воробец, Л. В. Аксиология массовой культуры / Л. В. Воробец, И. И. Докучаев. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КНАГТУ», 2008.
5. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи) / Т. Г. Добросклонская. – М.: Едиториал УРСС, 2005.
6. Кубрякова, Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус / Е. С. Кубрякова // Серия литературы и языка. – 1994. – Т. 53. – № 2. – С. 3-15.
7. Папина, А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории / А. Ф. Папина. – М.: Едиториал УРСС, 2002.
8. Сергеева, Л. А. Проблемы оценочной семантики / Л. А. Сергеева. – М.: Изд-во МГОУ, 2003.
9. Серебренникова, Е. Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа / Е. Ф. Серебренникова // Этносемиотрия ценностных смыслов. – Иркутск: ИГЛУ, 2008. – С. 8-62.
10. AVBY Linguo 12. Английская версия [Электронный ресурс]. – М., 2006. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

1. The New-York Times [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.nytimes.com>
2. Time [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.time.com>

Юртайкина О. В.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМЫ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ПРЕССЕ
ДЛЯ ПОЖИЛЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ЖУРНАЛОВ)

Юртайкина О. В.

O. V. Yurtaykina

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМЫ
В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ПРЕССЕ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ЖУРНАЛОВ)**

**LINGVO-STYLISTIC PECULIARITIES OF ADVERTISING IN THE SPECIALIZED
PRESS DESIGNED FOR SENIOR CITIZENS (UK AND FRENCH MAGAZINES)**

Юртайкина Оксана Вячеславовна – директор центра обучения иностранным языкам Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Мира, д. 33, кв. 50; 8-914-175-47-95. E-mail: flec@knastu.ru.

Ms. Oksana V. Yurtaykina – Director of The Foreign Language Centre (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681000, Komsomolsk-on-Amur, 33 Mira st., apt. 50; +7 (914) 175-47-95. E-mail: flec@knastu.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются лингвостилистические особенности рекламных текстов в специализированной английской и французской прессе для пожилых людей. Автор статьи дает ответ на вопрос, отражаются ли психологические и психолингвистические особенности пожилых людей в использовании тех или иных речевых структур и языковых средств в рекламных текстах, предназначенных для данной целевой аудитории.

Summary. This paper deals with lingvo-stylistic peculiarities of the advertisements published in specialized press designed for senior citizens in the English and French languages. The author of this paper attempts to answer the question whether psychological and psycholinguistic characteristics of the senior citizens are taken into account in the usage of certain language structures and linguistic means in the advertisements aimed at this particular target group.

Ключевые слова: целевая аудитория, психолингвистические особенности, стилистический прием, стилистические средства, атрибутивные словосочетания, графические средства.

Key words: target group, psycholinguistic peculiarities, stylistic means, stylistic techniques, attributive word combinations, graphic means.

УДК 811.(161)

Для современного общества реклама является, пожалуй, самым часто встречающимся видом текста, восприятия которого не избежать в ежедневной жизни. Реклама встречается практически во всех видах печатной прессы, радио- и телетрансляциях, в глобальной сети и т.д. Являясь одним из функциональных инструментов экономического процесса, рекламный текст обладает огромной силой психологического воздействия на общество. В то же время в рекламном тексте, как и в языке в целом, находят отражение острые социальные явления и актуальные проблемы человечества.

Одним из значимых социальных явлений на сегодняшний момент считается старение населения Европы, причем в европейских странах и США пожилое поколение играет все возрастающую роль. Естественно, данный факт имеет свое отражение в рекламе, поскольку количество пожилых людей в мире неуклонно растет, а вместе с тем растет и их благосостояние: «Суммарный ежемесячный доход тех, кому за 60 (в Германии) составляет сейчас около 20 млрд марок. Это самые богатые пожилые люди за всю историю страны,...» [6, 71].

Состоятельные пожилые люди стали отличительной чертой наиболее развитых европейских стран и в будущем их экономический вклад будет расти, так как нынешние 55-летние, привыкшие к роскоши, будут стараться, выйдя на пенсию, потакать своим прихотям.

Согласно определению, предложенному Американской маркетинговой ассоциацией: «Реклама – это распространяемая в определенной форме информация неличностного характера о товарах, услугах или идеях и начинаниях, предназначенная для группы лиц (целевой аудитории) и оплачиваемая определенным спонсором» [5]. Таким образом, наличие целевой аудитории является неотъемлемым условием любого рекламного текста и определяет его прагматическую ориентацию, которая, в свою очередь, выражается «с помощью различного набора лингвистических и экстралингвистических средств, формирующих в итоге его (рекламного дискурса) макролингвистическую стратегию» [1]. Из этого следует, что в рекламном тексте отражаются гендерные, возрастные и социальные характеристики целевой аудитории, а набор наиболее приемлемых языковых средств и создание коммуникативных стратегий осуществляется с учетом этих факторов. «Эффективность воздействия рекламы будет выше, если адресант использует более понятный, привычный код, то есть вербальные средства, которые свойственны речи адресата» [1].

В связи с вышесказанным можно предположить, что при создании рекламного текста, нацеленного на аудиторию пожилых людей, принимаются во внимание психологические особенности данной категории реципиентов. Так, для пожилого возраста характерна некоторая специфика в восприятии окружающей действительности. «Пожилым возраст – это возраст, в котором соприкасается прошлое и настоящее, где прошлое настолько сильно и значительно по своему воздействию на внутренний мир человека, что нивелировать его, отказаться от него, жить только настоящим практически не может ни один психически здоровый человек» [7, 19]. Этот этап жизни человека связан с замедлением процессов эволюции, что ведет к трудностям в социальной адаптации к современному образу жизни, быстро меняющемуся техническому прогрессу и, следовательно, к восприятию появляющейся в этой связи новой лексики. Среди наиболее типичных проявлений старения можно выделить следующие: «забывчивость, трудности при запоминании новой информации, нарастание категоричности суждений и большая окрашенность их субъективным опытом» [7, 20], а также недоверчивость и негативное отношение к новому и непонятному.

В этой связи закономерны вопросы: какова специфика рекламы для пожилых? отражаются ли психологические и психолингвистические особенности пожилых людей, а также их социальные ориентации в использовании тех или иных речевых структур и языковых средств в рекламных текстах, предназначенных для данной целевой аудитории? Чтобы ответить на эти вопросы, мы изучили особенности рекламных текстов, опубликованных в специализированной прессе для пожилых людей.

Материалом для проведения анализа послужили рекламные сообщения на английском и французском языках общим объемом 536 рекламных текстов (305 на французском языке и 231 на английском) из специализированных журналов для пожилых «The Magazine AARP», «AARP Bulletin» и «Pleine Vie». Исследованный материал обладает общими характеристиками: хорошее качество воспроизведения, долгое функционирование и сравнительно большой размер рекламных объявлений (данный на всю страницу, иногда на один разворот), обязательное сопровождение текста цветным графическим изображением, составляющим неотъемлемую часть всего содержания в целом. Далее мы рассмотрим лингвостилистические особенности исследуемых рекламных текстов.

Юртайкина О. В.

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМЫ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ПРЕССЕ
ДЛЯ ПОЖИЛЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ЖУРНАЛОВ)**

В рекламных сообщениях на минимальном пространстве текста наблюдается высокая концентрация разнообразных стилистических средств и приемов. Это связано с необходимостью финансовой экономии, так как реклама является одним из самых дорогих средств продвижения товаров и услуг на рынке. В связи с этим Д. Э. Розенталь и Н. Н. Кохтев считают, что важным требованием, предъявляемым к созданию рекламного текста, является максимум информации при минимуме слов [4, 17]. Этот постулат реализуется при помощи употребления широкого спектра средств выразительности на всех языковых уровнях.

«Язык рекламы предельно насыщен приемами экспрессивной стилистики, поскольку его главная цель состоит в том, чтобы привлечь внимание к определенному товару или услуге. Создатели рекламного текста мастерски используют возможности словотворчества, находя преимущества и в изысканном экспрессивном стиле, и в ясном простом изложении» [3, 189].

В исследуемом нами корпусе языкового материала достаточно широко используются стилистические средства, характерные для современной рекламы вообще. К ним можно отнести, например, употребление императивных форм глагола с целью усиления динамичности рекламного сообщения: 1. *Call your local Premier Care office today if you or your loved one is struggling getting in or out of a bath (Walk-in bath; AARP Jan./Feb. 2010, p. 53)*; 2. *Compare and see how much you may save! (Auto Insurance; AARP Jan./Feb., p. 10)*; 3. *Oubliez le quotidien. Profitez du programme Seniors en Vacances (Pleine Vie 283, p. 55)*; 4. *Prenez des bains sans changer votre baignoire! (Pleine Vie 287, p. 167)*.

Глаголы *call, compare, see, oubliez, profitez, prenez* в приведенных выше примерах звучат как призыв к немедленному и обязательному действию.

Довольно часто употребляются в рекламе фигуры речи, основанные на контрасте, например:

The Hottest Book from the Coolest State (путеводитель по Аляске; AARP Nov./Dec. 2009, p. 5). В этом случае игра слов строится на двойном значении прилагательного *hot* – «горячий» и «злободневный» (в сочетании с существительным книга). Таким образом, *горячий путеводитель* противопоставлен действительно *холодному штату* – Аляска. Эффект также усиливается при помощи употребления превосходной степени прилагательных.

Turn Ordinary hearing into Extraordinary hearing! (слуховой аппарат; AARP Nov./Dec. 2009, p. 49). В этой рекламе слухового аппарата рекламодатель уверяет, что вы будете не просто слышать, а слышать экстраординарно, то есть необычайно хорошо. Кроме того, за счет употребления антонимов, относящихся к одной деривационной группе, здесь, помимо контраста, создается эффект морфологического повтора – *ordinary – extraordinary*.

Приведенные стилистические средства широко распространены в любой рекламе, независимо от целевой аудитории. Однако некоторые стилистические средства имеют особое значение для исследуемой нами целевой аудитории пожилых людей. Рассмотрим, например, употребление личных и притяжательных местоимений в изучаемых нами рекламных текстах:

In your 70s?

- *You* want to be sure *you* have enough to help loved ones with living expenses, or medical and funeral bills *you* may leave behind.

- *You'd* like to leave a financial cushion for *your* grandchildren to help with wedding or collage costs.

- Now is the time to take another look for *your* life insurance (AARP Jan./Feb., p. 22).

Nos résidence sont conçues spécialement pour que les séniors puissent continuer à apprécier leur vie au quotidien. A Montrichard, les Résidences Touraine fournissent aux personnes âgées un environnement sûr, agréable et intime. *Nous* proposons des services personnalisés et une présence

24h/24 et 7jours/7. Le meilleur moyen de *vous* en assurer est encore de venir *nous* rendre visite (Pleine Vie 287, p. 166).

При помощи использования местоимений *you* и *your* в английском языке и *vous*, *voire* во французском для обращения к потенциальному покупателю, а также *we*, *our*, *nous*, *notre* для обозначения рекламодателя составители двух приведенных выше рекламных текстов добиваются создания убедительной тональности рекламного обращения и создают иллюзию доверительного диалога. Для людей пожилого возраста создание атмосферы благожелательности и доверия особенно важно, так как установлено, что одной из основных психологических характеристик данной возрастной категории людей является подозрительность и скептическое отношение к нововведениям. Следовательно, употребление указанной группы местоимений способствует смягчению этих качеств и, как результат, успеху рекламы в целом.

Особая роль отводится в рекламе атрибутивным словосочетаниям. Несомненно, данный факт связан с тем, что основной акцент в рекламном сообщении делается на описание рекламируемого товара или услуги. Для этой цели активно используются прилагательные и наречия, входящие в состав атрибутивных словосочетаний. «Некоторые исследователи, – по словам Т. Г. Добросклонской, – даже называют наречия и прилагательные ключевыми словами рекламного текста, полагая, что именно они запускают механизмы воображения, апеллируя к органам чувств и выделяя в рекламируемом товаре самые привлекательные стороны и качества» [3, 191]:

New! Easy to see and use.

- *Big, raised buttons.*
- *Large bright screens and text.*
- *Emergency alert feature.*
- *Simple plans.*
- *Exclusive wireless provider* (реклама телефона; AARP Jan./Feb., p. 2).

В данном примере использование наречия *easy* подчеркивает простоту сотового телефона в использовании. Для пожилого человека, не привыкшего к использованию сложных технических средств, простота – одна из ключевых характеристик при выборе товара. Представленный далее ряд прилагательных усиливает эффект, детально разъясняя, в чем состоит эта простота: *большие, выпуклые кнопки* и *большой яркий экран* помогут лучше видеть при плохом зрении; *кнопка экстренного вызова* позволит вызвать помощь в экстренной ситуации, *простой тарифный план* экономит деньги.

Помимо прилагательных и наречий, наиболее часто употребляемых в английской и французской рекламе вообще (таких как *good, better, best, wonderful, special, bright extra; nouveau/nouvelle, parfait/parfaitement, naturel/naturellement, immediate, exclusive, meilleure, etc.*), необходимо выделить атрибутивные словосочетания, характерные для рекламы с целевой аудиторией пожилых людей. Такие словосочетания также нацелены на усиление атмосферы доверия и надежности, необходимой для психологического комфорта людей более старшего возраста – *knowledgeable staff, expert advice, award-winning customer service, exclusive, exclusively, affordable protection, safe, reliable; prix d'avantageux, sécurité totale, des services personnalisés, une presence 24h/24 et 7jours/7*. Люди старшего возраста более склонны прислушиваться к советам специалистов, профессионалов. Для них имеет большое значение чувство защищенности, гарантия получения помощи 24 ч в сутки семь дней в неделю.

Выражение *easy to use / simples d'utilisation; l'utilisation facile* используется в описании большинства технических средств, что способствует устранению чувства неприятия ново-

Юртайкина О. В.

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМЫ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ПРЕССЕ
ДЛЯ ПОЖИЛЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ЖУРНАЛОВ)**

введений и чувства тревоги и беспокойства за свою способность усваивать технические новшества, характерных для людей пожилого возраста.

Говоря о лексическом составе французской рекламы, необходимо отметить, что, как и реклама во многих других странах, она подвержена влиянию английского языка: 1. Avec EVERSTYL, *relaxes-vous dans tous les positions* [реклама кресла] (Pleine Vie № 286, 99); 2. Refaire du *shopping* ou des promenades, quel plaisir! [реклама скутера] (Pleine Vie № 286, 145); 3. Easy-bathe Baignoire à porte. La *Easy-Bathe* associe le plaisir du bain (Pleine Vie № 286, 149); 5. Le *confort*, c'est ... tellement *Stressless!* [реклама кресла] (Pleine Vie № 286, обложка).

Использование в тексте французской рекламы для пожилых людей английских слов, которые придают ей новизну и современность, отражает специфику французского характера. Для французов такие черты характера, как «светскость», «жажда наслаждений», «изменчивость, подвижность», «любопытность» [2, 217], а также жажда познания и любовь ко всему новому являются определяющими. «Похоже, им нравится ощущение быстротечности жизни, ее бешеная скорость, ее энергетика, стиль, переменчивая мода. Им вообще нравится все самое модное – одежда, сленг, самые последние фильмы и всевозможные технические изобретения» [8].

Другим распространенным стилистическим приемом является повтор. При помощи повторения речевого элемента автор рекламного сообщения привлекает к нему внимание слушателя, тем самым подчеркивая его значимость и усиливая эмоциональное воздействие текста. «Реализация одного и того же сегмента не только привлекает внимание читателя (или слушателя), но и добавляет новые оттенки к содержанию рекламного текста. Стилистическое значение повтора состоит в усилении смысловой весомости повторяемой части рекламного текста» [4, 24]: So call and let *transform* your bathroom and *transform* your life! (AARP Jan./Feb. 2010, p. 53).

В приведенном примере повторение слова *transform* – дайте нам *переделать* Вашу ванну и *переделать* Вашу жизнь – подчеркивает значение удобной ванны для пожилого человека, часто не имеющего физической возможности принимать ванну самостоятельно. Реклама уверяет при этом, что вся жизнь пожилого человека изменится, он сможет, как и раньше, быть более независимым, свободным, не ущемленным ни в чем.

В следующем рекламном сообщении: «Pour mon *audition*, je consulte *Audition Conseil*, le spécialiste reconnu de la correction auditive» (Pleine Vie № 286, 57) двойное повторение существительного *audition*, а также употребление производного от него прилагательного *auditive* является своего рода гарантией того, что основная мысль рекламного текста не ускользнет от пожилого читателя, для которого сама повторяемость элементов – залог запоминания и адекватного усвоения.

Особую роль в создании рекламных текстов играет использование различных графических средств и знаков. Это связано, в первую очередь, с психолингвистическими особенностями человека, способностью глаз воспринимать не отдельные буквы, а группы слов и, в зависимости от длины строки, формы и величины букв, увеличивать или замедлять скорость чтения. Графическое оформление текста привлекает внимание, возбуждает интерес к рекламируемому товару или услуге и облегчает восприятие информации. Но главное в использовании графических средств, по мнению С. В. Ильясовой и Л. П. Амири, состоит в том, что «игра со шрифтом и цветом <...> позволяет воплотить в жизнь основополагающий принцип рекламного текста: на минимуме текста – максимум экспрессии» [4, 91].

В ходе анализа рекламы в английских и французских специализированных журналах для пожилых нами было выявлено активное использование следующих графических средств:

1. Заглавная (прописная) буква в написании всех значимых частей речи в предложении или фразе для придания весомости и значимости каждому слову фразы:

«Lifetime Renewability. New car replacement. 24-Hour Claim Hotline and Lifetime Protection» [реклама автомобильной страховки] (AARP, янв./фев. 2010).

2. Использование заглавных букв для написания всего слова или выражения целиком, что служит для привлечения внимания к конкретному слову и выражения особой экспрессии:

Everything **MUST GO!** Your Favorite **NO IRON** Knits [реклама брюк] (там же, 3);
SPLASH – le GRAND PETIT monospace (реклама автомобиля Splash; Pleine Vie № 286, 53).

3. Использование курсива для выделения особо значимых слов и словосочетаний:

«...so you can find the plan that can suit *your* needs. ...*There's no obligations*» (AARP, янв./фев. 2010, 19);

Rayonnez de santé *naturellement!* (Pleine Vie № 286, 39).

Все вышеперечисленные графические средства характерны не только для специализированной рекламы в прессе для пожилых, но и для современной рекламы вообще. Однако нельзя не заметить, что для данной целевой аудитории заглавные буквы и жирный шрифт имеют особое физиологически обусловленное значение – они облегчают прочтение текста и вычленения основного содержания для людей с плохим зрением, что является часто встречающимся явлением после определенного возраста.

Другое графическое средство, играющее значимую роль в рекламных текстах, – знаки пунктуации. Вопросительные и восклицательные знаки составляют самую многочисленную группу в данной категории.

Они часто выполняют не только функции членения предложения на составляющие части, членения текста на предложения и указания на коммуникативный тип предложения, но и направлены на усиление эмоциональной окраски речи:

1. **IN YOUR 70s?** Now is time to take another look at your life insurance [из рекламы страхования жизни] (AARP, Jan./Feb. 2010, 9); 2. Un monte-escalier à votre domicile? (Pleine Vie № 286, 161); 3. «**TV ears saved our marriage!**» (AARP, Jan./Feb. 2010, 33); 4. En vente chez votre marchand de journaux. 130 pages pour bien préparer et vivre sa retraite! (Pleine Vie № 286, 135).

В приведенных примерах вопросительные и восклицательные знаки, придавая предложению вопросительную или восклицательную интонацию, создают иллюзию прямого диалога рекламодателя с адресатом, способствуют созданию доверительной атмосферы и подталкивают к дальнейшему более детальному изучению рекламируемого товара или услуги. Так, если на вопрос «*In YOUR 70s?*» (Вам за 70?) читатель отвечает «да», это подтолкнет его к тому, чтобы выяснить, зачем ему менять условия страхования жизни, прочитав дальнейшую рекламу.

В приведенных далее примерах эффект усиливается за счет употребления сразу двух графических элементов в одном рекламном тексте:

1. Vous aimez voyager, profiter, découvrir, déguster, flâner? Ce guide est fait pour vous! (Pleine Vie № 287, 52); 2. Pieds douloureux? Plus maintenant! Nous portons des chaussures mobiles intégralement matelassées (Pleine Vie № 286, 121).

Очень выразительным графическим приемом является полипунктуация или многоточие, например:

1. Independence is right around the corner ... Call us today for the Walk-in Bath (AARP Jan./Feb. 2010, p. 53); 2. Pour regrouper vos crédits et retrouver le sourire... La référence, c'est BC FINANCE! (Pleine Vie № 287, 71).

В данных примерах полипунктуация употребляется в середине предложения для имитации спонтанности речи, в качестве риторической паузы, во время которой читатель успевает задуматься и заинтересоваться, что же за независимость ждет его за углом, или к кому обратиться, чтобы получить кредит и снова обрести улыбку.

Юртайкина О. В.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМЫ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ПРЕССЕ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ЖУРНАЛОВ)

Данное графическое средство используется также, наряду с восклицательными и вопросительными знаками, для придания максимальной эмоциональности высказыванию, что является очень эффективным методом мотивации к действию, то есть к приобретению товара или услуги. Для пожилых людей характерна большая психическая лабильность, быстрый переход от одних эмоций к другим, от печали к радости. Не зря существует сравнение: «Старики – как дети». Поэтому графические средства, придающие рекламному сообщению большую экспрессивность, способны воздействовать на изучаемую нами целевую аудиторию и подталкивать к покупке быстрее, чем рациональные доводы.

Итак, результаты нашего исследования доказывают, что рекламные тексты в специализированной прессе для пожилых людей создаются с учетом потребностей и психологических особенностей целевой аудитории. Это проявляется не только в тематике рекламных сообщений, которая ярко отражает нужды и интересы людей третьего возраста, но и в лингвостилистической и графической структуре текста.

В рекламных сообщениях для пожилых людей используются стилистические средства, характерные для современной рекламы вообще. Однако для усиления доверительности и легкости восприятия информации особое значение приобретает употребление личных и притяжательных местоимений, повторов, вопросительных и восклицательных знаков, полипунктуации и, в особенности, тщательно подобранной лексики.

Помимо возрастных особенностей, реклама в прессе для пожилых отражает лингвокультурологические и ментальные характеристики представителей различных культур, в данном исследовании французской и американской, которые наиболее ярко демонстрирует тематика рекламных сообщений на английском и французском языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булкина, Е. В. К вопросу о гендерно ориентированных стратегиях речевого воздействия рекламы / Е. В. Булкина. // ftp://lib.herzen.spb.ru/text/bulkina_14_37_243_248.pdf.
2. Воробьев, В. В. Лингвокультурология / В. В. Воробьев. – М.: РУДН, 1997. – 330 с.
3. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь) / Т. Г. Добросклонская. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 264 с.
4. Ильясова, С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – М.: Флинта, 2009. – 296 с.
5. Ксензенко, О. А. Прагматические особенности рекламных текстов / О. А. Ксензенко // <http://evartist.narod.ru/text12/16.htm> (12.04.2010).
6. Мокиева, Е. А. Пожилые люди и реклама / Е. А. Мокиева, Г. В. Морозов // Пожилой человек в XXI в.: материалы межрег. науч.-практ. конф., Иваново, 22-23 декабря 2005 г. / редкол.: Н. В. Гудков (отв. ред.), М. А. Скибенко, В. Н. Пучина. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. – С. 70-73.
7. Сухобская, Г. С. Пожилой человек в современном мире: учеб. пособие для соц. педагогов / Г. С. Сухобская, Н. М. Божко. – СПб.: ИОВ РАО, «Тускарора», 1999. – 146 с.
8. <http://russia.eligne.com/9-francais.html>.

ИССЛЕДУЕМЫЙ ЯЗЫКОВОЙ МАТЕРИАЛ

1. «The Magazine AARP» сентябрь 2009 г. – февраль 2010 г. (3 номера).
2. «AARP Bulletin» июня 2009 г. – январь 2010 г. (8 номеров).
3. «Pleine Vie» декабря 2009 г. – июнь 2010 г., апрель 2005 г. (8 номеров).

Докучаев И. И.
I. I. Dokuchaev

**ТРАНСГРЕССИЯ И РЕДУКЦИЯ: ПУТИ ИНТЕГРАЦИИ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

**TRANSGRESSION AND REDUCTION: INTEGRATION OF SOCIAL
SCIENCE&HUMANITIES, AND CULTURAL STUDIES AS A POTENTIALLY
INTEGRATIVE DISCIPLINE**

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, проректор по связям с общественностью Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Mr. Ilya I. Dokutchaev – Doctor in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Provost for Public Relations, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу способов интеграции различных социально-гуманитарных наук и перспектив культурологии как интегративной науки. Рассматриваются два способа интеграции: трансгрессия и редукция. Первый способ – выход за пределы дисциплинарного пространства определенной науки с целью создания метанауки; второй – сведение принципов одной науки к другой. Редукция рассматривается как продуктивный путь развития науки вообще и культурологии в частности, поскольку она позволяет сохранить принципы исходной науки и обновить ее за счет редуцируемого к этим принципам знания, принадлежащего другой науке.

Summary. The paper deals with the analysis of ways of integrating various social sciences and humanities, and with the perspective of cultural studies to become an integrative discipline. The two ways of integration are considered: transgression and reduction. The former means going beyond a certain science and creating a meta-science. The latter is a reduction of the principles of one science to another. Reduction is considered here as a promising way of the development of science in general and cultural studies in particular, because it allows to keep the principles of one discipline and enrich them by the knowledge belonging to the other science, that is being reduced to the first one.

Ключевые слова: трансгрессия, редукция, культурология, наука, интеграция знания, междисциплинарность.

Key words: transgression, reduction, cultural studies, science, knowledge integration, interdisciplinary.

УДК 303.01

Модернистские научные проекты уходят в прошлое. Еще недавно создавать новые науки было модно и неизбежно. Ведущей ценностью эпохи Модернизма было отрицание традиции и утверждение нового только потому, что оно новое. Существовал ли предмет у новой науки, был ли этот предмет сколько-нибудь теоретически или практически значим, – не являлось важнейшим обстоятельством среди причин ее возникновения. Главным было – начать движение с нуля, заявить о том, что новое знание имеет право на особую дисциплину, будь то подразделение в ряду других наук или позиция вне всякого имеющегося дисциплинарного пространства. Пафос отрицания присущ модернистским наукам настолько же, насколько им присущ пафос утверждения. Каждый программный автор новой науки стремился подчеркнуть не только новизну его программы, терминологии, концепций, методов, но и

значимость их, равнявшуюся новому взгляду на мир, без которого развитие науки больше невозможно. Модернистская наука была наполнена теоретическим оптимизмом, который сродни оптимизму ребенка, открывающего мир. Однако в отличие от античного научного проектирования, носившего исключительно умозрительный характер, модернистские проекты претендовали на большее – на решение извечных проблем практического характера. Они были критическими и говорили о том, что в состоянии по-новому, но более продуктивно, чем раньше, ответить на традиционные вопросы и дать возможность поставить новые, формулировка которых в силу концептуальной мощности нового знания окажется более корректной, а ответы – более достоверными.

Культура – структура исторической памяти всего человечества и отдельного народа. *Memory studies* позволяют взглянуть на нее как на метафору основных свойств человеческой памяти и сравнить отдельные периоды истории с ее состояниями. В самом деле, духовная сторона культуры есть неотъемлемая ее часть, содержащая смыслы и ценности любого артефакта, включая материальный мир. Технологические и функциональные смыслы артефактов, ценностные порождающие модели культуры – все они по существу своему, по онтологическому статусу представляют собой формы памяти, а память, в свою очередь, может быть рассмотрена как комплекс состояний и категорий, известных не только психологам, но и обычному пользователю. Это такие категории: собственно память, воспоминание, забвение, отсутствие памяти, тоска по прошлому, ностальгия, предвосхищение будущего, надежда.

Традиционная культура, основанная на воспроизведении артефактов по известному образцу, всегда отличалась особым почтением, даже страстью к прошлому. Это была культура Памяти, тогда как Модернизм – это культура Забвения. Однако абсолютное забвение невозможно. Нельзя родиться в первозданном мире, непосредственно представшем перед невинным взором человека. Всякому созерцанию мира предшествует прошлое, обеспечивающее бытие этого созерцания. Прошлое пронизывает настоящее, обеспечивая его сознание и трансформацию. Прошлое неотделимо от настоящего и более подлинно, чем оно. Отрицать прошлое можно лишь в ходе принятия его как своего рода антиобразца для создания нового, то есть полностью следуя правилам построения этого антиобразца. Результат любого отрицания изоморфен ему по существу, меняются лишь акценты. Поэтому культура Забвения оказывается возможной благодаря культуре Памяти, а модернистская наука полностью заимствует все характеристики и достижения науки традиционной. Конечно, традиционная наука не столько создавала новые дисциплины, сколько искала новые основания для старых. Новизна легитимизировалась лишь в силу очевидной необходимости, она диктовалась логикой исследований. Модернизм провозгласил новизну важнейшим основанием для появления новой науки. Однако все разговоры о том, что неклассическая наука чем-то отличается от классической, почему-то упускают из виду важнейшее для подобного обсуждения обстоятельство, связанное с их сходством. Так, суждение о том, что введение в науку субъективного фактора в рамках герменевтики, квантовой механики, феноменологии присуще лишь неклассической науке, явно преувеличено, ибо именно классическая наука в основание своих исследований положила субъективный принцип, обоснованный ее родоначальником Рене Декартом. И все же сходство классической и неклассической науки выходит на поверхность лишь в эпоху Постмодернизма.

Культура Постмодернизма не есть что-либо принципиально отличающееся от культуры Модернизма, однако отличия между ними существуют. Ценность новизны переосмысливается в эту эпоху так, что теперь новым оказывается хорошо забытое старое. Культура Постмодернизма – культура Ностальгии. Кризис противостояния прошлому сменяется индифферентизмом по отношению к любому конфликтному процессу, то есть конфликт не разрешается, а застывает как еще один штрих к сложной картине мультикультурного бытия. Всякая идентичность лишается права на утверждение, но именно поэтому приобретает право на существование. И вот, на место неклассической науки приходит постнеклассическая, сущ-

ность которой заключается в приятии всего, что было в прошлом, в отрицании модернистского отрицания, то есть в интегративности и междисциплинарности. Дифференциация наук, начавшаяся еще Аристотелем, завершается во второй половине XX в. интеграцией. Посмотримся внимательнее к существу этого явления.

Времена расцвета науки прошли. Классическая эпоха завершилась в XX в. кризисом рациональности, вызванным невероятным ростом научного энтузиазма, чрезмерным доверием к творчеству и человеческой личности. Социальные революции, приведшие к ужасающим формам насилия и основанные на рационализации традиций, либо на неверно и преувеличенно истолкованном праве ученого на изменение мира, рост потребления природных ресурсов и загрязнения окружающей среды, демографические проблемы, угрозы глобальной ядерной катастрофы или войны, неясные перспективы научных открытий в различных областях, от технического конструирования до генетики, – все это разнообразные проявления кризиса ценности разума, – одной из ключевых ценностей креативной культуры. Развитие научного знания в XX в. приобрело разнонаправленный характер. С одной стороны, утилитарные потребности общества массового благосостояния потребовали от науки перемещения ее интереса в сферу сугубо утилитарную. Ценность научного достижения стала равняться его практической значимости. Забвение теории приводит к забвению самих основ научного поиска, ибо его существо – в бескорыстном удивлении перед многообразием мира, в попытке создать адекватную картину этого мира, точно уловить и передать на языке типизации целостный характер этого многообразия. С другой стороны, наука стала агрессивно вторгаться во все сферы человеческого существования, подвергать теоретизации даже то, что никогда нельзя познать настолько, чтобы сделать по этому поводу обоснованную программу контроля или изменения. Сложно научно управлять обществом, развитием личности, культуры, рекомендовать человеку, как и что ему делать. Все это – сфера ценностных ориентаций, и традиционно связывалось с религиозным опытом или политической идеологией. Наука, пытаясь вмешиваться в подобные сферы, пропитывается ценностными ориентациями, мифологизируется и начинает представлять серьезную угрозу как для ценностного мира, так и для подлинно рациональной деятельности. Еще одна проблема науки – ее распад на глухие друг к другу дисциплины, неизбежно связанный с накоплением информации конкретного плана, недоверием (характерным для позитивизма) к теории и широким философским обобщениям.

Интеграция науки была одним из важнейших ответов на вызовы только что описанного кризиса. Во-первых, интеграция преодолевала междисциплинарную непроницаемость научных концепций; во-вторых, она требовала мощного и адекватного современной сложности науки теоретического аппарата; и, наконец, она сглаживала противоречия и агрессивные претензии тех или иных научных стратегий. Однако сама интеграция происходила не одинаково, это также был сложный и многогранный процесс.

Объединять что-либо можно по-разному. Можно, например, построить нечто более крупное и включить в его состав объединяемые явления в качестве частей или вариантов. Можно же посмотреть на одно под углом зрения другого, присоединить его к нему. Первый способ объединения я называю трансгрессией, второй – редукцией. Трансгрессия – отрицание каких-либо границ, то есть специфики любой из объединяемых наук; редукция есть отрицание специфики только одной науки в пользу другой. В ходе редукции происходит приращение научного знания, а в ходе трансгрессии – лишь его обеднение, ибо в первом случае, новое знание образуется за счет метафоризации, а во втором – новое знание лишь результат аналитического абстрагирования уже имеющихся общих компонентов объединяемых концепций.

Всякое объединение в форме обобщения – трансгрессия – это выход за границы того или иного объединяемого явления, это отказ от его специфических дисциплинарных претензий и, в конечном счете, разрушение их. Обобщая два понятия, мы отбираем общее среди их содержаний и отказываемся от специфического. В результате мы получаем понятие с большим объемом и с беднейшим содержанием. Так происходит и тогда, когда мы объединяем две

Докучаев И. И.

ТРАНСГРЕССИЯ И РЕДУКЦИЯ: ПУТИ ИНТЕГРАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

науки. Новая наука окажется с большим предметом и с бедным знанием о нем, именно поэтому такую науку всегда будут упрекать в том, что собственного предмета у нее нет. Так, философию, отказавшуюся от собственного предмета и претендовавшую на некое обобщение всех наук, представители конкретного знания справедливо стали изображать пугающим жупелом, способным разве лишь на то, чтобы быть учебной дисциплиной в начальной школе, знакомящей детей в популярной форме с основными тенденциями развития подлинной науки.

Однако возможен и иной путь обобщения двух дисциплин – редукция. Это происходит тогда, когда результаты одной науки переводятся на язык другой. Такой путь представляет собой глобальную метафоризацию одной науки средствами другой. Иными словами, термины и концепции разных наук сравниваются и базовая наука, с помощью своего методологического аппарата, начинает выражать содержание науки-донора. В этом случае возникает новое знание, которое в силу собственной неопределенности обладает эвристическим потенциалом. Эта неопределенность может содержать много интересных открытий, но может оказаться лишь туманом, скрывающим уже известные вещи или просто банальности. В том случае, когда между наукой-донором и базовой наукой действительно имеются сходства, это обстоятельство в состоянии породить подлинное новое знание, но если термины базовой науки начинают притягиваться к предмету науки-донора в силу абстрактных аналогий, возникает лишь пустая схематизация живого разнообразного материала, которая остается совершенно бесплодной.

Базовая наука в таких процессах, как правило, представляет собой новый терминологический каркас, содержание которого не очень обширно. Этот каркас и создается для того, чтобы упаковать содержание науки-донора и тем самым обогатить свое собственное. Наиболее яркими примерами подобного являются феноменология и семиотика. В основе феноменологии лежит представление о феномене как о первичном знании, полученном из самой вещи без посредников в лице какой-либо культурной, в частности, научной, традиции. Феномен обладает двухчастной структурой «инвариант – вариация», в которой инвариант (сущность) находится за пределами опыта и гипостазируется, а вариации (явления) образуют бесконечно разворачивающийся горизонт синтезируемых способов данности сущности. Если рассмотреть тот или иной предмет науки как феномен, мы получим прирост феноменологического знания. Однако все его предметы уже были рассмотрены до феноменологии, и результаты этого рассмотрения невозможно не принять во внимание. Фактически вместо того, чтобы заново исследовать предмет, феноменолог вынужден был упаковать уже известное знание о нем в феноменологическую оболочку. Эта упаковка зачастую оказывалась не внешним аксессуаром, который можно безболезненно для сути предмета удалить и выбросить, но новым его смысловым слоем. Особенно интересен феноменологический подход в науках о человеке, обществе и культуре, в которых ни один предмет не может быть описан без привлечения к делу способов его производства и потребления, то есть такой предмет по своей природе является феноменом и открывает исследователю много нового именно благодаря феноменологическому аппарату. Однако имела место и формальная схематизация предмета в терминах феноменологии, ничего нового о предмете не открывавшая, но производившаяся ради полноты системы.

Семиотика возникла как метаязык, созданный по модели естественного языка. В отличие от феноменологии, стремившейся выработать собственный методологический аппарат, семиотика настаивала на том, что лингвистический метод нужно просто гиперболизировать и использовать в ходе описания нелингвистических объектов. Предпосылкой подобных действий служила аксиома, гласившая, что всякий артефакт культуры представляет собой речевое высказывание, созданное на основе языковой модели, описать которую позволяет семиотический метаязык. Таким образом, семиотическое исследование представляло собой метафоризацию знаний о культуре в терминах лингвистики: поиск парадигм и синтагм, фонем, лексем и пропозиций, речевых структур и языковых моделей. В том случае, когда семиотический метаязык накладывался на ту или иную знаковую систему, он давал прирост

знания о ней. Так, исследование символических коннотаций: костюма, жилища, рационов питания, утвари, искусства, дает много интересных данных о характере функционирования этих явлений. Однако некритическое применение лингвистической семиотики, сведенной лишь к вторичным моделирующим языком знаковым системам, не только не порождает нового знания о предмете, структура которого не похожа на языковую, но и искажает понимание его сущности. Так, поиск фонем, лексем и пропозиций в артефактах пространственных форм заставляет искать дискретные временные структуры, образующие означают условных знаков там, где имеется пространственный континуум, смысл которого абсолютно естественен и не требует никаких социальных конвенций для его интерпретации. Нелингвистическая же семиотика пока не добилась серьезных результатов в ходе исследования предметов других наук, а лишь обогатила собственное содержание. От того, что мы все назовем знаком, ничего нового о том или ином знаке мы не узнаем, но зато прибавим знание о знаке как таковом.

Возможны случаи, когда в качестве каркаса базовой науки используются не столько новые схемы, сколько конкретные достижения традиционной науки. В качестве примера подобных редукций можно рассмотреть исторический материализм и психоанализ. Исторический материализм представлял собой стадию в истории развития экономической науки. За плечами его терминологии и концепций стояла большая традиция, поэтому сами по себе методологические каркасы истмата были наполнены обширным содержанием и не нуждались в каком-либо обогащении за счет других наук. Истмат по-новому расставлял акценты в том материале, который всегда являлся предметом экономики. Теперь оказывалось, что развитие производительных сил представляет собой производящую модель по отношению к производственным отношениям, то есть обществу, и в значительной мере по отношению к духовной культуре (искусству, науке, религии). Экономическая редукция многое объясняла, но еще больше обстоятельств благодаря этой редукции просто искажались. Открытие существенной роли материальной культуры в истории объясняло важнейшие аспекты исторической динамики общества и культуры. Однако построенная на ее основе схема исторического процесса, представленного как смена социально-экономических формаций оказалась для него прокрустовым ложем, а футурология истмата, основанная на представлениях о победе пролетариата над буржуазией в классовой борьбе, характерной для современной классикам марксизма исторической ситуации, просто привела к ничем не оправданному росту социального насилия и обреченным на провал социальным экспериментам тоталитарного характера. Очевидно, что эксплуатация человека человеком не преодолевается социальными экспериментами, основанными на насилии, но лишь ростом материального благосостояния, перспективы которого остаются весьма и весьма проблематичными и никак не связаны с уничтожением частной собственности.

Еще одной универсальной отмычкой проблем социально-гуманитарных наук стал психоанализ. Его история сродни истории истмата, ибо психоаналитические конструкции суть лишь смена акцентов в ходе длительной традиции изучения психики человека. Структура психики, представляющая собой метафору гидравлического пресса, создающего с двух сторон – со стороны природы и культуры – давление на сознание, позволила вылечить многие неврозы, но, будучи с параноидальной последовательностью примененной к истории культуры, лишь создала новые мифы, а не объяснения реального положения дел. Классический психоанализ свел все содержание бессознательного к сексуальным влечениям и резко противопоставил их культуре. Вся природа человека оказалось утраченной благодаря подобной оппозиции. Она по сути своей была сведена к неврозу, ибо лишь невротическое сознание обладает подобной шизоидной раздвоенностью. Все, что дал психоанализ социально-гуманитарным наукам – это диагнозы: инцестуальные влечения Эдипа, Электры и братьев Карамазовых, гипертрофированная сексуальная агрессия, комплекс вины шаманов и Моисея, а также многие другие редукционистские мифы. Здоровый человек – это не животное, наделенное инстинктами, и не компьютерная программа, лишенная всякой связи с жизнью. Специфика положения

Докучаев И. И.

ТРАНСГРЕССИЯ И РЕДУКЦИЯ: ПУТИ ИНТЕГРАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

человека в космосе заключается в его субъективной, то есть уникальной и свободной природе, модифицирующей все рефлексы, связывающие его с предками из мира животных.

Культурология – типичный постмодернистский проект. Она возникла в России и с самого начала задумывалась как интегративная наука. В отличие от культурной антропологии, она была обращена ко всем историческим периодам, а не только к архаике, а в отличие от социальной антропологии – не только к социальным структурам. Характер междисциплинарности Культурологии до сих пор остается неопределенным. Более того, большинство теоретиков склоняются к мысли о том, что культурология – трансгрессивная научная практика. Бесперспективность подобной практики уже обсуждалась выше, она подтверждается и со стороны критиков Культурологии, остроумно называющих ее «Симулякром третьего порядка» или сравнивающих с интегративной наукой о природе – Природоведением. Это тупиковый путь, годный лишь для того, чтобы писать учебники для вводных курсов к подлинно научному изучению конкретных наук о культуре. Без обретения собственного предмета Культурология обречена, с одной стороны, на всеядность и диффузию, то есть растворение в конкретных исследованиях, ничем не связанных между собой кроме внешним образом наклеенного на них ярлыка-рубрикатора, а с другой – на бесконечное теоретизирование вокруг понятий культуры и науки о ней.

Другой путь – редукция знаний наук о культуре к ее собственной, специфической концепции и терминологии. Многочисленные редукции, описанные выше, могут быть использованы для создания этой концепции и терминологии. Однако все они так или иначе либо сводят культуру к одной из ее граней и упускают из виду остальные (психоанализ, семиотика, истмат), либо определяют культуру внешним образом, исключая существо, интегрирующую сердцевину ее бытия (феноменология). На заре самоопределения социально-гуманитарного знания вопрос о его специфике уже был решен в виде аксиологического проекта. Именно аксиология вскрывает существо места человека в мире. Система ценностей – подлинное содержание этого существа. Она не есть научная абстракция, извлеченная из реального мира культуры, но есть конкретный интеграл культуры и его порождающая модель. Редукция всех наук о культуре к аксиологии должна стать подлинным раскрытием потенциала культурологии, а не новой искажающей реальное положение дел схематизацией.

Перспективы Постмодернизма проблематичны. Ценности потребления в их экстенсивном (массовом) или интенсивном (индивидуализированном) варианте ведут к истощению среды существования человека. Новая культура – Постпостмодернизм – связана с ценностями ограничения; будущая культура, пользуясь терминологией *Memory studies*, будет культурой Надежды или культурой без будущего. Очевидно, что одной из форм этого самоограничения станет и редукция науки к интегральным, существенным для бытия человека ее разделам. Ничто в мире человека не является более существенным, чем его ценности; ради них он способен на отрицание наиболее полезного для себя дара – жизни, ибо ценность может располагаться, и зачастую располагается по ту сторону жизни и смерти. Исследование ценностей есть подлинно экзистенциальная проблема, если понимать экзистенцию как специфический способ бытия человека, культуры и общества. Культурология понятая как аксиология есть экзистенциальная наука, открывающая интегральное существо исторического процесса, его порождающие модели, его реальность и интервалы между идеалами и реальностью. Перспективы такой редукции нельзя переоценить. Важнейшей из них является возможность для Культурологии стать первой социально-гуманитарной наукой новой исторической эпохи Постпостмодернизма.

Зерников К. А.
K. A. Zernikov

ИНТЕРНЕТ И ПОЛИТИКА

INTERNET AND NEO-POLITICS

Зерников Константин Алексеевич – старший преподаватель кафедры общего и профессионального английского языка Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681032, Магистральное шоссе д. 21, к. 2, кв. 47; 89098626234. E-mail: kozas73@mail.ru.

Mr. Konstantin A. Zernikov – Senior Lecturer, Department of General and Professional English Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russian Federation, Komsomolsk-na-Amure); 681032, 21/2-47 Magistralnaya str.; +7 (9098) 626234. E-mail: kozas73@mail.ru.

Аннотация. В статье на примере сайтов политических партий и общественных организаций разных стран анализируется влияние Интернета как нового эффективного СМИ на политические процессы. Говорится о формировании ноополитики в виде электронного правительства как идеальной формы демократии.

Summary. The paper analyzes, on the basis of web-sites of political parties and public organisations, the influence of the Internet as a new and effective mass media on political processes. The shaping of neo-politics in the form of ‘e-government’ as an ideal form of democracy is discussed.

Ключевые слова: Интернет, СМИ, политика, партия, глобальный, виртуальный, связь, сообщество.

Key words: Internet, mass media, politics, party, global, virtual, communication, community, government.

УДК 378:801

Появление Интернета породило множество надежд на формирование более совершенного политического строя, в котором доступность информации постепенно сократит социальное неравенство, функции государства окажутся сведены к минимуму, а подконтрольность властных институтов обществу резко возрастет. Многие ожидали, что Интернет станет идеальным инструментом будущей демократии, так как благодаря Сети политическая информация станет легкодоступной. Граждане смогут запрашивать необходимую информацию, высказывать своё мнение и иметь возможность получать персональные ответы от представителей власти, на которые, как правило, они получали общие формальные ответы. Сегодня Интернет становится одним из самых эффективных средств коммуникации и организации во всех сферах деятельности, поэтому он используется и будет использоваться в политической деятельности, выполняя две основные функции:

1) информативную, сущность которой состоит в размещении политической информации в Сети; правительство на всех уровнях, отдельные политики, общественные деятели используют Интернет для размещения своей информации;

2) коммуникативную, связанную с медиатизацией политики и попыткой использования Интернета в качестве инструмента политической коммуникации и политтехнологий.

Политики всегда понимали важность использования СМИ, особенно в период предвыборных кампаний для создания определённого образа кандидата, когда имидж политика становится важнее его предвыборной программы. Так, по мнению социолога Д. В. Иванова, занимающегося проблемой виртуализации общества и культуры, «Мы живём в эпоху политики образов и образов политики», в эпоху политики скандалов, когда Интернет становится идеальным средством PR [1, 108-109]. Имиджмейкеры политиков используют специализированные веб-страницы для ведения агитации, осуществления коммуникации со сторонниками и для формирования имиджа политика. Таким образом, симулируется взаимодействие граждан с государственными служащими. Это взаимодействие используется прежде всего для

поддержания образа привычного распределения социальных ролей. Тем самым в условиях отсутствия реального институционализированного взаимодействия поддерживается образ «работающего государства». Поэтому Интернет как новый относительно недорогой вид СМИ стал незаменим в борьбе за власть, ведь по сравнению с традиционными СМИ он имеет ряд преимуществ, главными из которых являются: возможность быстрого опубликования любой информации, отсутствие пространственно-временных границ, возможность тематического поиска и быстрой связи для мониторинга ситуации. Сегодня web-сеть – ведущий источник политической информации, который оттеснил традиционные СМИ на второй план. Весомым аргументом в пользу данного утверждения может служить, во-первых, тот факт, что картинка телевизионного ролика «живет» несколько секунд, газетная публикация – несколько дней, а тексты и видеофайлы в Сети могут существовать месяцы и даже годы; во-вторых, традиционные средства массовой информации работают преимущественно в режиме информационного монолога (односторонней коммуникации), посредством которого соответствующие структуры воздействуют на электорат и поддерживают контроль над подвластными субъектами. Интернет же открыл возможность для многосторонней коммуникации (являясь недорогим каналом связи «от одного к одному» и «от одного ко многим»), где каждый, имеющий доступ к сети, может выступать как получателем, так и отправителем информации. Вот почему сегодня практически все политические партии, политики и общественные деятели имеют свои веб-сайты в Сети. На сайте <http://www.politicsresources.net/index.html> «Political Science Resources politics and government around the world» (крупнейшем сайте, политической направленности) представлены 63 страны и 2000 политических партий. Анализ структуры сайтов правительств и партий большинства стран показал, что они имеют схожую структуру, примерно одинаковый набор опций, а именно: практически на всех страницах существуют такие разделы, как домашняя страница, фото-, видеоархивы, информация о правительстве и администрации, события, темы для обсуждения, контакты, средства связи, язык общения. Но представители на всех уровнях власти используют Интернет главным образом в качестве электронной доски объявлений для размещения своей информации, не уделяя достаточного внимания дизайну сайта и не особенно стремясь к налаживанию реального взаимодействия, за исключением периода предвыборных кампаний, о которых упоминалось. А при наличии такого количества опций Интернет способен реализовывать не только информативную, но и коммуникативную функцию, ведь радио, газеты и телевидение выполняли преимущественно информативную функцию и, практически, исключали возможность коммуникативного взаимодействия.

Информативная функция реализуется на всех сайтах в той или иной степени. Коммуникативная, которая является важнейшей функцией Интернета, во многих случаях реализована быть не может, так как её реализация возможна лишь при наличии средств обратной связи, позволяющих осуществлять любые виды межличностного взаимодействия. Благодаря коммуникативной функции Интернета, между властью и гражданами в блогах, чатах, конференциях возможен общественно-политический диспут в режиме реального времени с возможностью электронной обратной связи без участия институциональных посредников, партийных организаций и других групп интересов, которые часто препятствовали общению. Большинство партий и правительств Великобритании, Франции, Германии, скандинавских стран, США, Австралии, Филиппин, Малайзии, Сингапура и других предоставляют на своих сайтах разнообразные возможности для интерактивного взаимодействия, благодаря наличию таких средств связи, как E-mail, Facebook, Twitter, Flickr, My Space, You Tube, Vimeo, iTunes, LinkedIn. Существуют сайты, к примеру, официальные сайты правительства Российской Федерации, стран Латинской Америки, Африки, которые используют Интернет исключительно как электронную доску объявлений, так как на этих страницах отсутствуют средства обратной связи. Тем самым исключается возможность какого-либо вида межличностного взаимодействия, которое является одним из важнейших условий ведения политической деятельности.

В отличие от официальной власти, оппозиционные партии, общественные движения, которые существуют многие годы, различные спонтанно возникающие сообщества вокруг того или иного события или конфликта, произошедшего в мире, используют возможности

Интернета в полном объёме, так как часто Сеть – единственно возможный канал коммуникации, в отсутствие тех административных ресурсов, какими обладают представители официальной власти. Интернет позволяет мгновенно реагировать на происходящие события, консолидировать людей, действовать, общаться и свободно высказывать своё мнение, даже если оно противоречит позиции официальной власти, которая часто ограничивает доступ к традиционным СМИ. То есть в данных обстоятельствах свобода слова перестаёт быть абстрактным понятием и приобретает зримые очертания. «Они стремятся к изменению смысловых кодов в государственных институтах и общественной практике, цель которых – защита или предложение особого образа жизни и мышления. В данном случае Интернет помогает этим движениям войти в контакт с теми, кто мог бы придерживаться подобных ценностей и с этих позиций воздействовать на сознание всего общества» [3, 165].

Возможно, эта борьба подтолкнула правительства некоторых стран к идее формирования новой модели государства – к созданию электронного правительства (e-government), доминирующей задачей которого является трансформация внутренних и внешних взаимоотношений на основе применения сетевых операций, информационных технологий и коммуникационных сетей. Среди наиболее успешных, функционирующих электронных правительств можно выделить правительства США, Европы, Малайзии, Мальты, Катара, Сингапура, Филиппин и других стран, которые были созданы, чтобы оптимизировать процесс предоставления государственными структурами услуг населению и бизнесу (т.е. свести к минимуму роль чиновничье-бюрократического аппарата), расширить степень участия всех избирателей в процессах руководства и управления страной, а также обеспечить открытость, подотчетность правительства – гражданам и граждан – правительству. Создание электронного правительства было обусловлено рядом причин: во-первых, возникла потребность в большей гибкости и мобильности в сфере фискальной политики, которую обеспечивает Интернет и способствует сокращению транзакционных издержек общения налогоплательщиков с налоговыми органами; во-вторых, количество людей, имеющих доступ к Сети, в настоящее время, составляет около 2 млрд чел., которые предпочитают электронные способы общения. Как следствие, государственные службы вынуждены реагировать на меняющиеся запросы потребителя, предоставляя ему более широкий спектр услуг и диверсифицированные формы их подачи; в-третьих, глобализационные процессы – ещё одна причина, почему правительства некоторых стран реагируют на технологические изменения, пытаясь соответствовать мировым тенденциям. Тем самым, учитывая вышеизложенное, можно сказать, что изменения в физическом и виртуальном мире затрагивают традиционные устои государственной деятельности. Новые технологии и Интернет, в частности, связывают правительство, рынки, общество. Кроме того, Интернет снижает роль посредников, позволяя тем самым избежать коррупции в государственном секторе, и увеличивает значение непосредственного общения, позволяя организовать его в реальном времени. «И можно говорить о демократизации процедур принятия решений в условиях цифровых технологий» [2, 118].

Резюмируя вышеизложенное, следует сказать, что Интернет сегодня играет важную роль в новой политической динамике, в эпоху «информационной политики», когда информация становится ценным общественным ресурсом, как и материальные знаки, и является основой любой деятельности. При этом благодаря Сети все получили относительно равные возможности для ведения своей политической или общественной деятельности, независимо от того, являешься ли ты членом правительства или какого-либо сообщества. Интернет предоставил возможность для осуществления диа- и поликоммуникаций, где любой участник общения становится креативным субъектом, в отличие от традиционных СМИ, когда характерной формой общения было общение в форме монолога. Высшее достижение Глобальной Сети – создание электронных правительств, которые возможно станут наиболее гармоничной моделью управления государством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов, Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0 / Д. В. Иванов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. – С. 108-109.
2. Кастельс, М. Галактика Интернет / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – С. 165.
3. Стрелец, И. А. Сетевая экономика / И. А. Стрелец. – М.: Эксмо, 2006. – С. 118.

Латина С. В.

КОНЦЕПТЫ «МАСКУЛИННОСТЬ» И «ФЕМИНИННОСТЬ» В АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ИХ ИССЛЕДОВАНИЕ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ НАУКЕ

Латина С. В.

S. V. Latina

КОНЦЕПТЫ «МАСКУЛИННОСТЬ» И «ФЕМИНИННОСТЬ» В АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ИХ ИССЛЕДОВАНИЕ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ НАУКЕ

‘MASCULINITY’ AND FEMININITY’ IN AMERICAN CULTURE AND THEIR STUDY IN ANGLO-AMERICAN SCIENCE

Латина Светлана Викторовна – аспирант Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, ассистент кафедры общего и профессионального английского языка (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, Россия, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Молодежная, 9/6; 8 924 228 5770. E-mail: lat-sveta@yandex.ru.

Svetlana V. Latina – PhD Candidate, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Assistant Lecturer at the Department of General and Professional English Studies (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 9/6, Molodezhnaya str., Komsomolsk-on-Amur, Russia, 681000; +7 (924 228) 5770. E-mail: lat-sveta@yandex.ru.

Аннотация. В данной статье делается попытка изучить содержание концептов «маскулинность» и «фемининность» в американской культуре и проследить изменение их объема. Труды классиков американской науки С. Бем, М. Мид, М. Киммела, Н. Смелзер помогают раскрыть понятия «маскулинность» и «фемининность» и приводят к выводу о том, что изменения в гендерной стратификации значительны. Данные изменения находят свое выражение в феминизации маскулинности и маскулинизации фемининности.

Summary. The paper attempts to examine the content of the concepts ‘masculinity’ and ‘femininity’ in American culture and trace changes of their scope. The works by the acclaimed American scientists S. Bem, M. Mid, M Kimmel, N. Smelzer help to understand the concepts ‘masculinity’ and ‘femininity’. A conclusion is made that changes in gender stratification have been significant. These changes manifest themselves in such processes as feminization of masculinity and masculinization of femininity.

Ключевые слова: маскулинность, фемининность, культура, концепт, гендерные исследования, американская культура, андрогиния, гендерное общество.

Key words: masculinity, femininity, culture, concept, gender studies, American culture, androgyny, gender society.

УДК 008

Задача данной статьи – рассмотреть содержание концептов «маскулинность» и «фемининность» в американской культуре и проследить изменение их объема.

Проблеме маскулинности и фемининности в американской культуре посвящены труды многих исследователей, в том числе Д. Гилмора, Р. Коннелла, И. Гоффмана, Ш. Берна и др. Когнитивный анализ концептов «маскулинность» и «фемининность» в англо-американской науке о культуре поможет понять их наполняемость и выявить их смысловые характеристики.

Маскулинность и фемининность – постоянно изменяющиеся концепты, содержание которых определяется взаимоотношениями индивидов друг с другом и с окружающим миром и зависит от изменений, происходящих в культуре; с целью определения их содержания обратимся к классическим исследованиям американской культуры в работах С. Бем, М. Мид, М. Киммела.

Американскую культуру зачастую определяют как *melting pot* (всестороннюю и многоликую), т.е. как своего рода плавильный котел, собравший воедино различные культуры. Само понятие было впервые использовано в начале XX в. еврейским писателем и драматургом Израэлем Зангвиллом, давшим название «Melting pot» своей пьесе. В его представлении Америка была тем плавильным котлом, в котором должна была родиться новая нация, объединенная общим стремлением к счастью, нация, в которой мужчина и женщина будут равны. Однако большинство исследователей культуры Америки подчеркивают ее андроцентризм.

Американская культура остается сделанной мужчинами для мужчин, отмечала С. Бем в 90-х гг. XX в. В такой культуре «с мужчиной обращаются как с человеком, а с женщиной – как с «другой» [1, 34]. В андроцентричной культурной традиции фемининность будет выступать как вторичная по отношению к маскулинности, занимающая нижнюю позицию.

По мнению американских исследователей М. Киммела, Ш. Берда, Н. Смелзер и других, образ *современных* американских мужчины и женщины до сих пор сводится к стереотипам, которые формировались и устанавливались с момента зарождения цивилизации Нового Света, то есть понятия «маскулинность» и «фемининность» являются исторически и культурно обусловленными. Кроме того, характеристики, наполняющие концепты «маскулинность» и «фемининность», являются социально конструируемыми, т.е. индивиды усваивают их содержание в процессе социализации. Объем данных понятий, сложившихся в актуальной культуре, может быть воспринят/не воспринят конкретным носителем культуры в зависимости от его расы, национальности, класса, возраста, образования, вероисповедания и других характеристик.

Историческая и культурная детерминированность концептов раскрывается в книге американского антрополога М. Мид.

Кросскультурное исследование М. Мид «Пол и темперамент в трех примитивных обществах», посвященное жизни примитивных племен, показывает, что характеристики маскулинности и фемининности не универсальны, вариативны. М. Мид ставит под сомнение распространное суждение о предназначении мужчин и женщин «от природы» для выполнения определенных ролей. Автором были исследованы культуры трех различных обществ: арапеша, мундугуморы и чамбули.

Арапеша характеризуются М. Мид как народ, и мужчинам и женщинам которого в одинаковой степени присущи такие свойства, как «<...> доброта, отзывчивость и стремление к сотрудничеству, они с готовностью заботятся о тех, кто моложе и слабее, и получают от этого наибольшее удовлетворение» [7, 134]. В отличие от арапешей мундугуморы описываются М. Мид враждебным, подозрительным и жестоким народом как в гендерном плане (во взаимоотношениях друг с другом), так и в отношении родителей к детям.

Мид, давая столь различные характеристики представителям племен, подчеркивает, что, тем не менее, у обоих народов отсутствует четкое закрепление определенного комплекса личностных качеств за мужским и женским полами, а также нет конкретного выделения «мужских» и «женских» обязанностей – разделения труда по половому признаку.

Автор отмечает, что в третьем племени – чамбули – существует такое разделение труда: женщины этого племени занимаются ведением хозяйства и дел, а мужчины посвящают себя искусству и праздничным церемониям. Интересно, что эти функции абсолютно отличны от функций мужчин и женщин в современном американском обществе.

Результаты исследования позволяют М. Мид сделать следующие выводы:

- содержание маскулинного и фемининного у арапешей и мундугуморов совпадает, так как гендерные различия в рассмотренных социумах не наблюдаются;
- в социальной среде арапешей и мужчинам, и женщинам свойственны доброта и понимание, а в обществе мундугуморов и мужчинам, и женщинам свойственно быть агрессивными и жестокими;
- мужской пол не противопоставляется женскому полу. Тем самым, подчеркивает М. Мид, невозможно утверждать, что такие свойства, как агрессия, ревнивость, жестокость и

Латина С. В.

КОНЦЕПТЫ «МАСКУЛИННОСТЬ» И «ФЕМИНИННОСТЬ» В АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ИХ ИССЛЕДОВАНИЕ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ НАУКЕ

лидерство характеризуют маскулинность, а доброта, забота, нежность и стремление к сотрудничеству непременно включены в концепт «фемининность»;

- в культуре племени чамбули при традиционном разделении труда между полами в понятие женского и мужского труда включается нетрадиционное содержание;

- анатомия и физиология пола не связаны с социальными ролями и не оказывают определяющего влияния на формирование содержания концептов «маскулинность» и «фемининность», они оказываются социальными и культурными конструкциями.

Дальнейшее изучение различных культур подтвердило выводы М. Мид о невозможности объяснения поведения мужчин и женщин только биологическим полом. Представления о неженственном/женственном и немужественном/мужественном могут варьироваться в различных культурах.

На современном этапе развития культуры образы мужчины и женщины меняются, а следовательно, претерпевает изменение и содержание концептов «маскулинность» и «фемининность» в англо-американской науке о культуре. Концепт «маскулинность» – понятие, наполняемое стереотипными чертами, представлениями, установками, фиксирующими роль и место мужчины в обществе, и его отличия от женщины. Стереотипно к чертам маскулинности относят торопливость и беспокойство, лидерство, способность конкурировать, нетерпение, силу, напористость, атлетичность, выражение гнева, агрессию. На сегодняшний день образ американского мужчины содержит следующие характеристики: это должен быть мужчина только белой расы, среднего возраста, имеющий высокий профессиональный статус, власть и финансовое благополучие. М. Киммел в своей книге «Гендерное общество» ссылается на И. Гоффмана, отмечавшего, что американский тип мужчины – это «<...> молодой, женатый, белый горожанин, с американского Севера, гетеросексуальный, протестант, отец, с высшим образованием, имеющий работу, хорошей внешности, с хорошим весом и ростом, недавно бывший хорошим спортсменом <...> Любой мужчина, не подходящий хотя бы под одну из этих квалификаций <...> видит себя <...> как мужчину несоответствующего и неполноценного» [3, 27].

Данный тип маскулинности американскими исследователями-социологами М. Киммелом и Ш. Бердом называется «гегемонным». Авторы утверждают, что быть мужчиной «по-американски» значит, прежде всего, отличаться от женщин, иметь атлетическое телосложение, быть сильным и надежным, обладать властью над «Другими», уметь контролировать ситуацию. Указанный тип маскулинности, по мнению М. Киммела, свойственен патриархатному обществу и считается образцом, идеалом и нормой мужской маскулинности. Для того чтобы соответствовать «гегемонной» маскулинности, мужчинам приходится неустанно доказывать свою мужественность перед женщинами, а особенно перед другими мужчинами. «Жизнь большинства американских мужчин находится в тисках, их повседневные интересы ограничены постоянной необходимостью доказывать своим близким и самим себе, что они не «девчонки» и не гомосексуалисты», – ссылается на Дж. Горера М. Киммел [4, 6-28]. Состояние постоянного напряжения вызывает у американских мужчин гомофобию – страх к тому, что их признают немужественными, не соответствующими критериям мужественности, «Другими». Под «Другими» понимаются мужчины другой расы, нетрадиционной ориентации, более низкого статуса и, в первую очередь, женщины.

Мужчин, не отвечающих требованиям «гегемонной» маскулинности, по словам австралийского социолога Р. Коннелла, можно охарактеризовать при помощи понятия «маргинализованная» маскулинность. Несмотря на то, что в современной Америке не все мужчины могут соответствовать такому идеалу как «гегемонная» маскулинность, они поддерживают

идею о том, что постоянное следование этому идеалу ставит их выше женщин, дает им власть, закрепляет за ними статус лидера и самоутверждает их.

При рассмотрении маскулинности необходимо учитывать не только ее историчность и этнокультурную специфику, но и ее множественность. Множественность предполагает наличие в обществе нескольких моделей маскулинности, располагающихся в иерархичной последовательности (М. Киммел, Ш. Берд). В современном обществе доминирует «гегемонная» маскулинность, маргинализированные модели маскулинности характерны для сексуальных, национальных, расовых меньшинств.

Характеристики, включающиеся в «маскулинность» и «фемининность», существуют в постоянном контрасте. Концепт фемининность включает в себя стереотипные характеристики, связанные с формами поведения, которых ожидают от женщин в данном обществе, такие, как эмоциональность, интуицию, готовность к сотрудничеству, готовность поддержать и выразить сочувствие, толерантность, заботу. Эти стереотипы очень устойчивы, но начинают ослабевать и меняться в связи с проникновением женщин во все сферы рынка труда, а также по причине того, что они становятся более конкурентоспособными.

Противоположностью «гегемонной» маскулинности в англо-американской науке о культуре является идеализированная женственность, которую Р. Коннелл определяет как «подчеркнутую женственность», «ориентированную на приспособление к интересам и желаниям мужчин» [3, 27]. Такая фемининность подразумевает эмоциональность, отзывчивость, большую общительность, заботу о детях, ведение домашнего хозяйства, так как считается, что женской сферой является дом – частная сфера. Публичная сфера – мужская прерогатива. Среди особых характеристик идеальной женственности Р. Коннелл выделяет обворожительность, нежность, эмпатию и умение «играть» по мужским правилам.

Гендерные стереотипы, формирующие концепт фемининности (такие, как слабость, пассивность, потребность в поддержке), вызывают у общества в лице мужчин предвзятое, снисходительное отношение к женщине. Женщина не рассматривается мужчинами как полноправный член общества, способный принимать участие во всех сферах жизни.

Под влиянием изменений, произошедших в социокультурной среде США за последние годы, содержание концепта «фемининность» претерпело модификацию и значительно расширилось. До XX в. женщина (как правило, белой расы) чаще всего исполняла роль домашней хозяйки и помощницы мужчины, а профессиональная сфера считалась только мужской. Современная американская женщина является полноправной участницей трудового процесса, занимая позиции в разных сферах рынка труда от низкооплачиваемой конторской и коммерческой работы до руководящих должностей.

Сегодня в Америке преимущественно женщины поступают в колледжи и университеты, прокладывая тем самым путь к успеху. Современные женщины становятся все более образованными и компетентными в областях знания. Другими словами, американка – это белая бизнес-леди, свободная, успешная, образованная, независимая, целеустремленная и знающая себе цену.

Однако изменения, произошедшие в политической сфере США в XXI в., внесли дополнительные коррективы в объем концепта «фемининность». В 2009 г. первой леди Соединенных Штатов становится чернокожая женщина. Складывавшиеся поколениями стереотипные представления об афроамериканках/афроамериканцах как о рабочей силе разрушаются. Первая леди Соединенных Штатов – это не просто икона стиля и моды, но и образец для подражания. В обществе формируются новые представления об афроамериканках и идеале американской женственности. В качестве идеала в XXI в. рассматривается не только женщи-

Латина С. В.

КОНЦЕПТЫ «МАСКУЛИННОСТЬ» И «ФЕМИНИННОСТЬ» В АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ИХ ИССЛЕДОВАНИЕ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ НАУКЕ

на белой расы, но и афроамериканка, обладающая такими качествами, как человечность, образованность, сочетание успешности в профессиональной сфере и в домашнем хозяйстве, готовность помочь менее защищенным (*расовым и сексуальным меньшинствам*). Данные качества дополняют содержание концепта «фемининность».

В связи с тенденцией смены ролей в современном обществе не менее важен и вопрос о феминизации маскулинности и маскулинизации фемининности. В американском социуме на современном этапе можно наблюдать стремление женщин построить свою карьеру с целью добиться успеха в профессиональной сфере и, как следствие, их отказ от своей женственности. Такая женщина может считать себя вполне фемининной, но при этом обладать маскулинными чертами, такими, как рациональность, спортивность и склонность к техническим видам профессиональной деятельности. Поэтому американку XXI в. следует рассматривать в качестве «двуполого» существа, сочетающего одновременно характеристики мужественности и женственности. Эту женщину-лидера мужчины не воспринимают как партнера в личных отношениях.

Мужчина также может испытывать склонность к «женским» занятиям вроде воспитания детей, шитья или приготовления пищи. В этом случае считается, что мужчина «теряет пол», и его перестают воспринимать как настоящего мужчину. Отсюда вывод, что маскулинность и фемининность – это конструкции, подверженные влиянию общественного мнения (*в особенности характеристики фемининности*).

Процессы феминизации маскулинности и маскулинизации фемининности способствуют обогащению концептов «маскулинность» и «фемининность» в англо-американской науке о культуре, но с разной интенсивностью. Особенно заметно наполняется концепт «фемининность», используя «*мужские*» характеристики: энергичность, напористость, эгоистичность, агрессивность, физическую силу. Этот процесс связан с тем, что американские женщины, занимая должности в традиционно мужских сферах, вынуждены демонстрировать маскулинное поведение, так как оно дает больше возможностей и преимуществ. Черты женского характера усваиваются мужчинами с трудом, так как мужчинам постоянно приходится доказывать свое мужское превосходство и, следовательно, концепт «маскулинность» наполняется новым содержанием значительно медленнее.

Подводя итоги, следует отметить, что:

1 Содержание концептов в американской культуре закрепилось более чем два столетия назад и к концу XIX в. включало в себя следующий комплекс свойств:

- маскулинность: предполагает агрессивность, эмоциональную холодность, самоуверенность, высокую самооценку – инструментальные характеристики и определяется доминированием и лидерством в отношениях;

- фемининность: предполагает эмоциональность, зависимость, слабость, пассивность, умение позаботиться о других – экспрессивные характеристики и определяется подчинением в отношениях.

2 На рубеже XIX – XX вв. изменения, происходящие в культуре, приводят к значительному расширению объема концепта фемининность, который в XX в. включает в себя такие маскулинные характеристики, как независимость, активность, энергичность, стремление к успеху, достижение цели, власть.

Изменение содержания концептов «маскулинность» и «фемининность» рассматривается в англо-американской науке следующим образом:

1 в культуре выделяются идеализированные типы маскулинности и фемининности – «гегемонная» маскулинность и, соответственно, «подчеркнутая» женственность, характерные в большей степени для культуры XIX в.;

2 в ходе изучения концептов «маскулинности» и «фемининности» характеризуются разные каноны маскулинности и фемининности; на сегодняшний день объем содержания концептов пересматривается и значительно расширяется.

В завершение исследования проблемы содержания и динамики концептов «маскулинность» и «фемининность» в американской культуре учеными осуществляются попытки прогнозирования ситуации в современной гендерной стратификации в евро-американской культуре, изменения в которой столь значительны, что находят свое выражение в феминизации маскулинности и маскулинизации фемининности. Данные процессы постоянно прогрессируют и могут привести к изменению полярности концептов «маскулинность» и «фемининность» (т.е. то, что было мужским, станет женским и наоборот) или к возникновению андрогинного социума или к уравниванию значения данных концептов, а такие характеристики, как нежность, забота, любовь, компетентность, уверенность, независимость будут характеризовать просто человеческие качества и будут одинаково доступны и мужчинам, и женщинам, т.е. одновременно наполнять как концепт «маскулинность», так и «фемининность».

Однако можно отметить, что на сегодняшний день все характеристики, наполняющие концепты «маскулинность» и «фемининность», располагаются в иерархической последовательности относительно друг друга, и именно поэтому современная американская культура продолжает оставаться маскулинной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бем, С. Л. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / С. Л. Бем; пер. с англ. – М., 2004. – 336 с.
2. Бёрд, Ш. Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках / Ш. Бёрд; пер. с англ. // Гендерные исследования. – 2006. – № 14. – С. 5-33. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gender.univer.kharkov.ua/gurnal-014.shtml>
3. Киммел, М. Гендерное общество / М. Киммел; пер. с англ. – М., 2006. – 464 с.
4. Киммел, М. Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности / М. Киммел; пер. с англ. // Гендерные исследования. – 2006. – № 14. – С. 6-28. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gender.univer.kharkov.ua/gurnal-014.shtml>
5. Кон, И. С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире / И. С. Кон. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ihtik.lib.ru/>
6. Мишель Обама – образ современной афроамериканки. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.america.gov/st/society-russian/2009/January/20090127131910BErehelleK0.4763147.html>
7. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер; пер. с англ. – М.: Феникс, 1998. – 688 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.scepsis.ru/library/>
8. McDonogh, Gary W. Encyclopedia of contemporary american culture / Gary W. McDonogh, Robert Gregg, and Cindy H. Wong. – London, 2001. – 1330 p.

Филипова А. Г.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ И ЗАЩИТА ДЕТСТВА

Филипова А. Г.

A. G. Filipova

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ И ЗАЩИТА ДЕТСТВА

PUBLIC INITIATIVE IN RURAL AREAS AND PROTECTION OF CHILDHOOD

Филипова Александра Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: alexgen77@list.ru.

Alexandra G. Filipova – PhD in Historical Studies, Associate Professor, Department of Social Work, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: alexgen77@list.ru.

Аннотация. Современное село находится на грани вымирания. Закрыты основные производства, разрушена социальная инфраструктура, деградирует население. Все это отрицательно сказывается на детстве, которое лишено качественного медицинского обслуживания, развивающей социальной среды. Большинство сельских семей находятся за чертой бедности. В Хабаровском крае возрождением села занялась благотворительная организация «Зеленый дом». Реализация ею проекта «Сообщества и альянсы на муниципальном уровне» способствовала становлению сельских активистов, формированию концепций развития сел, образованию социальных партнерств «сельские администрации – инициативные группы».

Summary. Modern Russian rural villages are at the brink of extinction. All key production facilities have been closed or bankrupt, social infrastructure ruined, population degrading. These tendencies have had a negative effect on children who have no access to high quality medical services and are left without healthy social environment they badly need for their personal and social development. The majority of rural families live beyond the poverty line. The charitable organization "Green house" has been directing its efforts at the revival of rural villages in the Khabarovsk region. Its initiative project "Communities and Partnerships at the Municipal Level" has been supporting rural activists and programs that endorse countryside recovery and development. Emphasis has also been placed on the task of promoting social partnerships in the form of "rural administrations - initiative groups".

Ключевые слова: село, детство, социальная инфраструктура, общественный сектор, социальное партнерство, социальная защита.

Key words: village, childhood, social infrastructure, public sector, social partnership, social protection.

УДК 316.354

Реформирование социальной сферы в современных условиях базируется на трех ресурсных источниках – государстве, общественном секторе и бизнесе. Однако вопрос о том, каково оптимальное соотношение этих трех составляющих, до сих пор не решен. В 1990-е гг. в нашей стране произошел переход от патерналистской модели социальной политики к адресной модели с акцентированием социальной ответственности семьи. Как показывает практика, для населения, привыкшего полагаться на поддержку государства, реализация концепции самозащиты оказалась пока непосильной задачей (см. прим. 1). Для защиты семьи и выработки у нее ориентации на самосохранительное поведение требуется объединение усилий трех вышеозначенных секторов – государственного, общественного и коммерческого. Поэтому государственные программы, являясь основой социальной политики, предполагают

привлечение «третьего» сектора к оказанию услуг и формированию гражданского общества, а также бизнеса как сектора, располагающего финансовыми ресурсами и материально-технической базой. Развитие межсекторных взаимодействий идет по пути социального партнерства.

Главное отличие некоммерческих организаций от коммерческих заключается в социальной ориентированности первых и невозможности осуществления ими деятельности, ориентированной на получение прибыли, в качестве основной. *Предназначение НКО* – реализация деятельности в целях, направленных на достижение общественных благ, в частности, социальных, благотворительных, образовательных, научных и управленческих целях, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи и других с учетом организационно-правовых форм НКО (см. прим. 2).

В Послании Федеральному Собранию (от 30 ноября 2010 г.) Д. А. Медведев обращает внимание на необходимость активного подключения некоммерческих организаций к оказанию социальных услуг населению: «Они зачастую лучше знают ситуацию на местах, чем даже органы власти, имеют уникальный опыт и помогают людям, которые попали в трудную ситуацию».

НКО выявляют болевые точки социальной сферы и работают над их устранением. Одной из таких точек оказалось село, находящееся на грани вымирания в связи с закрытием основных производств, разрушением социальной инфраструктуры, деградацией населения. Из-за высоких цен на корма и низких закупочных цен на готовую продукцию сельские жители отказываются от ведения индивидуальных подсобных хозяйств, оставляя себе только небольшие участки под личные нужды. На парадоксальность ситуации обращает внимание Г. Г. Силласте: «В сельскохозяйственных организациях работают меньше 3 млн человек, в то время как живут в сельской местности около 37 млн жителей... Деревни стареют и умирают. Причем, не только на севере страны, но и на теплом юге. Сдавать металлолом в сельской местности выгоднее, чем работать на земле, выращивать картошку или доить коров» [4, 28].

Основной, почти не решаемой проблемой сельских районов остается бедность населения. Как отмечается в федеральной целевой программе «Развитие села до 2010 года», в крайне тяжелом состоянии находится сельский жилищный фонд: водопроводом оборудовано 42 % сельского жилищного фонда, центральным отоплением – 44 %, канализацией – 32 %, горячим водоснабжением – 20 % площади сельских жилых помещений.

В Хабаровском крае, где села занимают более половины территории, ситуация усугубляется тяжелыми природно-климатическими условиями, удаленностью от центра России. По данным регионального исследователя, руководителя общественной организации «Зеленый дом» С. А. Плешакова, за чертой бедности в каждом селе края находятся от 96,5 до 65 % населения. Бедность сельского населения обусловлена не только закрытием инфраструктурных и градообразующих предприятий, сокращением сельскохозяйственного производства, слабой и бесконтрольной государственной протекционистской политикой в отношении китайских сельскохозяйственных производителей, но и вымыванием активных жителей (в связи с их переездом в города и за пределы края), неготовностью сельских и районных глав организовывать процессы развития и привлекать потенциал населения. Бюджеты вновь созданных сельских муниципальных образований являются абсолютно дотационными, в них нет статьи на развитие, а только минимальные средства для решения проблем аварийного плана [2, 58].

Данные табл. 1 демонстрируют неутешительную тенденцию сокращения личных подсобных хозяйств в Хабаровском крае. Содержание приусадебного участка, домашней птицы, скота оказывается затратным даже для собственных нужд, не говоря уже о сфере общественного питания.

Таблица 1

Личные подсобные хозяйства в Хабаровском крае (на конец года) [3, 8]

Характеристики	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Число семей, тыс.	73,5	71,8	68,1	67,8	67,5
Площадь, тыс. га	19,6	19,0	19,6	19,1	17,7
В среднем на одну семью, га	0,27	0,26	0,29	0,28	0,26

Однако удельный вес сельскохозяйственной продукции, выращенной в хозяйствах населения, с 2003 по 2007 гг. вырос на 2,8 %, что говорит о еще более значительном сокращении производства в фермерских хозяйствах и сельскохозяйственных организациях (см. табл. 2).

Таблица 2

Структура продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств
(в фактически действовавших ценах в % к итогу) [1, 4]

Категории хозяйств	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели	1,3	1,7	1,5	1,4	1,2
Хозяйства населения	71,2	68,9	69,5	73,3	74,0
Сельхозорганизации	27,5	29,4	29,0	25,3	24,8

Сокращение сельскохозяйственного производства обусловлено его высокой затратностью и отсутствием серьезных финансовых вложений в отрасль. Оплата труда в сельском хозяйстве оказывается ниже, чем в других отраслях, и составляет по отдельным территориям Дальнего Востока от 35 до 70 % к средней по народному хозяйству (в Хабаровском крае – 61 % по данным 2004 г.) [8, 23-24].

Задача финансирования социальной сферы из местного бюджета зачастую приводит к отказу администраций сельских муниципальных образований не только от финансирования строительства нового жилья, больниц, школ, но и от содержания уже имеющихся учреждений. В результате происходит постепенное разрушение социальной инфраструктуры села, вызванное как недостаточной финансовой поддержкой, так и сокращением численности сельских жителей. Закрываются малокомплектные школы, детские сады, укрупняются медицинские учреждения, «хиреют» учреждения культуры. Все это влечет за собой новые проблемы. Например, закрытие дошкольных образовательных учреждений кроме неподготовленности детей к школьному обучению создает проблему занятости для женщин, которым не с кем оставить ребенка.

Картину значительного сокращения учреждений социальной инфраструктуры на селе демонстрируют данные табл. 3.

Таблица 3

Учреждения социально-культурного назначения в сельской местности
Хабаровского края [5, 18]

Учреждения	2004 г.	2006 г.	2008 г.
Число общедоступных библиотек	236	231	189
Число учреждений культурно-досугового типа	246	238	235
Число дневных общеобразовательных учреждений (на конец года)	238	224	211
Число дошкольных образовательных учреждений в сельской местности	190	191	191

Как видно из табл. 3, всего за 4 года (с 2004 по 2008 гг.) в сельской местности Хабаровского края были закрыты 27 школ, 47 библиотек, 11 культурно-досуговых учреждений.

Стабилизация рождаемости в 2000-е гг. привела к низкой обеспеченности детей в возрасте от 1-6 лет местами в сельских дошкольных учреждениях. Так, в 2007 г. в крае на 1000 детей приходилось 612 мест в городской местности и 571 – в сельской местности, охват детского населения в городе составлял 61,2 %, на селе – 44,9 %.

В сельской местности по сравнению с городом значительно острее стоит проблема «детей вне образования». Данные социологических исследований к основным причинам непосещения школы сельскими детьми школьного возраста относят отсутствие в семье денег на учебники, одежду, обувь, а также трудовую занятость детей и подростков как в личном подсобном хозяйстве, так и по найму, что опять-таки говорит о тотальной нищете российской деревни [6, 23].

Распространение алкоголизма среди сельских жителей, снижение качества медицинской помощи – эти факторы являются ведущими в сокращении продолжительности жизни и ухудшении состояния здоровья детей в сельской местности.

Анализ состояния социальной сферы на селе позволяет констатировать сужение социального пространства детства, помехи в реализации его потенциала. Разрешение проблем детства в сельской местности необходимо рассматривать в связке «возрождение сельскохозяйственного производства – восстановление социальной инфраструктуры детства». Пока же мы наблюдаем закрытие объектов социального и культурного назначения, массовые миграции из села в город, запустение и вымирание целых деревень.

Конечно, проблемы на селе невозможно решить без значительных финансовых вложений, но помимо экономических ресурсов важно задействовать ресурсы человеческие, которые пока находятся в состоянии спячки или беспробудном пьянстве. В конечном счете «быть или не быть селу» решают его жители.

В Хабаровском крае активизацией социального потенциала жителей сельских муниципальных образований занялась *Хабаровская краевая благотворительная общественная организация «Зеленый Дом»*.

Организация «Зеленый Дом» работает в области сельского развития Хабаровского края с 1996 г. Основным методом работы является прямая и косвенная поддержка наиболее активных сельских жителей, районных общественных организаций, сельских и районных администраций. *Прямая поддержка* осуществляется в формах: содействия образованию сельских активов, помощи в разработке и реализации проектов, концепций развития сел, привлечения и аккумулирования финансовых средств. *Косвенная поддержка* ориентирована не на жителей, а на местные органы власти и предполагает их информационное включение в социальные партнерства с НКО.

«Зеленым Домом» был реализован ряд проектов, подразумевающих информационную, финансовую, научно-методическую поддержку сельского развития. Один из проектов – «Сообщества и Альянсы на Муниципальном уровне» (САМ), финансируемый Агентством США по международному развитию, был сосредоточен на 7 целевых районах Хабаровского и Приморского краев.

«Зеленым домом» разработана специальная образовательная программа обучения мастеров сопровождения – сотрудников некоммерческих организаций, состоящих в штате районных ресурсных центров. Мастера сопровождения занимались образованием сельских активов, содействовали соединению потенциала инициативного населения с административным ресурсом (включение в сельский актив главы села, согласование направлений деятельности актива с районным муниципалитетом), участвовали в разработке концепции развития села, вели работу по преодолению психологических барьеров, оказывали помощь в проведении маркетинговых исследований, бизнес-планировании и др.

Алгоритм работы по активизации гражданских инициатив в сельских поселениях включал четыре этапа (см. табл. 4), начиная с выдвижения лидеров и создания инициативных групп и заканчивая функционированием региональных союзов.

Реализация программы «Сообщества и альянсы на муниципальном уровне» началась в 2007 г. *Первый этап* завершился созданием в 42 поселениях Хабаровского и Приморского краев инициативных групп, которыми были реализованы 56 социально значимых проектов. В результате в селах появились аллеи Памяти и обелиски погибшим воинам, новые стадионы, детские игровые площадки, спортивные клубы и клубы по интересам, сельские музеи и игротеки, хореографические, театральные, музыкальные и изостудии, были возрождены и благоустроены парки, проведены массовые экологические мероприятия и творческие фестивали, проводилась работа по сохранению и пропаганде декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Севера.

Таблица 4

Алгоритм активизации общественных инициатив на селе

1-й этап «разведка»	Поиск активных людей в селах (реализация мини-грантов), выявление лидеров;
	выбор фокусных сел, в которых выявились лидеры и образовались устойчивые инициативные группы
2-й этап «стратегическое планирование»	Разработка в фокусных селах концепций развития сел;
	разработка целевых проектов в рамках концепций;
	реализация проектов и становление из инициативных групп сельских активов;
	сближение сельских активов через районные рабочие встречи, общие ежегодные конференции;
	объединение сельских активов в районные альянсы
3-й этап «лоббирование»	Разработка на общих площадках альянсами и администрациями районов концепций развития районов в нескольких направлениях при учете потенциала активного населения, его самоорганизации;
	разработка и лоббирование региональных программ поддержки местного самоуправления в муниципальных районах;
	разработка проектов в рамках концепций развития сел и районов
4-й этап «социальное партнерство»	Совместная реализация проектов в рамках концепций развития сел и районов муниципалитетами, НКО и населением;
	объединение районных альянсов в региональные союзы;
	подведение под инициативы районных альянсов сельских активов и региональных союзов бюджетных возможностей регионов, включение потенциала населения и программного опыта в планы развития регионов

Анализ 39 проектов Хабаровского края, поддержанных «САМ» на первом этапе, показал их ориентированность на решение *социальных проблем детства*. Так, 29 проектов были направлены на восстановление социальной инфраструктуры детства, воспитание детей и подростков, профилактику социально обусловленных заболеваний, поддержку социальных инициатив детей и молодежи, активизацию их потенциала. Генераторами сельских инициатив, по существу, стали школы и культурно-досуговые центры, которыми были разработаны около 70 % проектов. В числе других инициативных групп: детский сад (1 проект), спортивный клуб (1 проект), молодежный центр (1 проект), инициативные группы сельских поселений, в т.ч. группа молодежи (3 проекта), общественная молодежная организация и неком-

мерческое партнерство (2 проекта). Эти данные говорят о слабой развитости некоммерческого сектора в сельской местности, отсутствии зарегистрированных и реально действующих общественных организаций. В отличие от города, где гражданская инициатива зреет в недрах некоммерческого сектора, на селе социальную активность жителей сельских поселений стимулируют муниципальные учреждения, на базе которых формируются инициативные группы.

Итак, проекты первого этапа программы направлены на решение проблем современного села – сохранение социальной инфраструктуры детства, преодоление социальной пассивности основной части населения, сохранение культурно-исторического наследия и др. В табл. 5 представлено распределение проектов по целям и рангу.

Таблица 5

Группирование проектов первого этапа программы «САМ»

Цель проекта	Количество проектов	Ранг
Сохранение и изучение исторического наследия	4	2
Развитие добровольчества	2	4
Организация досуга детей (хобби-центр, игротека, кукольный театр)	4	2
Формирование представлений о здоровом образе жизни	2	4
Возрождение национального искусства (национальная игрушка, хореография)	3	3
Профилактика детского травматизма на дорогах	1	5
Создание спортивных площадок	5	1
Создание молодежной общественной палаты	1	5
Организация и проведения фестиваля творческих коллективов «Мы вместе»	1	5
Решение экологических проблем (очистка рек, озеленение районов, патрулирование мест свалок)	4	2
Благоустройство двора (создание детского городка)	2	4

На втором этапе программы «САМ» велась работа по созданию концепций развития сел, которая потребовала от участников специальных знаний. Поэтому в рамках программы был объявлен конкурс проектов на тему «Образовательная поддержка групп развития фокусных поселений». Образовательные проекты были направлены на предоставление знаний, необходимых для активного участия в решении актуальных проблем местных сообществ, а именно организацию муниципального туризма, охрану окружающей среды, развитие экономики сельских поселений, улучшение общественного имиджа организаций, создание собственных СМИ, просвещение в области государственной регистрации и деятельности НКО, вовлечение молодежи в общественно значимую деятельность [7, 30-31].

В рамках второго этапа программы «САМ» 23 сельских поселения получили статус фокусных, было профинансировано 46 проектов, из них 16 инвестиционных – по запуску коллективных сельских производств (дома бытовых услуг, столярные и сувенирные мастерские, бригады по ремонту жилья, сельхозкооперативы и товарищества и пр.).

Из 23 проектов, представленных инициативными группами и организациями Хабаровского края и получившими поддержку программы, 20 были связаны с поддержкой детей и молодежи, вовлечением их в общественно полезную деятельность на селе.

Социальные проекты второго этапа преимущественно ориентированы на сохранение здоровья населения, выработку навыков здорового образа жизни, в том числе посредством создания условий для занятий физической культурой и спортом (строительство спортивных стадионов, оборудование спортивных площадок, проведение спартакиад). Продолжается работа по благоустройству, озеленению сел, поддержанию экологического баланса с природной средой. Отдельные проекты направлены на формирование досугового пространства детей и молодежи (центры, парковые зоны, игровые зоны), патриотическое воспитание подрастающего поколения, развитие молодежного движения. Непосредственное отношение к социально уязвимым категориям детей – в лице детей-сирот – имеет только один проект – «Островок тепла», связанный с благоустройством игровой зоны для детей дома малютки. По числу проектов лидируют спортивное, культурно-досуговое и оздоровительное направления (см. табл. 6).

Таблица 6

Группирование проектов второго этапа программы «САМ»

Цель проекта	Количество проектов	Ранг
Пропаганда здорового образа жизни	3	3
Развитие молодежного движения (создание молодежной палаты)	1	5
Организация досуга детей, их творческого развития	4	2
Поддержание экологии села	2	4
Создание спортивных площадок, спортивно-экологического лагеря	6	1
Патриотическое воспитание детей и молодежи	2	4
Озеленение района, благоустройство парковой зоны	2	4

Для информирования, обучения общественных активистов, обмена опытом и поиска единомышленников общественная организация «Зеленый дом» в рамках реализации программы «Сообщества и альянсы на муниципальном уровне» начала издавать одноименный журнал с периодичностью 1 раз в квартал, тиражом в 999 экземпляров.

С целью выявления направленности сельских инициатив на социальную защиту детства были проанализированы журналы «Сообщества и альянсы на муниципальном уровне» за период с 2007 по 2010 гг. Единицами анализа стали журнальные рубрики и названия статей. Они позволили выделить ведущие функции журнала – информационную, коммуникативную, образовательную, а также поддерживающую.

Основные рубрики журнала:

- «Вести из ресурсных центров» (презентуют социальные проекты сельских инициативных групп и организаций и действия по их реализации, т.е. воссоздают «истории успеха»);
- «Информация о конференциях, семинарах, формах грантовой поддержки» (для инициативных групп журнал выступает источником информации о предстоящих конкурсах, семинарах, тренингах);
- «Фонд Форда» и «Фонд «Устойчивое развитие»» (представляют программы этих организаций, раскрывают опыт деятельности данных организаций по активизации гражданских инициатив);
- «Власть и общество» (раскрывает проблемы и перспективы социального партнерства НКО и государства);

- «Территория добра» (рассказывает о социальных акциях, реализованных в крае, таких, как: помощь детям из онкологического центра, сбор средств для бездомных, весенняя неделя добра, день открытых дверей в НКО, неделя «Ваши права» (общественные организации рассказывали всем желающим об их правах в области ЖКХ, защиты материнства и детства, защиты прав инвалидов и др.) и т.д.);

- «Урок истории» (посвящена опыту развития местного самоуправления).

Тематический анализ статей журнала «Сообщества и альянсы на муниципальном уровне» позволил выделить приоритетные направления сельского развития: реанимация сельского хозяйства («Энергосбережение – на муниципальный уровень!», «Эльбан будет процветать!», «В селе Шереметьево появился мясной модуль», «В селе появилось собственное производство»), восстановление инфраструктуры, активизация сельского населения («Мир принадлежит оптимистам», «Кто, если не я?», «Под лежащий камень вода не потечет», «Время активных людей»), решение экологических проблем («Амур: проблемы и перспективы», «Спасем амурского тигра», «Зеленая» культура»). Авторы предлагают технологии работы с селом («Институт сельского сопровождения необходим», «Социальное проектирование – шаг в будущее», «От лучших практик – к стратегическому развитию») и формулу успешного сельского развития: «Инициатива + поиск, творчество, опыт = развитие».

Преодоление лени, пассивности, безразличия – главные задачи программы поддержки сельских инициатив («Глаза боятся, а руки делают», «Под лежащий камень вода не потечет», «Когда изменяемся мы, изменяется мир!»); важно «не получить от кого-то помощь, а самостоятельно достичь результата».

Большинство журнальных публикаций имеет позитивный, стимулирующий характер («Деревня со счастливым лицом», «Где родился, там и пригодился», «Ты не один»). Если же в статье говорится о проблемах сельского сообщества, то одновременно предлагаются варианты их разрешения, например анализируется опыт других регионов, зарубежных организаций.

В настоящее время программа «Сообщества и альянсы на муниципальном уровне» завершена. Фокусные села перешли на новый уровень – в них открыты малые производства, сформирован сельский актив, созданы условия для развития детей и молодежи, восстановлены игровые площадки, стадионы и парковые зоны. Теперь перед селами, участвующими в эксперименте, стоит задача – не утратить обретенных позиций и развиваться дальше, распространяя свой опыт на соседние районы края.

Деятельность общественной организации «Зеленый Дом» при значительной финансовой поддержке американского сообщества показала, что профессиональное сопровождение сельских инициатив, развитие малых производств в состоянии снизить уровень дотационности села, сформировать собственные источники развития.

Таким образом, общественный сектор с его новыми технологиями, творческим потенциалом, зарубежной поддержкой простимулировал выход отдельных сел из застоя. Однако успешность деятельности НКО зависит не в последнюю очередь от сотрудничества с органами местного самоуправления и коммерческими организациями.

Реанимация села важна не только для восстановления сельского хозяйства, но и для сохранения населения в Хабаровском крае. Как было отмечено ранее, важное место в деятельности общественных организаций на селе отведено детям и молодежи. Были выделены две группы социальных проектов программы «САМ»: в одной из них дети и молодежь выступают в качестве *целевой аудитории* (получателей социальной помощи), а во второй – в качестве *стержневой* (со-организаторы работы, соисполнители проектов). Во многих проектах происходит слияние эти двух групп: дети создают социальные блага для самих себя -

участвуют в благоустройстве детского сада, озеленении собственного двора, строительстве детской площадки и т.д.

Сельский социум является благодатной почвой для взращивания общественных организаций в связи с существующими тесными социальными связями, высоким уровнем неформальной поддержки селян. В таких условиях сельские жители чаще обращаются за помощью друг к другу, чем к государственным структурам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вклад хозяйств населения в развитие сельскохозяйственного производства: Аналитическая записка. – Хабаровск, 2008. – С. 4.
2. Плешаков, С. А. Сопровождение села. Модель сельского развития / С. А. Плешаков. – Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2008. – 440 с.
3. Сельскохозяйственная деятельность хозяйств населения в крае: сб. ст. – Хабаровск, 2008. – С. 8.
4. Силласте, Г. Г. Социально-педагогическая характеристика поселенческой структуры городского и сельского социумов современной России: Аналитический доклад / Г. Г. Силласте. – М.: ИСП РАО, 2010. – С. 28.
5. Социально-экономическое положение городов и районов Хабаровского края. 2008: сб. – Хабаровск, 2009. – 242 с.
6. Староверов, Б. И. Результаты либеральной модернизации российской деревни / Б. И. Староверов // Социологические исследования. – 2004. – № 12. – С. 34.
7. Учиться, учиться и еще раз учиться // Сообщества и альянсы на муниципальном уровне. – 2008. – № 6. – С. 30-31.
8. Шелепа, А. С. Дальневосточное село: состояние и организационно-экономические проблемы развития: моногр. / А. С. Шелепа. – Хабаровск: ХГАЭП, 2006. – С. 23-24.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. следующие работы: Михалева, Р. И. Совершенствование системы принципов и методов управления некоммерческими организациями: моногр. / Р. И. Михалева, В. Н. Парахина, С. В. Панасенко. – Ставрополь, 2003; Межсекторное социальное партнерство (государство – бизнес – некоммерческие организации): учеб.-метод. пособие / сост. В. Н. Якимец. – М., 2002; Либоракина, М. И. Третий сектор: концепции и их сравнение // Гражданские инициативы и будущее России / под ред. М. И. Либоракиной и В. Н. Якимца. – М., 1997; Либоракина, М. Социальное партнерство: заметки о формировании гражданского общества в России / М. Либоракина, М. Флямер, В. Якимец. – М., 1996; Якимец, В. Н. Некоммерческие организации России: динамика роста, проблемы развития, место и роль в реформе социальной сферы // Гражданское общество: первые шаги / под ред. А. Ю. Сунгурова. – СПб., 1999.
2. П. 2. ст. 2 ФЗ «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ.

Новиков Д.В.
D. V. Novikov

«ЛИШНИЕ ЛЮДИ» КАК НЕОБХОДИМЫЙ РЕСУРС SELF-EXPANSION OF CAPITAL

«SUPERFLUOUS MEN» AS A NECESSARY RESOURCE FOR THE SELF-EXPANSION OF CAPITAL

Новиков Денис Викторович – кандидат политических наук, доцент кафедры философии, социологии и связей с общественностью Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре), 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27.

E-mail: novikovdeniska@rambler.ru.

Mr. Denis V. Novikov - PhD in Political Science, Associate Professor at the Department of Philosophy, Sociology and Public Relations, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur). E-mail: novikovdeniska.

Аннотация. Цель настоящей статьи – исследование каузальных оснований, лежащих в основе существования в современном капиталистическом обществе «массы» («лишних людей»). Гипотеза автора заключается в том, что сущностно так называемые «лишние люди» («масса») являются важнейшим составным элементом капиталистического общества, создающим благоприятные условия для поддержания бесперебойности процесса накопления капитала. Постулируемое же элитологией положение о функциональной избыточности «массы» составляет наукообразный миф, формирующий ложное сознание и тем самым способствующий затушевыванию основного противоречия капиталистического общества.

Summary. The main goal of this article is to study the causal basis underlying the existence "the masses" ("superfluous men") in a modern capitalist society. The hypothesis of the author is that essentially the so-called "superfluous men" ("masses") is a vital element of the capitalist society that contributes to the creation of favorable conditions for maintaining the continuity of the process of capital accumulation. The position of elitology that these "masses" are redundant may be called a pseudo-scientific myth that generates false consciousness and thus contributes to the blurring over of the basic contradiction of a capitalist society.

Ключевые слова: К. Маркс, «лишние люди», элита, «масса», капитал, переменный капитал, постоянный капитал, безработица, саморасширение капитала.

Key words: Karl Marx, "superfluous men", the elite, "masses", capital, variable capital, constant capital, unemployment, self-expansion of capital.

УДК 323.381

Важной приметой нынешнего времени является элитарность. Со всех сторон обывателя окружают «избранные». В политике они предстают в качестве достойных, лучших, отборных индивидов, призванных на своих плечах нести тяжкое и непосильное (для электората) бремя управления. В экономике они являются в виде «капитанов» социально ответственного бизнеса, спасающих на своих «бизнес-кораблях» «простых смертных» от «бушующей стихии» рынка. Наконец, в сфере культуры они выступают в качестве различного рода модных писателей, «властителей дум», «селебрити», «штучных образцов» и т.д.

Остальная часть общества именуется массой (народом, толпой, электоратом). Масса – это антипод элиты, её, как любят выражаться представители постмодернистского философ-

ского дискурса, бинарная оппозиция. Поэтому она повторяет все характеристики элиты только лишь с приставкой **не-** (**нетворческая, аполитичная, безответственная** и т.п.). Масса – это «лишние люди». Это члены общества, обитающие в социальной «пустыне», лишённые не только экономических, социальных, политических, духовных ресурсов, но также осмысленности собственного существования. Единственным назначением данной социальной группы является то, что она выступает в качестве фона, на котором в выгодном для себя свете предстаёт элита. При этом ущербность и «избыточность» массы постоянно подчёркивается. На уровне явления создаётся видимость того, что элита существует для того, чтобы решать проблемы массы. Так возникает миф о творческом, конструктивном меньшинстве и пассивном косном большинстве.

В целях научной легитимизации указанного явления на рубеже XIX-XX вв. в политической науке появляется даже особое направление под названием элитология, как раз и призванное создать и рационально обосновать миф о естественном (природном), а значит и внесоциальном разделении общества на элиту и массу.

Цель настоящей статьи – исследование **каузальных** оснований, лежащих в основе существования в современном капиталистическом обществе «массы» («лишних людей»). Гипотеза автора заключается в том, что сущностно так называемые «лишние люди» («масса») являются важнейшим составным элементом капиталистического общества, создающим благоприятные условия для поддержания бесперебойности процесса накопления капитала. Постулируемые же элитологией положения о естественном (внесоциальном) разделении общества на элиту и «массу» («массы»), о функциональной избыточности «массы», её «ненужности» составляют наукообразный миф, формирующий ложное сознание и тем самым способствующий затушевыванию основного противоречия капиталистического общества.

Результативность научного исследования зависит, в первую очередь, от правильно выбранного метода. Метод, по существу, является «ключом», способным распахнуть «двери» в мир истины, сделать её (истину) понятной и доступной. При этом необходимо понимать, что так же, как и неверно подобранный ключ не способен открыть замок, так и ошибочно выбранный метод заведёт учёного в тупик, ещё дальше отодвинув от него достижение исследовательской цели.

По мнению некоторых исследователей, в современной политологии существует две парадигмы познания: основная («господствующая») и альтернативная [4, 95]. Каждая из них обладает своим собственным «углом зрения» на политическую реальность, что вполне закономерно приводит к различным познавательным результатам.

Основу первой парадигмы составляют перенесённые на политическую реальность принципы позитивизма. Согласно им, политические явления и процессы рассматриваются в качестве самостоятельных (и, по существу, автономных) фактов общественной жизни. При этом объяснение данных фактов осуществляется главным образом через обращение к другим подобным фактам. Важная черта парадигмы основного направления – её неисторический характер, благодаря которому политические явления и процессы рассматриваются в узких дисциплинарных рамках [4, 109].

Базис альтернативной парадигмы – диалектико-материалистическая теория К. Маркса (см. прим. 1). В отличие от «господствующей», альтернативная парадигма исходит из целостного взгляда на политику, как на сферу, тесно взаимосвязанную и взаимодействующую с другими элементами общественной жизни и, в первую очередь, с экономикой. Трактующая как средство разрешения противоречий политика сама в полной мере ими обладает.

Подобные онтологические особенности закономерно формируют гносеологическое «кредо» альтернативной парадигмы. Политические явления и процессы понимаются здесь не в качестве «феноменов», но в качестве детерминированных (и детерминирующих, хотя и в меньшей степени) социально-экономическим контекстом фактов. Кроме этого, целостность данной парадигмы влечёт за собой направленность исследователя не на описание политиче-

ских явлений и процессов (что очень характерно для парадигмы основного направления), а на выяснение их каузальной основы и раскрытие противоречий.

Достижение вышеуказанной цели закономерно предполагает обращение к познавательному потенциалу альтернативной парадигмы. Подобная избирательность обусловлена тем, что анализ проблемы «лишних людей», с позиции парадигмы основного направления *de facto*, лишь описывает данное явление, не вскрывая тем самым его каузальных оснований (см. прим. 2).

Применим марксистскую методологию для достижения исследовательской цели.

Хрестоматийная марксистская трактовка капитала понимает последний в качестве самовозрастающей стоимости. К. Маркс пишет: «...у капитала одно-единственное жизненное стремление – стремление возрастать» [1, 244]. Данная тенденция представляет собой основной закон капитализма – закон стоимости.

Одним из последствий реализации данного закона является изменение стоимостной структуры капитала, связанное с изменением соотношения его постоянной и переменной составляющих. В этой связи К. Маркс указывает: «накопление капитала...осуществляется в непрерывном качественном изменении его строения, в постоянном увеличении его постоянной составной части за счёт переменной» [1, 643]. В ходе развития капитализма, в связи с прогрессом технологии, повышением производительности труда «отношение постоянной части капитала к переменной изменяется таким образом, что если первоначально оно составляло 1:1, то потом оно превращается в 2:1, 3:1, 4:1, 5:1, 7:1 и т.д., так что, по мере возрастания капитала, в рабочую силу последовательно превращается не 1/2 его общей стоимости, а лишь 1/3, 1/4, 1/5, 1/6, 1/8 и т.д., в средства же производства – 2/3, 3/4, 4/5, 5/6, 7/8 и т. д.» [1, 643].

Относительное уменьшение доли переменного капитала закономерно влечёт за собой падение спроса на труд. В результате происходит образование так называемой «промышленной резервной армии» («лишних людей»). К. Маркс по этому поводу отмечает: «...капиталистическое накопление постоянно производит...относительно избыточное по сравнению со средней потребностью капитала в возрастании, а потому излишнее или добавочное рабочее население» [1, 644].

«Промышленная резервная армия», по мнению К. Маркса, является не только итогом, но и функциональным условием саморасширения капитала. «...Если избыточное рабочее население, – пишет К. Маркс, – есть необходимый продукт накопления или развития богатства на капиталистической основе, то это перенаселение, в свою очередь, становится рычагом капиталистического накопления и даже условием капиталистического способа производства. Оно образует промышленную резервную армию, которой может располагать капитал...Она (промышленная резервная армия – авт.) поставляет для его изменяющихся потребностей самовозрастания постоянно готовый, доступный для эксплуатации человеческий материал» [1, 646].

Особое значение приобретает «промышленная резервная армия» в период экономического кризиса. Она сдерживает требования «активной рабочей армии» (сохранение прежнего, «докризисного» уровня эксплуатации), позволяя капиталу самовозрастать, невзирая на неблагоприятную внешнюю конъюнктуру.

Таким образом, можно заключить, что «лишние люди» представляют собой необходимый материальный ресурс, который капитал использует в своих целях. В связи с этим, вполне понятно, что в объективном смысле «лишние люди» не только не являются лишними (избыточными), но и выступают в качестве жизненно важного ресурса функционирования всей системы капиталистического способа производства, ресурса, без которого наступит конец эры *self-expansion* капитала.

В данных условиях особую необходимость приобретает легитимизация существования «промышленной резервной армии». И здесь, на наш взгляд, на помощь капиталу как раз и приходит элитистское направление политической науки. Подменяя классовый взгляд на

общество натуралистическим, вводя дихотомию «элита-масса», элитология, по существу, выступает в качестве идеологического конструкта, призванного сформировать у «массы» ложное сознание и, как следствие, создать дополнительное условие бесперебойности процесса накопления капитала (см. прим. 3).

Раскрытая на абстрактном уровне проблема «лишних людей» достаточно ярко проявляется в условиях конкретной исторической ситуации.

Так, например, в г. Комсомольске-на-Амуре в 2009 году уровень безработицы возрос в 1,5 раза и составил 3,4% от всей массы трудоспособного населения (см. прим. 4). В 2010 году данная тенденция сохранилась, что отмечается, в частности, в подготовленном Администрацией г. Комсомольска-на-Амуре докладе «Об итогах социально-экономического развития г. Комсомольска-на-Амуре в 2009 году и задачах на 2010 год». В нём сказано: «остается напряженной ситуация на городском рынке труда. Численность зарегистрированных безработных на 1 марта 2010 года составила 5670 человек. Уровень безработицы достиг 3,9 %. Незначительным остается число заявленных предприятиями и организациями города вакансий» (см. прим. 5).

Сами по себе приведённые цифры не показательны, поскольку дают возможность интерпретировать их в качестве обычного проявления кризисных тенденций в экономике. Однако совершенно по-иному выглядят приведённые данные при рассмотрении их в контексте взаимосвязи с высказываниями отдельных представителей топ-менеджмента крупнейших предприятий г. Комсомольска-на-Амуре. Так, генеральный директор ОКБ «Сухой» Михаил Погосян, рассказывая об успехах производственного процесса на Комсомольском-на-Амуре авиационном производственном объединении (КнААПО), отметил: «за счет высокой автоматизации производственного процесса нам удастся ежегодно сокращать численность занятого персонала» (см. прим. 6).

Вышеприведённые примеры демонстрируют взаимосвязь между модернизацией средств производства и сокращением занятых на производстве. При этом вполне понятно, что «ежегодно сокращаемая численность занятого персонала» не исчезает «в никуда», а пополняет ряды «промышленной резервной армии» («лишних людей»), становясь дополнительным ресурсом, которым располагает российский капитал.

При этом существующая в современной России многочисленная армия «лишних людей» не признаётся достаточной представителями российского капитала (см. прим. 7).

Так, один из крупнейших российских предпринимателей, председатель комитета по рынку и кадровым стратегиям Российского союза промышленников и предпринимателей Михаил Прохоров прямо и откровенно заявил о необходимости внесения изменений в Трудовой кодекс РФ, которые бы позволили значительно упростить процедуру увольнения работников по инициативе работодателя. Данная мера, по мнению бизнесмена, обусловлена тем, что «существующее трудовое законодательство сдерживает инновационное развитие» [2, 2]. (Весьма показательны, что сам М. Прохоров, являясь, членом Бюро Правления РСПП, высказал вышеобозначенное предложение на конференции «Человеческий капитал как средство модернизации экономики», проходившей в рамках Недели российского бизнеса. Это позволяет сделать вывод о том, что данный тезис не принадлежит лично и исключительно конкретному бизнесмену, а отражает мнение российского предпринимательского сообщества в целом).

Сходные идеи высказал и нынешний российский министр финансов Алексей Кудрин. Выступая с докладом на конференции в ГУ ВШЭ, чиновник указал, что поскольку избыточная «масса» рабочей силы тормозит развитие российской экономики, постольку актуальность приобретает вопрос массовых увольнений (см. прим. 8). Продолжая развивать данную тему, министр самокритично отметил: «мы, защищая население, уменьшили некоторые стимулы и факторы роста на ближайшие год-два, поэтому после такой бурной поддержки все-таки остается задача увольнения избыточной рабочей силы, повышения производительности

труда предприятий, снижения издержек – это объективные факторы экономического роста на ближайшее время» (см. прим. 9).

Не остаётся в стороне от данной проблемы и либеральноориентированная российская экономическая наука. Так, кандидат экономических наук, профессор кафедры экономики труда и народонаселения ГУ ВШЭ, директор Центра трудовых исследований В.Е. Гимпельсон в своём интервью газете «Ведомости» указывает на недостатки российской модели занятости. По его мнению, в отличие от моделей занятости, существующих в других странах (например, во Франции, Германии, Италии), российская модель предполагает существование высокой занятости, слабовосприимчивой к кризисным явлениям в экономике. Данный факт расценивается исследователем как безусловный недостаток. Исследователь весьма позитивно оценивает «западную» модель занятости, основанную на возможности быстрого «избавления» экономики от «избыточной» рабочей силы путём массированных увольнений. Подобная мера, считает В.Е. Гимпельсон, оказывает оздоравливающее влияние на экономику, позволяя ей скорейшим образом справиться с кризисными явлениями. И хотя автор прямо не предлагает заимствовать достижения данной модели, его предпочтения очевидны (см. прим. 10).

Таким образом, можно заключить, что «промышленная резервная армия» («лишние люди») являются важным ресурсом self-expansion российского капитала, ресурсом, на который делается основная ставка в большой экономической игре под названием «российская модернизация».

Данная сущностная тенденция на уровне массового сознания принимает знакомое «элитологическое» очертание, которое, в свою очередь, отливаясь в форму мифологической конструкции, создаёт структурный элемент ложного сознания. Примеров подобных «элитологических» построений, присутствующих в российском политическом (экономическом, социальном, культурном) дискурсе, – множество. Однако самым ярким и показательным является высказывание одного из представителей российской элиты Юрия Гусакова. По его мнению, «страну населяет звероподобный сброд, которому просто нельзя давать возможность свободно выбирать. Этот сброд должен мычать в стойле, а не ломиться грязными копытами в мой уютный кондиционированный офис... Валить отсюда надо...когда этим животным позволят избрать себе достойную их власть. Вот тогда я первый в американское посольство ломанусь. А сейчас всё прекрасно – бабки зарабатывать можно, в ЖЖ («живом» журнале, live journal – авт.) лаять на Кремль можно, летать куда угодно можно... Сейчас полная свобода. Просто не надо принимать пропаганду на свой счёт. Ей не нас дурят, ей нас защищают от агрессивной-тупой-нищей массы, которая всё пожрёт, только дай ей волю...» (см. прим. 11).

«Вынося за скобки» суждения оценочного характера, следует отметить, что вышеприведённая фраза в достаточно полной мере выражает элитологическую мифологию, делящую мир на обладающую превосходными качествами «элику» и на неполноценную «массу». Основу данного разделения (а, в сущности, сегрегации) составляет имманентно предполагаемый натурализм, объясняющий подобное явление не через обращение к его сущностным социально-классовым детерминантам, а через констатацию его «обыденности», «повсеместности», «природности» и т.д.

Вместе с этим, следует отметить, что, несмотря на усиленные старания по внедрению элитологической мифологии в российское общественное сознание, элементы социально-классовой трактовки темы «элита-масса» в нём всё же присутствуют. Так, по данным социологических опросов, проводимых Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), большинство респондентов (51 %) определяет элиту не в качестве обладателей превосходных нравственно-интеллектуальных характеристик, а в качестве субъектов, наделённых большими объёмами материальных (собственность) (25 %) и политических (власть) ресурсов (26 %) (см. прим. 12).

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс – М.: Госполитиздат, 1963. – Т. 1. – 908 с.
2. Михаил Прохоров зовёт к станку // Коммерсантъ. – 2010. – 14.04. – С. 2.
3. Моска, Г. Правящий класс / Г. Моска // Социологические исследования. – 1994. – №10. – С. 176-187.
4. Чилкот, Р. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы / Р. Чилкот – М.: ИНФРА-М, Издательство «Весь Мир», 2001. – 560 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В данном случае термин «альтернатива» понимается в строгом смысле слова (в значении – «или-или»). Ввиду этого принципиально ошибочным является использование для политологического анализа когнитивного потенциала обеих парадигм «одновременно».
2. Теория элиты (элитология) является составным элементом парадигмы основного направления.
3. Весьма показательна в этом отношении идея пионера элитологии - Г.Моска об извечном, вневременном разделении общества на элиту («правлящий класс») и «массу». В своей работе «Правящий класс» Г.Моска указывает: «во всех обществах (начиная со слаборазвитых или с трудом достигших основ цивилизации вплоть до наиболее развитых и могущественных) существуют два класса людей: класс правящих и класс управляемых. Первый, всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизировать власть и наслаждается теми преимуществами, которые дает власть, в то время как второй, более многочисленный класс управляется и контролируется первым» (**источник:** Моска, Г. Правящий класс / Г. Моска // Социологические исследования. – 1994. - №10. – С. 187).
4. Доклад «Об итогах социально-экономического развития г. Комсомольска-на-Амуре в 2009 году и задачах на 2010 год» Режим доступа: <http://www.kmscity.ru/content/view/4795/88/>.
5. Доклад «Об итогах социально-экономического развития г. Комсомольска-на-Амуре в 2009 году и задачах на 2010 год». Режим доступа: <http://www.kmscity.ru/content/view/4795/88/>.
6. Первый вице-премьер Шувалов посетил в Комсомольске-на-Амуре авиационный завод. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/business/news.asp?id=134937&sw=%F8%F3%E0%EB%EE%E2&bd=30&bm=4&by=2010&ed=30&em=4&ey=2010&secid=0&mp=1&p=1>.
7. По данным Федеральной службы государственной статистики численность безработных в марте 2010 года в России составила 6,4 млн. человек (8,6 % от экономически активного населения) (**источник:** Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации / Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_01/IssWWW.exe/Stg/d03/3-2.htm
8. Милюкова, Я. Кудрин: работающие россияне тормозят экономику / Я. Милюкова. Режим доступа: <http://www.bfm.ru/articles/2010/04/06/kudrin-rabotajushhie-rossijane-tormozjat-ekonomiku.html>.
9. Милюкова, Я. Кудрин: работающие россияне тормозят экономику / Я. Милюкова. Режим доступа: <http://www.bfm.ru/articles/2010/04/06/kudrin-rabotajushhie-rossijane-tormozjat-ekonomiku.html>.
10. Работать или не работать? Какую стратегию выживания выбирают в России (интервью с В.Е. Гимпельсоном) Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/career/video/98_298. Подробно концепция В.Е. Гимпельсона представлена в книге «Заработная плата в России: эволюция и дифференциация» / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшников. – М.: Изд.дом ГУ ВШЭ, 2008. – 575 с.
11. Вербицкий, М. «Россию населяет звероподобный сброд». Почему власти России хотят ликвидировать образование / М. Вербицкий. Режим доступа: <http://svpressa.ru/blogs/article/23906/>.
12. см. Политический словарь нашего времени – М.: ЦСП, 2006. – С. 437 – 438.

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

Мальшева Н. В.
N. V. Malisheva

МОСКАЛЬЧУК, Г. Г. СТРУКТУРА ТЕКСТА КАК СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС. ИЗД. 2. – М.: ИЗД-ВО ЕДИТОРИАЛ УРСС, 2010. – 296 С.

MOSKALCHUK, G.G. TEXT STRUCTURE AS A SYNERGY PROCESS. SECOND EDITION. – М.: EDITORIAL URSS, 2010. – 296 P.

Мальшева Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Партизанская, д. 14, кв. 72; 89098293767. E-mail: natasha@knastu.ru.

Ms. Malisheva Natalia Vasilievna – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681000, Komsomolsk-on-Amur, 14 Partisanskaya St., flat 72; +7 (9098) 293767. E-mail: natasha@knastu.ru.

Галина Григорьевна Москальчук, доктор филологических наук, профессор Оренбургского государственного педагогического университета, известна как специалист в области общей теории текста, лингвосинергетики, психолингвистики.

В рецензируемой нами работе «Структура текста как синергетический процесс» (2010) автор исследует процессы структурной организации и самоорганизации текста исходя из основных принципов теории симметрии и синергетики. Данная монография является доработанным и расширенным вариантом более раннего издания «Структурная организация и самоорганизация текста» (1998).

Большинством лингвистов текст, как правило, рассматривается с точки зрения смысла, значения, содержания, при этом форма текста как таковая не осознается ими в качестве важного и самостоятельного объекта анализа. Обычно акцентируются лишь те компоненты формы, которые, как представляется исследователям, оказывают влияние на содержательную сторону текста. Форма при этом предполагается диалектически соотнесенной с содержательными компонентами целого. Факт же наличия у формы текста собственной специфики как структурного, так и содержательного порядка в лингвистических работах обычно не обсуждается.

Постановка проблемы структурной организации и самоорганизации текста возможна лишь в свете антропоцентрического подхода к языку. Человек, являясь частью этого мира, неизбежно подчиняется его физическим и биолого-физиологическим закономерностям, что не может не накладываться отпечатка на характер организации структуры текста. Таким образом, возможно рассматривать текст не только в качестве продукта речевой деятельности, но и как результат интегративного синергетического процесса, запечатленного в его структуре вследствие ограниченности физико-биологических параметров восприятия, свойственных человеку.

Синергетический подход проявляется в том, что автор отождествляет текст с физическим телом и обращает внимание на такие его особенности, как масса словесного и грамматического материала, воздействующая на слушателя или читателя; размер текста и составляющих его компонентов, позволяющих ставить проблему соотношения частей в целом, их согласованного (кооперативного) действия в рамках целостного объекта; протяженность текста, связанная с направленностью движения; необратимость текста во времени и пространстве, выступающая как однонаправленность ориентации физической (материальной) стороны текста.

При этом для понимания особенно важна роль повтора – физического параметра текста, определяющего его целостность: «...в тексте развиваются чисто языковые приспособления, способные компенсировать непреложный физический закон, то есть как бы поворачивать время вспять, замедлять или ускорять ход субъективного времени, отражаемого человеком в тексте с помощью языковых знаков» (10).

В работе предложен ряд оригинальных методик анализа целого текста: анализ позиционного размещения единиц в тексте; методика выявления внутритекстовых циклов; про-

Малышева Н. В.

МОСКАЛЬЧУК, Г. Г. СТРУКТУРА ТЕКСТА КАК СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС.

ИЗД. 2. — М.: ИЗД-ВО ЕДИТОРИАЛ УРСС, 2010. — 296 С.

цедура выделения в тексте креативного аттрактора, сопоставление различных текстов на фоне инварианта структуры текста; многомерная композиционная типология текста; построение позиционной структуры текста выделение на этой основе композиционных зон текста, коррелирующих с пропорциями золотого сечения.

Исследование текста Г. Г. Москальчук строит в большей степени на изучении устной формы речи, которая, по мнению автора, мало изучена. Некодифицированная речь и тексты-примитивы рассматриваются в рамках нормоцентризма «как в чем-то «ущербный» языковой материал» (6). Между тем устная речь «должна занять свое законное место в качестве «ядра системы национального языка, поскольку функциональные типы текстов, обнаруженные в ней, совпадают с письменными. Кодифицированная же письменная коммуникация выступает на фоне устной речи явлением периферийным в речевой деятельности обычного человека, вторичным генетически и онтологически» (6).

Несомненным достоинством монографии является привлечение большого массива речевых произведений (текстов) разных функциональных стилей литературного языка и диалектной речи: общий объем материала, на основе анализа которого получены результаты, приближается к 1 миллиону словоформ. Это – устная речь (в том числе и диалектная), фольклор (заговор, быличка, сказка, пословица, загадка), тексты-примитивы, используемые в ассоциативных экспериментах, афоризм, миниатюра, художественная проза и поэзия, сочинения и изложения школьников.

Таким образом, многоаспектность выборки позволила Г. Г. Москальчук выявить универсальность обнаруженных проявлений структурной организации текста как целостного объекта за счет нивелирования индивидуальных различий в употреблении текстов.

Одним из вопросов, рассматриваемых автором, стала проблема оценки адекватности перевода на уровне гармонии целого. Автор считает, что «важно учитывать не только языковые показатели глубинных и поверхностных структур, но и меру их соотношения в тексте. Это должно быть предметом заботы лингвистики и литературоведения, а не только интуиции и общей культуры переводчика» (7).

Предлагаемый Г. Г. Москальчук анализ включает оценку структуры текста по характеру протекания в нем интегративных синергетических процессов с последующим сопоставлением структуры оригинала и перевода. Перевод нуждается в гармонической правке текста, под которой понимается «приведение динамики позиционного развертывания структуры целого текста в соответствие с аналогичными процессами, заложенными автором в оригинале» (251). Это необходимо для сохранения тождественного характера глубинной структуры целого, встроенного автором в структуру текста, с целью вызвать у читателя такой же эмоциональный отклик.

Изменение в нужную сторону качества ориентации предложения в целом тексте максимально приближает его к оригиналу. При этом преобразуется динамика внутреннего ритма текста и соответствующей градации функциональных режимов самоорганизации структуры. Неосознаваемый, но активно воздействующий на читателя структурный остов целого текста сохраняется, потому что порядок поступления информации, иерархически ранжированной автором, совпадает. Гармоническая правка целого текста, таким образом, приближает читателя к постижению аксиологической сути авторского намерения, встроенного в текст.

Следовательно, «важнейшая задача переводчика состоит в синхронизации смыслов, выявляемых им в оригинале, с внутренней иерархией информативности интервалов текста как целостности» (255). И только затем необходимо добиваться соответствия на уровне поверхностных языковых структур, что обычно и обсуждается в связи с проблемой переводческой эквивалентности произведений.

Данная работа предназначена для специалистов, интересующихся проблемами теории текста, научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов: сведения о процессах организации и самоорганизации текста могут существенно изменить и оптимизировать качество профессиональной работы с текстом.

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

Мальшева Н. В.
N. V. Malisheva

МОСКАЛЬЧУК, Г. Г. СТРУКТУРА ТЕКСТА КАК СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС. ИЗД. 2. – М.: ИЗД-ВО ЕДИТОРИАЛ УРСС, 2010. – 296 С.

MOSKALCHUK, G.G. TEXT STRUCTURE AS A SYNERGY PROCESS. SECOND EDITION. – М.: EDITORIAL URSS, 2010. – 296 P.

Мальшева Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Партизанская, д. 14, кв. 72; 89098293767. E-mail: natasha@knastu.ru.

Ms. Malisheva Natalia Vasilievna – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681000, Komsomolsk-on-Amur, 14 Partisanskaya St., flat 72; +7 (9098) 293767. E-mail: natasha@knastu.ru.

Галина Григорьевна Москальчук, доктор филологических наук, профессор Оренбургского государственного педагогического университета, известна как специалист в области общей теории текста, лингвосинергетики, психолингвистики.

В рецензируемой нами работе «Структура текста как синергетический процесс» (2010) автор исследует процессы структурной организации и самоорганизации текста исходя из основных принципов теории симметрии и синергетики. Данная монография является доработанным и расширенным вариантом более раннего издания «Структурная организация и самоорганизация текста» (1998).

Большинством лингвистов текст, как правило, рассматривается с точки зрения смысла, значения, содержания, при этом форма текста как таковая не осознается ими в качестве важного и самостоятельного объекта анализа. Обычно акцентируются лишь те компоненты формы, которые, как представляется исследователям, оказывают влияние на содержательную сторону текста. Форма при этом предполагается диалектически соотнесенной с содержательными компонентами целого. Факт же наличия у формы текста собственной специфики как структурного, так и содержательного порядка в лингвистических работах обычно не обсуждается.

Постановка проблемы структурной организации и самоорганизации текста возможна лишь в свете антропоцентрического подхода к языку. Человек, являясь частью этого мира, неизбежно подчиняется его физическим и биолого-физиологическим закономерностям, что не может не накладываться отпечатка на характер организации структуры текста. Таким образом, возможно рассматривать текст не только в качестве продукта речевой деятельности, но и как результат интегративного синергетического процесса, запечатленного в его структуре вследствие ограниченности физико-биологических параметров восприятия, свойственных человеку.

Синергетический подход проявляется в том, что автор отождествляет текст с физическим телом и обращает внимание на такие его особенности, как масса словесного и грамматического материала, воздействующая на слушателя или читателя; размер текста и составляющих его компонентов, позволяющих ставить проблему соотношения частей в целом, их согласованного (кооперативного) действия в рамках целостного объекта; протяженность текста, связанная с направленностью движения; необратимость текста во времени и пространстве, выступающая как однонаправленность ориентации физической (материальной) стороны текста.

При этом для понимания особенно важна роль повтора – физического параметра текста, определяющего его целостность: «...в тексте развиваются чисто языковые приспособления, способные компенсировать непреложный физический закон, то есть как бы поворачивать время вспять, замедлять или ускорять ход субъективного времени, отражаемого человеком в тексте с помощью языковых знаков» (10).

В работе предложен ряд оригинальных методик анализа целого текста: анализ позиционного размещения единиц в тексте; методика выявления внутритекстовых циклов; про-

Малышева Н. В.

МОСКАЛЬЧУК, Г. Г. СТРУКТУРА ТЕКСТА КАК СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС.

ИЗД. 2. — М.: ИЗД-ВО ЕДИТОРИАЛ УРСС, 2010. — 296 С.

цедура выделения в тексте креативного аттрактора, сопоставление различных текстов на фоне инварианта структуры текста; многомерная композиционная типология текста; построение позиционной структуры текста выделение на этой основе композиционных зон текста, коррелирующих с пропорциями золотого сечения.

Исследование текста Г. Г. Москальчук строит в большей степени на изучении устной формы речи, которая, по мнению автора, мало изучена. Некодифицированная речь и тексты-примитивы рассматриваются в рамках нормоцентризма «как в чем-то «ущербный» языковой материал» (6). Между тем устная речь «должна занять свое законное место в качестве «ядра системы национального языка, поскольку функциональные типы текстов, обнаруженные в ней, совпадают с письменными. Кодифицированная же письменная коммуникация выступает на фоне устной речи явлением периферийным в речевой деятельности обычного человека, вторичным генетически и онтологически» (6).

Несомненным достоинством монографии является привлечение большого массива речевых произведений (текстов) разных функциональных стилей литературного языка и диалектной речи: общий объем материала, на основе анализа которого получены результаты, приближается к 1 миллиону словоформ. Это – устная речь (в том числе и диалектная), фольклор (заговор, быличка, сказка, пословица, загадка), тексты-примитивы, используемые в ассоциативных экспериментах, афоризм, миниатюра, художественная проза и поэзия, сочинения и изложения школьников.

Таким образом, многоаспектность выборки позволила Г. Г. Москальчук выявить универсальность обнаруженных проявлений структурной организации текста как целостного объекта за счет нивелирования индивидуальных различий в употреблении текстов.

Одним из вопросов, рассматриваемых автором, стала проблема оценки адекватности перевода на уровне гармонии целого. Автор считает, что «важно учитывать не только языковые показатели глубинных и поверхностных структур, но и меру их соотношения в тексте. Это должно быть предметом заботы лингвистики и литературоведения, а не только интуиции и общей культуры переводчика» (7).

Предлагаемый Г. Г. Москальчук анализ включает оценку структуры текста по характеру протекания в нем интегративных синергетических процессов с последующим сопоставлением структуры оригинала и перевода. Перевод нуждается в гармонической правке текста, под которой понимается «приведение динамики позиционного развертывания структуры целого текста в соответствие с аналогичными процессами, заложенными автором в оригинале» (251). Это необходимо для сохранения тождественного характера глубинной структуры целого, встроенного автором в структуру текста, с целью вызвать у читателя такой же эмоциональный отклик.

Изменение в нужную сторону качества ориентации предложения в целом тексте максимально приближает его к оригиналу. При этом преобразуется динамика внутреннего ритма текста и соответствующей градации функциональных режимов самоорганизации структуры. Неосознаваемый, но активно воздействующий на читателя структурный остов целого текста сохраняется, потому что порядок поступления информации, иерархически ранжированной автором, совпадает. Гармоническая правка целого текста, таким образом, приближает читателя к постижению аксиологической сути авторского намерения, встроенного в текст.

Следовательно, «важнейшая задача переводчика состоит в синхронизации смыслов, выявляемых им в оригинале, с внутренней иерархией информативности интервалов текста как целостности» (255). И только затем необходимо добиваться соответствия на уровне поверхностных языковых структур, что обычно и обсуждается в связи с проблемой переводческой эквивалентности произведений.

Данная работа предназначена для специалистов, интересующихся проблемами теории текста, научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов: сведения о процессах организации и самоорганизации текста могут существенно изменить и оптимизировать качество профессиональной работы с текстом.

Костюрина Н. Ю.
N. Yu. Kostryurina

«УПРЕКИ В ОТСУТСТВИИ СИСТЕМНОСТИ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ:».
РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ А. ПЕЛИПЕНКО «ИСКУССТВО В ЗЕРКАЛЕ
КУЛЬТУРОЛОГИИ». – СПб.: НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2010. – 315 С.

‘NO REPRIMANDS AS TO THE LACK OF SYSTEMATICITY ARE ADMITTED:’.
A CRITICAL REVIEW OF A. PELYPENKO, ART IN THE MIRROR OF CULTURE
STUDIES. – ST.PETERSBURG, NESTOR-ISTORIYA PUBLISING, 2010. – 315 P.

Костюрина Надежда Юрьевна – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681022, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Победы, 56-33; 8-4217-25-32-01. E-mail: kosturina@mail.ru.

Ms. Nadezda Yu. Kosturina – Ph.D. of Cultural Studies, Professor, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University; 681022, Komsomolsk-on-Amur, 56-33 Pobedy pr.; 8 (4217) 253201. E-mail: kosturina@mail.ru.

Книга доктора философских наук, профессора А. Пелипенко – редкое и исключительно приятное событие для отечественного гуманитарного знания по целому ряду причин.

Во-первых, речь идет об искусстве, в том числе. о современном искусстве, исследуя которое, автор выходит за границы собственной психологической и эмоциональной ангажированности, четко разводя две позиции: зрительскую, с индивидуальным вкусом и субъективной оценкой, и собственно исследовательскую позицию профессионала, задачей которого является анализ специфики, границ, новых функций того явления в современной культуре, которое мы по привычке называем искусством.

Во-вторых, об искусстве пишет не только искусствовед, но – художник, со своим творческим видением и опытом.

И – самое уникальное – творческий и искусствоведческий опыт не мешают автору расширить предмет исследования до уровня теоретического обобщения. Последнее, безусловно, не сюрприз, поскольку А. Пелипенко известен научной общественности как автор монографии «Культура как система», написанной в соавторстве с И. Яковенко, и смысло-генетической теории культуры.

Исключительно приятно и наличие внятной авторской позиции в отношении науки культурологии (как науки о смыслах), отсутствие у которой собственных методов исследования и разнообразие в определении предмета в течение многих лет продолжает обсуждаться в печати, на конгрессах, конференциях и круглых столах и оказывается поводом для сомнений в научной ценности культурологического анализа.

А. Пелипенко, напротив, считает, что только у культурологии есть возможность полноценного анализа современного состояния искусства, столь далекого сегодня от своих классических форм. Традиционное искусствоведение, по мнению автора, находится в кризисе, поскольку искусствоведческий методологический аппарат оказался неадекватным своему принципиально изменившемуся предмету. «Искусство – подсистема культуры. И это совершенно очевидно, какие бы экстравагантные контраргументы не выдвигались бы по уши погруженными в свой предмет искусствоведами и эстетиками. Следовательно, культура как целостная система является контекстом самоопределения искусства как частной сферы – подсистемы, которая по мере своей эмансипации всё более притязает на воспроизведение качественных характеристик целого. Но разобраться в этих процессах само искусствознание не может. Опять же не в силу каких-то своих недостатков, а просто потому, что это не его

Костюрина Н. Ю.

«УПРЕКИ В ОТСУТСТВИИ СИСТЕМНОСТИ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ:»). РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
А. ПЕЛИПЕНКО «ИСКУССТВО В ЗЕРКАЛЕ КУЛЬТУРОЛОГИИ». — СПб.: НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2010. — 315 С.

предмет. Это под силу только культурологии и, причём именно теоретической. К примеру, кризис искусства в 20-м веке не может быть понят сам по себе, вне контекста общекультурных процессов, не сводимых просто к социально-историческому фону, ибо сам этот пресловутый «фон» нуждается в углублённом системном объяснении. К примеру, теоретическая культурология способна выявить глубинные причины этого кризиса в дальней исторической ретроспективе, связав их с имманентным циклом жизни логоцентрической макрокультурной системы. С позиции искусствоведа или эстетика, проследить картину кризиса и отмирания логоцентрических дискурсов невозможно. С позиции же культуролога видится достаточно ясная панорама...» (с. 5).

Прояснением этой историко-культурной панорамы и дальнейших перспектив и является монография А. Пелипенко.

Обозначив свое видение возможностей культурологического анализа, связанных с «выработкой гуманитарного метаязыка, преодолением дисциплинарных перегородок и достижением целостного знания», А. Пелипенко исследует явления искусства и художественной культуры различных эпох «за счёт введения их в поле культурологического дискурса». Автор уверен, что в таком подходе – залог новых возможностей «расширения поля толкования и понимания искусства, интерпретации художественного языка как культурного кода».

Структура работы охарактеризована автором во введении. Монография включает в себя три раздела. Первый, «Теория искусства: культурологические аспекты», состоит из пяти глав и посвящён «теоретическим аспектам взаимоотношений общекультурного и внутрихудожественного, увиденным в различных тематических регистрах от проблемы художественного стиля как языка культуры и генезиса формата в изобразительном искусстве до размышлений о мифо-магических основах творческого сознания в 20-м веке и перспективах постмодернизма как феномена культурного сознания» (с. 7).

Автор показывает невозможность определения «субстанциональных основ» стиля на основе простого суммирования эмпирически выделенных черт конкретного произведения искусства, и потому исследует принцип образования структурно-генетических кодов, «рождающих затем в проекции на материал стилевую форму, как особенный модус всеобщего языкового паттерна» для конкретной «макрокультурной системы» (с. 14); таким образом, стиль рассматривается А. Пелипенко как вариант/форма/один из множества культурных кодов/языков культуры. В поисках «слагаемых стиля, его структурного генома», принципа образования структурно-генетического кода автор исследует механизм образования бесконечного поля смыслов культуры из первоначального синкретического ядра: первичные ментальные интенции разворачиваются вовне, каждая отпадающая в процессе дифференциации подсистема «структурно подобна целому и связана с ним фрактальными отношениями» (с. 12). Одним из ключевых вопросов первой главы является описание механизма «перехода от метакода к коду, от всеобщего к особенному, от универсального архетипического метаязыка к конкретному стилю, от некоей инвариантно-абстрактной картины мира вообще к ее особенной историко-стилевой версии» (с. 16). Здесь же обозначены основные слои или уровни стиля – априорное психофизиологическое воздействие формы как таковой; бессознательный культурный код, сознательно закладываемый автором культурный код и фигуры умолчания (комплементарные фигуры, подразумеваемые смыслы, смыслы, сознательно табуируемые и смыслы, не замеченные субъектом культуры). Таким образом, мы видим, что речь идет об онтологии стиля как языка культуры.

Говоря о стиле, как языке культуры, как форме знакового опредмечивания смысла, А. Пелипенко размышляет о процессе культурогенеза, осмысливая эволюцию стиля как движение от описания мира к описанию ментальных состояний, эволюцию содержания значений от безусловных к конвенциональным (выстраивается последовательность от архетипа через символ, аллегория, метафору к субъективной ассоциативности и т.д.). Сам процесс стилеобразования рассматривается автором как аналог процесса становления субъектности, от единственного стиля в культуре, рассматриваемого как «универсально императивный язык куль-

туры», называемый стилем только в отдаленной исторической перспективе, до эпохи Больших стилей XV – XVII вв. и до размывания границ стиля в современной культуре.

Первая глава оказывается ключом к дальнейшему повествованию, так как последующие части книги развивают отдельные тезисы изложенной концепции, от проблемы формата как самостоятельного, но наиболее общего и абстрактного уровня смыслополагания в изобразительном искусстве и не только (глава 2), к проблеме идентичности, рассмотренной как процесс «отпадения» человеческого сознания от «палеосинкретической слитности со всеобщей эмпатической связью, пронизывающей собой универсум» (глава 3). В качестве основы идентификации в концепции А. Пелипенко рассматривается явление партиципации, разрушаемое в ходе становления «субъективирующей рефлексии». Вся история культуры рассмотрена в контексте стремления человека либо восстановить/гармонизировать, либо сохранить целостность «изначально нерасчлененного физико-психологического пространства» (с. 50). Исследователь предлагает типологию партиципационных состояний, причем каждая из эпох реализует в качестве доминирующего один из партиципационных типов. Динамика культуры представлена как проблема идентификации, т.е. осуществления субъектом выбора/совмещения между типами идентичностей, между вариантами дискурсов – веры, науки, разума, красоты, добродетели. Субъект выбора тоже меняется – от «социального коллектива» к единичному субъекту, причем в «массовом порядке». Искусствоведческий ракурс реализуется в данном контексте как проблема художественной идентичности, проблема традиции и отпадения от нее, а специфика культуры XX века усматривается в распаде логоцентрических дискурсов культуры, принципиальном изменении онтологического статуса искусства в культуре и «принципиально иных режимах партиципации и идентичности» (с. 74).

Во втором разделе монографии «Искусство как культурный код» в заданном контексте автор обращается к различным аспектам проблемы эволюции сознания – мифологического, художественного, массового, обыденного, дамского и мужского, рассматривая варианты его художественного воплощения. Основной вопрос второго раздела – смыслы произведения искусства (помимо собственно эстетических) и их интерпретация в культурологическом контексте. «Здесь историко-социологический аспект, разумеется, не синтезируется с ментально-психологическим, но довольно близко к нему подходит. И уже сама эта близость в известном смысле провокативна» – отмечает автор.

Третий раздел «Культурологические ракурсы современного искусства» включает в себя исследование отдельных явлений современной культуры, имеющих обобщающее значение. Заключительная глава о кризисе современного искусства как финальной стадии полного цикла его существования как «институционализированной формы культуры», последнем рубеже на пороге качественной трансформации включает в себя размышления о той роли, которую сыграл в кризисе искусства постмодернизм с его имитацией плюрализма и заменой творчества деятельностью, ориентированной на социальный результат.

Таким образом, как отмечает сам автор, в монографии «охватываются три уровня проблем соотношения искусства и художественной культуры с общекультурным контекстом в различных его измерениях». Извинения автора за отсутствие в работе «системности и всеохватности» выглядят как ирония в адрес читателя, поскольку, безусловно, перед нами продуманная, целостная, изящная культурологическая концепция генезиса, динамики и сущности искусства.

Текст монографии доступен в электронном варианте на авторском сайте А. Пелипенко (<http://apelipenko.ru/Наука/Монографии/>).

Егурнова А. А.

ШАРЛАИМОВА Г. Т., ЧИБИСОВА О. В. ОБРАЗОВАНИЕ БЕЗ ГРАНИЦ:
УЧЕБ. ПОСОБИЕ. — КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ГОУВПО «КНАГТУ», 2010. — 95 С.

Егурнова А. А.

A. A. Egurnova

**ШАРЛАИМОВА Г. Т., ЧИБИСОВА О. В. ОБРАЗОВАНИЕ БЕЗ ГРАНИЦ : УЧЕБ.
ПОСОБИЕ. – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ : ГОУВПО «КНАГТУ», 2010. – 95 С.**

**G.T. SHARLAIMOVA, O.V. CHIBISOVA. EDUCATION ACROSS CULTURES: A STUDY
GUIDE. – KOMSOMOLSK-ON-AMUR STATE TECHNICAL UNIVERSITY, 2010. – 95 P.**

Егурнова Александра Александровна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, аспирант кафедры педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: sashenkane@mail.ru.

Ms. Alexandra A. Egurnova – Senior Lecturer at the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, PhD Candidate of the Department of Education Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: sashenkane@mail.ru.

Исследования по межкультурной коммуникации на современном этапе приобретают всё большее значение в связи с процессами глобализации и интенсивной миграции. Поликультурность и межкультурная грамотность являются важнейшими составляющими профессионализма. Воспитание толерантности, межкультурного принятия, привитие правильного понимания культурных различий весьма актуальны в условиях многоязычия, полиэтничности и поликультурности населения России.

Авторы рецензируемого пособия ставят своей целью формирование и развитие у обучающихся умений и навыков эффективного взаимодействия с представителями различных культур в сфере образования, уделяя особое внимание межличностным отношениям между преподавателем и студентами.

Данное пособие представляет собой не просто сборник текстов для чтения, составленных на основе аутентичных материалов и заданий для контроля и понимания прочитанного и для обсуждения в аудитории, но также содержит упражнения и задания, направленные на выявление и устранение непонимания и предотвращение возможных конфликтов при межкультурном общении представителей разных культур.

Пособие четко структурировано и состоит из шести разделов, которые соответствуют принципам доступности и наглядности.

В первом разделе изложены принципы, понятия и современные методические подходы к обучению межкультурной коммуникации. Авторы ставят акцент на шести основных положениях, характеризующих каждую отдельно взятую культуру: интонация говорящего имеет определенный смысл; любой жест и телодвижение несет свое содержание; в каждом языке есть устойчивые выражения и идиомы, которые нельзя переводить дословно; каждый язык по-своему описывает предметы окружающего нас мира; во всех культурах есть запретные темы; формы обращения к людям варьируются в разных языках.

Второй и третий разделы пособия детально рассматривают системы начального, среднего, высшего и дополнительного образования в США, России и Китае. Приводится сравнительный анализ различных образовательных программ, способы написания рекомендательных писем, предлагаются разнообразные коммуникативные и проектные задания по данным темам.

Четвертый раздел посвящен профессии учителя, его роли как посредника в понимании культурных различий и осуществлении межкультурной коммуникации. Описываются и сравниваются методики преподавания дисциплин, используемые американскими и русскими педагогами. Особое внимание уделено проблемам, возникающим при обучении разноязычных и поликультурных групп учащихся; навыкам, умениям и качествам преподавателя, ведущего занятия в подобных группах.

В пятом разделе анализируются стереотипы в системе образования, поведении и менталитете. Раскрываются различия в структуре дискурса, этнические вариации в коммуникативном стиле, способы вовлечения студентов в учебную деятельность и пути решения возникающих проблем. Особенность данного раздела состоит в том, что все задания и упражнения ориентированы на межличностное взаимодействие, работу в парах и группах.

Шестой раздел рассматривает ситуации столкновения, непонимания представителей разных культур. Затрагиваются такие проблемы, как использование шпаргалок, плагиат, телесные наказания, поощрения и похвала, прогулы и пр. Задания и вопросы для обсуждения носят проблемный характер и способствуют развитию творческих и аналитических способностей обучаемых.

В целом, методическая структура учебного пособия воплощает принципы личностно-деятельностного подхода, рассматривающего студента как творческую, активную личность. Оно направлено не только и не столько на усвоение суммы знаний, сколько на формирование различных компетенций и на интеллектуальное развитие обучающихся.

Изучение предложенного аутентичного материала способствует расширению кругозора студентов, а также повышению их культурного уровня, развитию и совершенствованию навыков устной речи. Студенты учатся воспринимать чужую культуру как равноценную (при всей ее непохожести) и достойную рассмотрения благодаря ее уникальности. В процессе приобщения к чужой культуре учащиеся опираются на познавательные средства своей культуры, привлекаемые для осознания средств чужой культуры; на новые знания о чужой культуре, сформированные в процессе ее познания; и на новые знания о своей культуре, созданные при познании чужой культуры.

Несомненным достоинством данного учебного пособия является то, что основное внимание в нем уделено созданию и поддержанию у обучающихся потребности в общении и усвоению в процессе общения профессионально значимой и представляющей общекультурную ценность информации.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ
CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

Тарасова Е. А.
E. A. Tarasova

**VII ФЕСТИВАЛЬ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

**THE 7th FESTIVAL OF FOREIGN STUDENTS AT SIBERIAN AND FAR EASTERN
UNIVERSITIES**

Тарасова Евгения Александровна – аспирантка, старший преподаватель кафедры иностранных языков и русского как иностранного Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Первостроителей, д. 21, кв. 517; 89622985842. E-mail: evgeniyabychkova@rambler.ru.

Ms. Evgenia A. Tarasova – PhD Candidate, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages and Russian as a Foreign Language, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); Komsomolsk-on-Amur, 21-517, Pervostroiteley str.; +7 (962) 2985842. E-mail: evgeniyabychkova@rambler.ru.

В период с третьего по пятое декабря 2010 г. в Дальневосточном государственном университете в седьмой раз состоялся Фестиваль иностранных студентов вузов Дальнего Востока. Данное мероприятие международного уровня ежегодно проводится при поддержке Фонда «Русский мир» – российской организации, занимающейся популяризацией русского языка и культуры, а также сопровождением программ изучения русского языка в различных странах мира. Фонд осуществляет активную поддержку общественных, академических, образовательных организаций, занимающихся проблематикой, связанной с Русским миром, российских и зарубежных научных центров русистики. Занимается созданием научных, экспертно-политических каналов развития двусторонних отношений с зарубежными странами и международными организациями; продвижением экспорта российских образовательных услуг; содействует научным и образовательным обменам, мероприятиям, направленным на сохранение культурного наследия России. В силу выше изложенного можно сделать вывод о том, что проведение международного Фестиваля иностранных студентов имеет огромное значение на пути к достижению поставленных задач.

Целью данного фестиваля является стимулирование интереса иностранных студентов к изучению русского языка и русской культуры, традиций русского народа и истории России; поощрение учащихся, достигших наилучших результатов в овладении русским языком; обмен профессиональным опытом преподавателей РКИ различных вузов. Глобальными долгосрочными целями Фестиваля являются: расширение межкультурного взаимодействия, формирование зоны толерантности на Дальнем Востоке России. География конкурса ежегодно расширяется. В нынешнем 2010 г. было представлено 13 команд-участниц, среди которых: Дальневосточный федеральный университет (ДФУ), Дальневосточный государственный технический университет (ДВГТУ), Тихоокеанский государственный экономический университет (ТГЭУ), Морской государственный университет им. адмирала Невельского (МГУ), Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС), Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет (Дальрыбвтуз), Уссурийский государственный педагогический институт (УГПИ), Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), Хабаровский государственный институт искусств и культуры (ХГИИК), Благовещенский государственный педагогический университет (БГПУ), Дальневосточный государственный аграрный университет (ДальГАУ), Читинский государственный университет (ЧитГУ), Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет (КНАГТУ), впервые принимавший участие в Фестивале.

Программа Фестиваля предусматривала участие в четырех конкурсных номинациях:

1. Командное приветствие – представление. Целью номинации являлось представление своего вуза в произвольной форме. В ходе выступления команды оценивались уровень владения русской речью, зрелищность, артистизм.

В этой номинации участие приняли:

- МГУ им. Г.И. Невельского	- ЧитГУ
- ДВФУ	- КНАГТУ
- ТГЭУ	- ДВГУПС
- ВГУЭС	- УГПИ
- БГПУ	

2. Конкурс "Исполнение русской песни". Конкурсанты соревновались в исполнении русской народной или современной песни на русском языке. В этой номинации оценивалось вокальное мастерство, артистизм исполнения, владение текстом произведения, соответствие речи участников фестиваля фонетическим, лексико-грамматическим и интонационным нормам русской речи, ее понятность и беглость.

3. "Инсценировка на русском языке". Участники представили вниманию зрителей инсценированное драматическое произведение на русском языке (пьесу, отрывок, сказку). Существенным для оценки являлось соответствие речи конкурсантов норме, владение текстом, артистизм.

4. Конкурс «Национальное творчество». Целью данной номинации было представление национальной культуры учащихся России в произвольной форме (песни, танцы, номера оригинального жанра и т.д.). На наш взгляд, эта номинация стала самой яркой и запоминающейся. На суд жюри и зрителей были представлены китайские народные танцы, элементы традиционной гимнастики и боевых искусств, песни на русском и китайском языках.

Команду КНАГТУ представляли четыре китайских студента, обучающихся на Факультете компьютерных технологий. Студенты выступили в номинациях «Командное приветствие – представление», «Исполнение русской песни», «Национальное творчество». Наш вуз наряду с МГУ, Дальрыбвтуз, ДальГАУ и ЧитГУ впервые принимал участие в Фестивале и стал лучшим в номинации «Успешный дебют».

Приветствие КНАГТУ было представлено в форме инсценировки по мотивам сказки «Белоснежка и семь гномов». Жюри отметило артистизм выступающих, хорошую фонетику, оригинальность номера. В номинации «Исполнение русской песни» было исполнено музыкальное произведение из мультфильма «Бременские музыканты», при этом студенты не только прекрасно пели, но и танцевали. Самым ярким и запоминающимся номером нашей команды была инсценировка русской народной песни «Валенки». Колоритные костюмы, современная музыкальная аранжировка всеми любимой песни, артистичная игра и, конечно, настоящие русские валенки – все это сделало выступление нашей команды незабываемым.

По результатам трех номинаций призовые места распределились следующим образом: гран-при получил ДВФУ, первое место – УГПИ, второе место – ТГЭУ, третье место – ДВГУПС.

Помимо конкурсной программы студенты и преподаватели кафедры ИЯРКИ Е.А. Тарасова и К.А. Бурнаева исполнили песню на китайском языке «Луна расскажет о моих чувствах», которая была горячо принята зрителями.

Надеемся, что участие команды КНАГТУ в ежегодном Фестивале иностранных студентов станет доброй традицией.

Костюрина Н. Ю.

ПЕРВЫЕ ДЕМИЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ В ПЕТЕРБУРГЕ

Костюрина Н. Ю.

N. Yu. Kostyurina

ПЕРВЫЕ ДЕМИЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ В ПЕТЕРБУРГЕ

THE FIRST A. V. DEMICHEV CONFERENCE IN ST.PETERSBURG

Костюрина Надежда Юрьевна – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681022, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Победы, 56-33; 8-4217-25-32-01. E-mail: kosturina@mail.ru.

Ms. Nadezda Yu. Kosturina – Ph.D. of Cultural Studies, Professor, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University; 681022, Komsomolsk-on-Amur, 56-33 Pobedy pr.; 8 (4217) 253201. E-mail: kosturina@mail.ru.

22 октября 2010 г. в Санкт-Петербургском филиале Института бизнеса и политики состоялась приуроченная к 15-летию юбилею филиала научная конференция в память о петербургском философе Андрее Витальевиче Демичеве (1957-2000), лидере отечественной танатологии 90-х гг. XX в., организаторе и руководителе Ассоциации танатологов Санкт-Петербурга, художнике, поэте.

Среди участников конференции – философы, входившие в Ассоциацию танатологов – В.В. Савчук, М.С. Уваров, коллеги и друзья А.В. Демичева, философы Н.В. Голик, А.К. Секацкий, художник В.В. Кустов и др.

М.С. Уваров, дфн, проф. СПбГУ, ведущий круглого стола в своем выступлении («Российская танатология. Начало») говорил об истории проекта «Петербургский Танатос», родившегося как авторская идея Андрея Витальевича Демичева; истоках и современном состоянии танатологических исследований в отечественной науке, истории издания альманаха «Фигуры Танатоса», его авторах; о роли в формировании идеи проекта академика И.Т. Фролова, директора Института человека РАН, поддержавшего проект и включившего в план перспективных разработок отделения Российской академии наук, В.Л. Рабиновича, культуролога, философа и историка науки, ставшего «духовным наставником проекта»; В.А. Подороги и его семинаров в Институте философии РАН конца 80 – начала-90-х гг.

Воспоминания М.С. Уварова о вызревании темы смерти в творчестве А.В. Демичева, формировании интереса к танатологической проблематике в контексте размышлений о гармонии, понятой диалектико-полифоническим образом, пересекались с личными воспоминаниями дфн, проф. СПбГУ, Н.В. Голик.

Блестящий доклад, прочитанный дфн, проф. СПбГУ В.В. Савчуком («От Новой архаики к танатологии»), был посвящен анализу места и значения Общества философии и искусства «Новая архаика» в становлении танатологической проблематики в отечественной философской мысли, эволюции художественных поисков к научному осмыслению темы смерти.

Доклад кфн, доц. СПбГУ А.К. Секацкого «Прижизненный опыт смерти» был эмоционально воспринят слушателями, соблазненными эффектной интерпретацией смены качественных состояний человека, соответствующих различным его возрастам, как череды смертей и рождений.

В.В. Кустов – художник-некрореалист – представил презентацию, иллюстрирующую опыт работы общественного научно-просветительского Центра танатологии при кафедре судебной медицины Санкт-Петербургской медицинской академии им. И.И. Мечникова, существующего с 2002 г., рассказал об основных художественных и учебных проектах Центра, а также о создании серии некроинсталляций в музеях России и Европы, в которых осмысливаются и переосмысливаются образы умирания, существующие в современной культуре. Говоря о зарождении в начале 1980-х гг. в Ленинграде течения некрореализма, о формировании его эстетики, В.В. Кустов вспомнил о совместных с А.В. Демичевым проектах, подобных исследованию/фотоисследованию русского кладбища (Русское кладбище: опыт идентификации // Фигуры Танатоса. Философский альманах. Выпуск 6. Кладбище. СПб., 2001).

Размышления участников Демичевских чтений оказались не только подведением итогов двадцатилетнего периода развития танатологии в отечественной философии, но и размышлениями о становлении в целом русской философии в конце XX в., ее основных смыслах, путях и перспективах философского осмысления современной культуры.

Демичевские чтения вряд ли назовут масштабным событием научной жизни Санкт-Петербурга, поскольку о масштабах мы давно уже судим по числу участников, а эта конференция была достаточно камерной, однако по уровню постановки проблем, качеству докладов, внутренней целостности она в ряду самых любопытных.